

А. А. Гребенкина

ЖИВАЯ БОЛЬ

Женщины и дети
Брестского гарнизона
(1941–1944)

А. А. Гребенкина

ЖИВАЯ БОЛЬ

Женщины и дети
Брестского гарнизона
(1941–1944)

Минск
«Беларусь»
2008

УДК 94(476.7)"1941/1944"

ББК 63.3(4Бел)

Г 79

*Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь*

ISBN 978-985-01-0771-8

© А.А. Гребенкина, 2008

© Оформление. РУП «Издательство
«Беларусь», 2008

ОТ АВТОРА

Каждый год 22 июня возвращает нас в трагический 1941-й год, в Брестскую крепость, где каждая пядь земли полита не только кровью воинов, но и кровью женщин и детей.

У стен Цитадели над Бугом, на пограничных заставах 17-го Краснознаменного пограничного отряда (КПО) и в полосе 62-го Брестского укрепленного района (УРа) началась дорога беспредельного мужества советских людей, защищавших свое Отечество.

За выдающуюся воинскую доблесть, массовый героизм и мужество ее защитников Брестской крепости было присвоено в 1965 году звание «Крепость-герой».

Первое масштабное историческое исследование о защитниках Брестской крепости, 62-го УРа, 17-го КПО, железнодорожного вокзала и города провел писатель С.С. Смирнов. Он «открыл» героев Брестской крепости. И то, что есть крепость-герой, музей обороны крепости, мемориал — это результат его огромного труда и таланта. Его книга «Брестская крепость» в 1965 г. была удостоена Ленинской премии. Она несколько раз переиздавалась. Сергей Сергеевич, обращаясь к защитникам Брестской крепости, писал: «О вас, о вашей трагической и славной борьбе еще напишут повести и романы, поэмы и исторические исследования, создадут пьесы и кинофильмы».

И действительно, написано много книг, создано немало художественных полотен, кинофильмов и театральных постановок, посвященных защитникам Брестской крепости.

Большую поисковую работу провели научные сотрудники музея Брестской крепости, собрав и обобщив богатейший материал о героическом подвиге ее защитников, записав в том числе воспоминания многих женщин.

Предлагаемое издание дополняет имеющиеся документы и материалы об участии женщин и детей в защите Брестской крепости, города, пограничных застав и защитников 62-го Брестского укрепленного района.

В нем на документальном материале ведется повествование о малоизвестных судьбах многих семей военнослужащих Брестского гарнизона, пограничных застав 17-го Краснознаменного пограничного отряда и 62-го Брестского укрепленного района в годы Великой Отечественной войны.

Названные имена, факты и события достоверны.

Документальные материалы для книги были собраны автором в основном в 80-е годы прошлого столетия. Очаги обороны Брестской крепости и на пограничной полосе рассматриваются только те, где находились жен-

щины и дети. В книге использованы документы Национального архива Республики Беларусь, архивов Комитета Государственной безопасности Республики Беларусь и Управления Комитета Государственной безопасности по Брестской области, Государственного архива Брестской области, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и Государственного учреждения «Мемориальный комплекс «Брестская крепость–герой» (ГУ «МКБКГ»), Брестского областного краеведческого музея, воспоминания участников военных событий и очевидцев. Автор записала воспоминания оставшихся в живых женщин и детей Брестского гарнизона, получила в свое распоряжение личные архивы Т.Н. Смирновой, А.И. Хромовой, З.И. Южной, А.М. Бабушкиной, В.А. Нестеренко и др.

Огромную помощь при подготовке издания оказали многие защитники Брестского гарнизона, 17–го Краснозменного пограничного отряда и 62–го Брестского укрепленного района, партизаны и подпольщики Брестчины и другие свидетели событий.

В книге использованы фотоснимки из фондов ГУ «МКБКГ», отдела культуры Брестского горисполкома и десятки фотографий, собранных автором у подпольщиков, партизан, их родных, близких и друзей.

Автор выражает благодарность коллективу ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость–герой» в лице его директора В.В. Губаренко, а также А.П. Кондак, специалисту отдела культуры Брестского горисполкома, и З.П. Смирновой, участнице Брестского городского партийно–комсомольского подполья, за огромную помощь в подготовке рукописи к изданию.

ЖИВАЯ БЫЛЬ

Накануне Великой Отечественной войны в Брестской крепости располагались 84-й, 125-й и 333-й стрелковые полки 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии, 44-й и 455-й стрелковые полки 42-й стрелковой дивизии. Они входили в состав 28-го стрелкового корпуса 4-й армии Западного Особого военного округа. Здесь же дислоцировались и другие части этих дивизий и корпуса. На территории Волынского укрепления находилось два военных госпиталя. В крепости несли службу подразделения 17-го КПО, который охранял государственную границу протяженностью 182 километра вдоль реки Буг. Отдельные части 6-й, 42-й стрелковых и 22-й танковой дивизий размещались вне крепости — в городе и близко расположенных к нему населенных пунктах. В крепости жили многие семьи командиров Красной Армии.

На территории Кобринского укрепления находилась большая часть жилых домов для семей командиров. В северо-западной части этого укрепления и напротив Северных ворот было расположено около двадцати одно- и двухэтажных жилых зданий, а ближе к восточным валам — пять одноэтажных домов. Кроме того, семьи командиров Красной Армии жили на территории госпиталя (Волынское укрепление) и Тереспольского укрепления, в Цитадели (в районе Тереспольских ворот), у Белого дворца.

До войны жизнь жен командиров Красной Армии была заполнена заботой о мужьях и детях, проходила увлекательно и интересно. Они делили с мужьями все тяготы и радости их службы.

Во всех воинских подразделениях активно работали общественные организации: делегатские собрания, женсоветы. Партийные организации воинских частей, направляя их деятельность, помогали проводить собрания женщин, заседания женсоветов, заслушивали их отчеты о практической работе. В свою очередь, делегатские собрания и женсоветы были верными помощниками партийных организаций в приобщении женщин к активной политико-воспитательной, организационно-хозяйственной, оборонно-спортивной и культурно-массовой работе.

При 6-й стрелковой дивизии активно действовал женсовет. Курировал его работу заместитель начальника отдела политической пропаганды, полковой комиссар Г.С. Пименов. Председателем женсовета дивизии была Драчева*, а в составе женсовета работали Аграфена Михайловна Пименова, Татьяна Игнатьевна Аношкина, Ольга Семеновна Герасимова и др.

* Имя, отчество Драчевой не установлены.

Женсоветы были созданы в 333, 125, 84-м стрелковых полках, 98-м отдельном противотанковом артиллерийском дивизионе, 75-м отдельном разведбатальоне, на погранзаставах. Женсовет в 75-м отдельном разведбатальоне возглавляла Анастасия Арефьевна Кудинова, в 84-м стрелковом полку — Ольга Семеновна Герасимова. В активе этого женсовета была Мария Ивановна Дородных.

Большую организаторскую работу среди жен военнослужащих проводила Анастасия Антоновна Никитина, жена капитана Н.И. Никитина, командира 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Еще в городах Орле и Ельце, где раньше служил муж, она окончила курсы медсестер при гарнизонном госпитале, училась в школе шоферов, получила права водителя автомашины 3-го класса, занималась конным спортом. Анастасия Антоновна Никитина все полученные знания и навыки в конном спорте, мотоделе передавала своим подругам.

Женсовет 125-го стрелкового полка возглавляла Елена Войтенко, жена капитана Павла Войтенко. Членом женсовета полка была Ольга Помисская, жена командира минометного взвода 125-го стрелкового полка лейтенанта В.А. Помисского.

В предвоенные годы партийные организации с помощью женсоветов много делали по военно-патриотическому воспитанию женщин. Они наладили оборонную работу через такие массовые добровольные организации, как Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), Российское общество Красного Креста (РОКК). Развернули в них соревнование между группами. Большое значение придавалось подготовке среди женщин снайперов, значкистов — «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Готов к санитарной работе» (ГСО), «Ворошиловский стрелок», активистов противовоздушной химической обороны (ПВХО), а также обучению женщин мотоделу, стрельбе, вождению автомашины.

В Брестской крепости мотокружок для женщин возглавлял Василий Иванович Климушкин, заведующий мастерской, помощник командира взвода 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. В мотокружке обучались не только его жена Ольга, но и другие женщины: Екатерина Лаврикова, Елизавета Костякова, Эльвира Застелло.

Занятия стрелкового кружка для женщин в крепости вела Ольга Григорьевна Помисская. Она имела значок снайпера. Участвовала в полковых соревнованиях по волейболу, которые проходили накануне войны в Южном городке, активно занималась в драматическом кружке.

Многие жены командиров Красной Армии, вольнонаемные женщины окончили курсы медицинских сестер, санитарок, сдали нормативы на получение значка «Ворошиловский стрелок». Накануне войны в кружке «Готов к санитарной обороне» учились Д.Д. Хохленко, М.В. Шимко, М.П. Акимочкина.

В гарнизоне уделяли серьезное внимание физической подготовке. Зимой на плацу заливали каток для катания на коньках, на валах тренировались лыжники и лыжницы. На спортивных площадках всегда было многолюдно.

Весной 1941 г. Александра Козлова, жена старшины броневзвода 75-го отдельного разведбатальона А.Н. Козлова, и военфельдшер 95-го медико-санитарного батальона Раиса Ивановна Абакумова отстаивали честь Брестского гарнизона в спортивных соревнованиях по легкой атлетике в Минске.

Еженедельно с женами командного состава Красной Армии проводилась политическая учеба.

При женсоветах активно действовали различные секции.

Секция культурно-массовой работы способствовала более содержательной работе клубов, библиотек, кружков художественной самодеятельности.

Участие женщин в общественной работе гарнизона делало их жизнь насыщенной, полнокровной.

Хозяйственно-бытовые комиссии женсоветов улучшали быт солдат, семей командиров, участвовали в распределении жилплощади. А.А. Никитина вспоминала: «Мы охотно помогали убирать казармы, создавали там уют. С любовью вышивали салфетки, накидки на столики. Зимой вязали носки, варежки красноармейцам, которые потом вручали на праздниках отличникам боевой и политической подготовки, активистам. Готовясь к торжествам: дням Великой Октябрьской социалистической революции, Красной Армии, 17 сентября, Новому году и другим событиям, — помогали поварам готовить вкусные обеды. Бойцы их называли «домашними». Кулинарными усилиями женщин они были с выдумкой приготовлены.

Большинство жен командиров не работали, были домохозяйками, но у каждой почти по минутам было расписано время для выполнения общественной работы. И выполняли они ее как святую обязанность. Жили очень дружно между собой, особенно близкими отношения были с теми женщинами, мужья которых служили в одной части или в подразделении. Ходили вместе в кино, в театр. Маленьких детей смотрели по очереди».

При женсоветах действовали школьные комиссии, помогавшие отделам народного образования. В красном уголке госпиталя была организована вечерняя школа для работающих и домохозяек.

Валентина Тимофеевна Григорьева (Федорова), жена начальника санитарной службы 6-й стрелковой дивизии военврача 3-го ранга Н.Н. Григорьева (семья жила в городе), химик по образованию, руководила в гарнизонном доме Красной Армии общеобразовательным кружком жен командиров.

Большую заботу комиссии проявляли о детях-школьниках, которые были у всех на виду, и, казалось, взрослые все знали об их увлечениях, интересах, способностях. Дети и подростки жили той же активной жизнью, что и их родители. Особенно любили вечера-встречи с командирами, пограничниками, героями Гражданской войны. Дети росли искренними в своих поступках, любознательными, помогали взрослым по уходу за лошадьми, служебными собаками.

В центре Цитадели находился клуб 84-го стрелкового полка. В одном из бывших пороховых погребов в северо-восточной части Кобринского укрепления разместили клуб 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. В районе госпиталя, на Волынском укреплении, в здании прачечной на 2-м этаже был клуб для работников госпиталя и больных.

В клубах хорошо была поставлена работа кружков художественной самодеятельности с участием жен командиров, их детей, вольнонаемных, трудившихся в госпитале. Они часто выступали с концертами в различных воинских подразделениях.

Выделялись коллективы художественной самодеятельности госпиталя, 17-го Краснознаменного пограничного отряда, 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Организатором художественной самодеятельности госпиталя стала медицинская сестра Вера Петровна Хорецкая.

Всегда добрая, отзывчивая, она была любимицей всех, кто с ней работал и дружил. Ее считали душой коллектива и называли «Вера», «Верочка», «Наша Вера».

О трудной, но интересной и увлекательной работе в военном госпитале вспоминала старшая медицинская сестра Прасковья Леонтьевна Ткачева:

«Мы целиком отдавали себя работе и относились к ней с высоким чувством ответственности. Коллектив медработников был очень дружен, спаян общими интересами и задачами. Мы работали столько, сколько требовалось нашим больным. Цементирующей силой коллектива была партийная организация, возглавляемая начальником санитарно-эпидемиологической лаборатории 4-й армии военврачом 2-го ранга Сергеем Сергеевичем Ермолаевым.

Начальник Брестского военного госпиталя военврач 2-го ранга Борис Алексеевич Маслов был талантливым врачом, чутким и отзывчивым товарищем, настоящим советским человеком. Лечебный процесс под его руководством был поставлен на высоком медицинском уровне.

Особое место в коллективе госпиталя принадлежало коммунисту с 1927 г. заместителю начальника Брестского армейского госпиталя по политической части, батальонному комиссару Николаю Семеновичу Богатееву. Это был человек огромной душевной красоты. Он помогал молодым девушкам, и мне в том числе, словом и делом.

Образ Н.С. Богатеева, доброго и отзывчивого человека, умелого руководителя и храброго воина сохранился в памяти многих, кто его знал».

Александра Васильевна Савина, медсестра, тоже вспоминала о жизни медперсонала накануне войны и очень высоко оценивала деятельность Н.С. Богатеева: «Николай Семенович был очень прост, доступен, чуток ко всем медработникам госпиталя. Он отличался удивительной скромностью, завидным трудолюбием и выдержкой. Повседневная забота о людях, их воспитании — характерная черта деятельности батальонного комиссара.

Мы, девушки, подражали ему и старались хорошо работать, в поведении быть похожими на него.

В Брестский военный госпиталь на работу я прибыла в начале августа 1940 г. по направлению Бобруйского горвоенкомата. Со мной приехала моя подруга, Аня Овчинникова, с которой до приезда в Брест мы работали в Глушанской больнице Бобруйского района Бобруйской области (ныне Могилевской), Аня — лаборанткой, а я — медсестрой. Вместе с Аней Овчинниковой мы и приехали в Брестский военный госпиталь.

Жили мы в доме для семейных, в комнате на четыре человека. Со мной жили Аня, медсестра Тамара Каплан и Вера Земницкая.

Работали мы все хорошо. Имели ряд благодарностей. Очень внимательна была к нам заведующая лабораторией Ксения Трофимовна Тимофеева. С ней работала Аня. Ксения Трофимовна учила нас шитью, вышивке, приготовлению пищи. Часто проводила с нами вечера. О ней после войны я ничего не слыхала. Думаю, что она погибла.

Организатором художественной самодеятельности и затейником всех мероприятий женсовета на одном из погранучастков 17-го Краснознаменного пограничного отряда была Клавдия Михайлова. Ей помогала подруга Мария Зимина. Обе были женами командиров-пограничников.

Клавдия много читала, прививала домохозяйкам интерес к художественной литературе, приносила им книги из библиотеки. Она пела, танцевала, занималась спортом, метко стреляла и вовлекала в спортивные секции других женщин и подростков.

Созданный ею самодеятельный художественный коллектив часто выступал перед пограничниками, а в марте 1941 года выезжал с концертом, посвященным 8 Марта, в деревню Митьки Брестского района.

Накануне войны ее мужа, начальника 3-й погранзаставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда старшего лейтенанта В.М.Михайлова, перевели на одну из застав на литовскую границу. Семья к нему переехать не успела.

Участница обороны Брестской крепости Наталья Михайловна Контровская (Чувикова) вспоминала о своей предвоенной жизни: «Семья, в которой я родилась, была многодетная — шесть детей. Мать и отец жили заботами страны, колхоза и детей. Они первыми вступили в колхоз в деревне Заречье Оршанского района Витебской области. Были очень трудолюбивыми, детей воспитывали в труде, в уважении к людям, в любви к Родине. Жили дружно. В Заречье, рядом с домом отца Михаила Семеновича Контровского, жили его братья Сергей, Антон, Иван. У всех было много детей, малодетной была только семья дяди Антона, у которого их было двое.

Все дети в деревне учились в школе. Много было в Заречье музыкантов. Только в нашей семье — трое. Интересно проходила жизнь в колхозе и в деревне, особенно в праздничные дни.

Все дети в нашей семье получили образование. Сестра Мария до войны работала заведующей аптекой в местечке Лукомль Чашникского района

Витебской области. Я тоже получила профессию зубного врача, работала по специальности».

В семьях командиров Наганова, Бородича, Киричука, Литвиновского, Чекалина, Мартыненко, Гаврилкина, Семочкина, Костякова, Давыдова, Со-рокина, Левичева, Герасимова и других ждали прибавления семейства. Казалось, что счастье каждой семьи было безоблачным.

Вечером 21 июня в городском театре шел спектакль «Мадемуазель Ни-туш». Многие командиры с женами и детьми были в театре. Среди них командир пулеметного взвода 125-го стрелкового полка П.И. Давыдов и его жена Ангелина Иосифовна. Из Бреста в крепость шли пешком, мечтали о будущем. В этот же вечер лучшие танцовщицы и певуны погранзаставы Клава Михайлова и Маша Зимина с семилетней дочерью Аллой находи-лись на репетиции в клубе пограничников в крепости. Репетиция затяну-лась. Зимина жила на погранзаставе в деревне Челеево, Клава — в крепо-сти. Она предложила подруге с дочерью заночевать у нее. И не думали, что пройдет всего несколько часов — и их судьба круто изменится.

О тревожной, но все-таки мирной жизни накануне войны в Южном го-родке, где располагалась 22-я танковая дивизия, поведала Юлия Иванов-на Илларионова, жена заместителя командира дивизии по политчасти, пол-кового комиссара А.А. Илларионова.

Работала она до войны в Южном городке в гражданской амбулатории, которая была организована командованием дивизии для обслуживания семей командиров и вольнонаемного состава.

Женщины городка, как и в крепости, жили своими заботами: домашним хозяйством и активным участием в работе женсовета, посещая библиоте-ки, клуб, политические занятия, организованные для них в дивизии.

В 1940 г. одна из воинских частей была на советско-финляндском фрон-те. Ожидая ее возвращения, женщины за неделю до их прихода навели образцовый порядок в казармах. Вернувшихся бойцов встречали как са-мых близких и дорогих друзей. Коллектив амбулатории и жены командир-ов, входившие в женсовет, включились в месячник санитарии и гигиены. Они ходили по домам и квартирам, выявляя лучшие из них по чистоте и привлекательности, и все это отражали в дивизионной газете.

Особенно славилась художественная самодеятельность 22-й танковой дивизии. Три года коллектив художественной самодеятельности этой ди-визии держал переходящее знамя по Западному Особому военному округу. В смешанном хоре, который насчитывал 90 человек, участвовали и жены командиров. Кроме того, существовали отдельно мужской и женский хоры, танцевальный коллектив. Душой коллективов художественной самодея-тельности были комиссар и командир 22-й танковой дивизии.

Предвоенные месяцы для командиров дивизии были месяцами напря-женного труда. Они целыми днями пропадали на службе.

Очень тревожно было на границе. Немецкие самолеты часто совершали облеты советской территории. Летали так низко, что даже шлемы летчиков были видны. Вдоль границы и над крепостью пролетали они за несколько дней до войны. Фашисты наводнили город шпионами и диверсантами. В деревне Волынка, за госпиталем, немцы осуществляли перезахоронение своих солдат, погибших в период 1939 г. Это был тоже один из видов разведки. Население деревень перед войной было настороженным. Упорно ходили разговоры о войне фашистской Германии против СССР.

Субботний день 21 июня ничем не отличался от всех остальных мирных дней. Мужья, как обычно, утром ушли на службу, жены занимались своими проблемами. Вечером в Доме Красной Армии демонстрировался фильм, а затем были танцы. В Южном городке, казалось, все шло своим чередом, и никто не думал, что завтра на советских людей обрушится ураган смертоносного огня.

И ГРЯНУЛА ВОЙНА...

Гитлеровская Германия без предъявления каких-либо претензий, без объявления войны 22 июня 1941 г. в 4 часа утра вероломно напала на нашу страну, нарушив мирную жизнь советских людей. В числе первых нападению подверглась Брестская крепость.

В ночь на 22 июня в крепости находилось 7 стрелковых батальонов 6-й и 42-й стрелковых дивизий, полковые школы, транспортные роты, музыкантские взводы, сборы приписного состава, штабные и другие подразделения, а также отдельные подразделения 17-го Краснознаменного пограничного отряда. Некоторые подразделения имели некомплект, составлявший в ряде случаев 15—20 процентов.

Большая часть личного состава 6-й и 42-й стрелковых дивизий в этот момент находилась вне крепости на работах по сооружению 62-го Брестского укрепленного района за пределами г. Бреста, в лагерях, на стрельбище.

На артиллерийском полигоне до войны проходили учения, на которых отрабатывались не способы защиты крепости, а умение по тревоге вести маневренный бой на открытой местности. В соответствии с заранее подготовленным планом в случае войны основные воинские части должны были выйти из крепости в районы сосредоточения и занять укрепрайоны на границе. А их выход из крепости приказано было прикрывать пограничникам, одному стрелковому батальону и одному артиллерийскому дивизиону 6-й стрелковой дивизии.

В предвоенную ночь военных в крепости оставалось, примерно, от 7 до 8 тысяч человек, а также около 300 семей командного состава (более 600 человек). Это были жены, дети, матери, сестры, родственники командиров Красной Армии.

К исходу 21 июня немецкое командование сосредоточило в районе Бреста ударную группировку правого крыла армий «Центр» в составе 4-й полевой армии и 2-й танковой группы (19 пехотных, 5 танковых, 3 моторизованных, 1 кавалерийская, 2 охранные дивизии, 1 мотобригада). Поддерживаемые 2-м воздушным флотом, они наносили удар в направлении Брест — Барановичи — Минск, имея задачу прорвать оборону Красной Армии в районе Бреста, быстро продвинуться танковыми соединениями на Минск и, во взаимодействии с войсками северной ударной группировки, уничтожить противника в районе между Белостоком и Минском и обеспечить продвижение группы войск к Москве.

Для штурма крепости гитлеровцы сосредоточили 45-ю и частично 31-ю пехотные дивизии 12-го армейского корпуса, полк тяжелых минометов осо-

бого назначения, два дивизиона мортир, девять гаубиц калибром 210 мм и две артиллерийские установки системы «Карл» («Адам» и «Ева»). Их 600-миллиметровые орудия стреляли бетонобойными и фугасными снарядами массой 2200 кг и 1700 кг на расстояние 4,5 км и 6,7 км соответственно.

«Нельзя было обойти крепость и оставить ее незанятой, так как она преграждала важные переправы через Буг и подъездные пути к обоим танковым шоссе, которые имели решающее значение для переброски войск и, прежде всего, для обеспечения снабжения» (из доклада командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге о боях за крепость Брест-Литовск. 7 августа 1941 г.).

Начальник штаба 4-й армии полковник Л.М. Сандалов вспоминал, что по приказу начальника штаба округа в 24 часа командующий и все командиры армейского управления были вызваны в штаб армии в г. Кобрин. Командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения и отдельные части «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге.

В 3 часа 30 минут командующий армией получил приказ командующего войсками Западного Особого военного округа генерала армии Д.Г. Павлова о приведении войск в боевую готовность. Одновременно указывалось в первую очередь бесшумно вывести из Брестской крепости «пачками» 42-ю и 6-ю стрелковые дивизии и привести в боеготовность 14-й механизированный корпус. Но времени для его осуществления уже не было.

За пределы крепости до 9 часов утра первого дня войны вышла примерно половина личного состава, располагавшегося в казармах. Большая его часть, боевая техника были выведены из строя в результате бомбардировки и артобстрела в первые минуты войны. Непосредственно в обороне крепости принимало участие не многим более трех-четырёх тысяч бойцов и командиров.

Основная часть женщин и детей укрылась в подвалах зданий, под лестничными клетками жилых домов, в казематах, в земляных валах, в помещении электростанции в районе Тереспольских ворот, в 3-й погранкомандатуре, в механической мастерской, штабе и клубе 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, в жилых домах начальствующего состава на Кобринском укреплении, северо-восточных валах, в подвалах на территории госпиталя, Восточного форта.

Враг надеялся захватить крепость в первые часы войны.

Но он просчитался. После вынужденного отступления 42-й и 6-й стрелковых дивизий из города и прилегавших к нему территорий в Брестской крепости осталась незначительная часть сил этих частей.

И хотя в первый день войны Брестская крепость была полностью окружена, ее гарнизон не дрогнул. Вместе с подразделениями пограничников, находившимися в крепости, ее гарнизон организовал круговую оборону, которую возглавили коммунисты-командиры и политработники Е.М. Фомин, И.Н. Зубачев, А.М. Кижеватов, П.М. Гаврилов, С.С. Скрипник и др.

Почти одновременно в крепости возникло несколько самостоятельных участков обороны. На гитлеровцев, прорвавшихся на Центральный остров и захвативших здание бывшей церкви, где размещался клуб, бросились в атаку бойцы 84-го стрелкового полка. У Холмских ворот красноармейцы поднялись в штыковую контратаку по приказу полкового комиссара Е.М. Фомина. У Тереспольских ворот по захватчикам ударили пограничники 9-й заставы, бойцы 333-го и 455-го стрелковых полков, 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД. Активные бои шли на всех укреплениях — Западном (Тереспольском), Южном (Волынском), Северном (Кобринском) и в центральной части крепости — Цитадели.

Бои на Тереспольском укреплении

На Западный остров, где располагались транспортная рота 17-го Краснознаменного пограничного отряда, окружная школа шоферов погранвойск, участники сборов спортсменов и кавалеристов, обрушилась штурмовая группа 3-го батальона 135-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии врага. Английский историк П.Карелл в книге «Война Гитлера с Россией» писал, что батальон находился в 30 ярдах* от реки Буг прямо против Западного острова. «Земля дрожала. Небо было охвачено дымом и огнем. Все было согласовано до минуты с артиллерийскими частями, которые сминали крепость: каждые 4 минуты кольцо смерти должно было продвигаться на 100 ярдов».

Пограничники и курсанты школы под руководством старших лейтенантов Ф.М.Мельникова и А.С.Черного, лейтенанта Жданова** возглавили борьбу с захватчиками.

Командир транспортной роты 17-го Краснознаменного пограничного отряда старший лейтенант А.С.Черный и тридцать пограничников сражались в районе гаражей. Недалеко от здания курсов окружной школы шоферов вели бой курсанты во главе с начальником курсов старшим лейтенантом Ф.М.Мельниковым. Вдоль вала над рекой Буг заняла оборону группа под командованием лейтенанта Жданова — около 80 человек.

Уже в первый день войны на Западном острове пограничниками были окружены и разгромлены немецкие штабы 3-го батальона 135-го пехотного полка и 1-го дивизиона 99-го артиллерийского полка, убиты командиры этих частей.

24 июня объединенные остатки групп А.С. Черного и Ф.М. Мельникова прорвались в Цитадель. Не сумев там закрепиться, они с боем стали продвигаться на Кобринское укрепление. Только 13 из 40 бойцов с большим трудом добрались до каземата в земляном валу между Северными и Восточными воротами.

* 1 ярд — 0,914 метра.

** Имя, отчество и дальнейшая судьба Жданова неизвестны.

Группа лейтенанта Жданова продолжала сражаться на территории Тереспольского укрепления. В ожесточенных боях погибло более половины бойцов. Оставшимся в живых он приказал переправиться в Цитадель под прикрытием темноты на рассвете 30 июня. Обнаруженные гитлеровцами, под вражеским огнем лишь 18 из 45 бойцов группы сумели достичь Центрального острова.

В рядах сражавшихся пограничников была жена старшего лейтенанта А.С.Черного Варвара Ивановна и его сестра — Татьяна Степановна Дробязко, погибшие в первый день войны. Жена старшего лейтенанта Ф.М. Мельникова Татьяна Григорьевна была ранена. Более 300 человек защищали Западный остров, а в живых остались единицы, в том числе дети Мельниковых — Олег и Борис, будущие офицеры Советской Армии, а также семья Я.А.Лицита, майора, командира 455-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии: жена Анастасия Ивановна и дочери — Эльза и Альбина.

Защита Южного острова

С юга Цитадель крепости прикрывало Волынское укрепление. На его территории располагались полковая школа 84-го стрелкового полка, большая часть личного состава которой находилась вне крепости на учениях, два госпиталя — армейский и сформировавшийся 28-го стрелкового корпуса, 95-й медико-санитарный батальон. На Южном острове проживали работники госпиталя, семьи комсостава и вольнонаемные.

Защиту этого острова вели группа курсантов полковой школы 84-го стрелкового полка, пограничные наряды 9-й заставы, военнослужащие, вольнонаемные, находившиеся на дежурстве в госпитале, медицинские работники. Силы оборонявшихся в десятки раз уступали врагу.

Фашисты орудийными залпами разрушили корпуса госпиталя. На его территории бушевал пожар. Погибали безоружные и беспомощные бойцы. Бомбы, снаряды крушили стены. Канонада заглушала крики раненых и больных. В этой грозной обстановке батальонный комиссар Н.С. Богатеев, начальник корпусного госпиталя военврач 2-го ранга С.С. Бабкин, начальник армейского госпиталя военврач 2-го ранга Б.А. Маслов организовали оборону госпиталя и эвакуацию тяжелобольных в укрытия — казематы, находившиеся в земляных валах. Медсестры и врачи, дежурившие в госпитале, помогали им.

Секретарь партбюро, политрук армейского госпиталя Иван Романович Зазулин, начальник клуба Брестского военного госпиталя, политрук Сергей Терентьевич Зысковец, пограничники из развалин вели огонь по врагу. На помощь им поспешил комсомолец начальник спецслужбы госпиталя лейтенант Иван Иванович Иванов. К ним подключались даже послеоперационные больные, у которых появилось оружие врага.

Вместе с батальонным комиссаром Н.С. Богатеевым спасала раненых: выносила больных из пылающего здания хирургии медсестра Вера Павловна Хорецкая.

Попытка гитлеровцев с ходу захватить госпиталь провалилась. Огонь защитников Волынского укрепления вынудил фашистских захватчиков залечь. Бой нарастал.

Получив подкрепление, гитлеровцы под прикрытием пулеметно-автоматного огня снова ринулись вперед. Ряды защитников таяли. Женщины предложили С.Т. Зысковцу снять воинские различия и обмундирование. Он отверг их предложение, заявив, что жил и умрет коммунистом. Без боеприпасов, сбессилившие, были захвачены фашистами Степан Зысковец, Иван Зазулин и Иван Иванов, и тут же были расстреляны.

В неравном бою погиб начальник госпиталя, участник гражданской войны, коммунист Степан Семенович Бабкин.

Медсестра Вера Павловна Хорецкая также находилась на передней линии огня, среди защитников. Помогая раненым, сделала много перевязок. Когда ей сказали, что в густом кустарнике, где сражались пограничники, есть раненые, она поспешила к ним. Успела перевязать несколько бойцов, которые тут же уходили на передовые позиции. Мимо Веры пробежали, стреляя на ходу, бойцы. Недалеко упал раненый пограничник Кукушкин*. Вера бросилась к нему, оттащила в сторону, стала перевязывать раненого и не сразу обнаружила двух гитлеровцев. Перевязка была почти окончена, а гитлеровцы все плотнее сжимали кольцо. Прикрывая собой бойца, она крикнула: «Стойте! Здесь раненые!» Автоматная очередь заглушила этот крик. 19-летняя комсомолка была в упор расстреляна фашистами.

Когда начался обстрел крепости, Прасковья Леонтьевна Ткачева, медсестра госпиталя, увидела, что горит терапевтическое отделение. Хирургическое отделение было разрушено, а в нем находилось около 80 человек. Разбита была перевязочная, горела кладовая. В результате обстрела появились раненые. Многим больным накануне сделали операции, и они не могли самостоятельно передвигаться. Прасковья получила задание от батальонного комиссара Н.С. Богатеева размещать больных в ближайшем земляном валу. От хирургического отделения до первого ряда валов было 100—150 м. За ним полукругом располагался второй ряд валов, а за ними, скрытый с трех сторон валами, находился скотный двор. Напрягая все физические и душевные силы, она спасала больных и раненых от неминуемой гибели. Со второго этажа, где находились послеоперационные красноармейцы, нуждавшиеся в помощи, удалось вынести 20 человек. Прибывав в очередной раз, она увидела, что остальным больным ее помощь уже не нужна: обвалилась стена, заживо похоронив десятки людей. Чувство горечи, боли и страдания за них было безутешным. В каземате было спасено 28 человек. Необходимо было также перенести в валы и перевязоч-

* Имя и отчество Кукушкина не установлены.

ный материал и белье, которое тоже можно было использовать для перевязок. Несколько раз пришлось бегать в горящее отделение за медикаментами.

Припасов воды, медикаментов, бинтов для перевязок хватило только на несколько часов боя. Когда кончились бинты, в ход пошли наволочки, портянки, простыни. Не стало и воды.

Бойцов становилось все меньше. Силы покидали многих раненых. К полудню к каземату близко подошли фашисты, применили дымовые шашки. Несколько раненых задохнулись. Прасковья Леонтьевна была ранена двумя осколками снарядов.

«Все лихорадочно думали, что делать. Передо мной, — вспоминала П.Л. Ткачева, — очень ясно высветилась вся моя жизнь. Я стала анализировать, правильно ли я жила, все ли делала для укрепления своего социалистического Отечества? И сколько я не осмысливала критически свою жизнь, чувствовала, что все шло правильно, серьезных ошибок я не допускала. Моя жизнь целиком и полностью принадлежала Коммунистической партии и Ленинскому комсомолу.

Положение защитников на Южном острове становилось все более критическим. Удастся ли кому-нибудь остаться в живых? А если нет? Как узнают советские люди о судьбе своих близких, сыновей и дочерей? Раненые и больные попросили меня записать их фамилии и адреса, сообщить в записке о самоотверженной борьбе с врагом. Но чем записать? На чем? Ни у кого не нашлось даже клочка бумаги. Нашелся простой карандаш. И я вспомнила, что у меня с собой профсоюзный билет*. На нем сокращенно записала имена людей, их адреса. «Их было пять. Кукушкин, пограничник, г. Сталинград, улица Сталина, дом 1, квартира 3, погиб, убил много немцев. Родионов, пограничник, автоматчик, г. Ленинград, улица Ленина, погиб. Большой Назаров С.И., заменил Родионова, мать живет в Ленинграде, улица Сталина, дом 2, убил много фашистов, погиб. Большой Серов, лег за пулемет, что с ним — не знаем. Мы стремились выйти, нас окружили немцы, погибли комиссар Н.С. Богатеев, Хорецкая Верочка во время оказания помощи пограничнику... и Ровнягина Дуся... втроем несли бойца, бежали из последних сил к двери, но туда прорвались враги. Наши воины убили несколько фашистов. Оставшихся в живых фашисты забросали гранатами... Убили около 22 больных и раненых. Нас осталось четверо. Женщина, не помню фамилии, приехала к сыну, ранена в руку, больной Абодовили из Ташкента и больной Лерманштейн и ...»

24 июня, после захвата Южного острова фашисты стали тщательно проверять укрытия и обнаружили «лазарет» П.Л. Ткачевой. Они взяли в плен

* Этот полуобгоревший профсоюзный билет № 69267 экспонируется в Музее обороны Брестской крепости. Рядом с ним портрет девушки в военной форме. Благодаря записям в этом билете удалось отыскать некоторых родственников защитников Брестской крепости.

раненых, женщин вместе с детьми из других отсеков вала. Пленных построили в колонну и повели в лагерь для военнопленных.

В колонне пленных П.Л. Ткачева находила силы, чтобы поддерживать раненых, нести носилки с тяжелобольными красноармейцами. С этой же целью по пути следования Прасковья Леонтьевна организовала женщин и подростков, подавала команду: «Раненых не оставлять!» И снова обессиленных бойцов поднимали, помогали идти или несли поочередно. За этот поступок Прасковью Ткачеву фашисты едва не расстреляли.

Комсомолка Нина Косенкова работала в госпитале вольнонаемной. В момент начала войны находилась на дежурстве в хирургическом корпусе госпиталя, участвовала в эвакуации больных в укрытия, оказывала помощь раненым. Ее муж Косенков Федор Петрович сражался в это время на Кобринском укреплении.

Сестры Бобровы — Вера, Надежда и Любовь — также были в госпитале вольнонаемными. Медсестра Вера Филимоновна Боброва (Степанюк) в ночь на 22 июня дежурила в терапевтическом отделении. В первые минуты обстрела она находилась на первом этаже, а больные — на втором. Несмотря на опасность, девушка бросилась им на помощь. В здание попал снаряд, помещение загорелось. Ее подопечные были беззащитны. Некоторые передвигались с трудом. Вера думала только об одном: как спасти людей, как успеть их перенести в укрытие. На одном из больных загорелась одежда. Вера сразу стала тушить огонь, призывала всех к спокойствию и порядку. Обратилась к выздоравливающим красноармейцам с просьбой помочь перенести прикованных к постели людей, остальным помогала спуститься вниз, укрыться в безопасном месте. Спасая людей, она сама была ранена и контужена, потеряла сознание. Комиссар Н.С. Богатеев перенес ее в каземат, к спасенным ею людям. Когда В.Ф. Боброва пришла в сознание, то была уже в фашистском плену. Родственники нашли ее среди пленных и более года выхаживали, лечили, но на всю жизнь Вера осталась глухой.

Надежда Филимоновна Боброва работала в госпитале рентгенотехником в физиотерапевтическом отделении. 21 июня до часа ночи она находилась в госпитале на дежурстве: помогала готовить очередную партию больных для отправки в г. Пинск. Грохот войны застал ее дома, на ул. Шевченко. Услышав взрывы в крепости, Надежда побежала туда. Она помогала раненым уходить из-под обстрела, оказывала им посильную помощь.

Любовь Филимоновна Боброва (Фигурская) — кастелянша терапевтического отделения госпиталя — в ночь на 22 июня дежурила. Вместе со всеми женщинами помогала больным и раненым. Попала в плен, но через несколько дней ей удалось вырваться из него и вернуться домой.

Прасковья Алексеевна Горелова-Черемина, помощник начальника аптеки военного госпиталя, в момент обстрела крепости была дома. Наспех собрав племянницу дошкольного возраста Валю, передала ее ходячим больным, которые устремились в укрытие. Сама же с Иваном Кузьмичем Махо-

венко, начальником 2-го хирургического отделения, военврачом 3-го ранга, и Александром Борисовичем Юровицким, начальником аптеки, прибежала в хирургическое отделение госпиталя. Подготовила из простыней перевязочный материал. Из вещевого склада ей удалось принести кое-какую одежду больным, сделать небольшой запас воды, помочь раненым и больным. Когда их укрытие было захвачено, вместе с ранеными бойцами оказалась в плену.

Санитарка Дарья Даниловна Хохленко в ночь на 22 июня дежурила в хирургическом корпусе, в глазном отделении. В начале бомбардировки там разорвалось несколько снарядов, рухнули потолки, завалившие проходы в палаты, где находились на излечении бойцы и командиры Красной Армии. Под руководством военврача 3-го ранга И.К. Маховенко она участвовала в спасении больных. Дарья Даниловна спасла около 50 человек, способных передвигаться, и вывела их на кухню, которая располагалась в одном из казематов. Через несколько минут здание хирургии оказалось разрушенным настолько, что остальных приходилось выносить через окно под бомбежкой и обстрелом. Дарья Даниловна была ранена в левую руку и левую щеку, потеряла много крови.

Во второй половине первого дня войны Дарья Даниловна вместе с ранеными, больными и некоторыми медработниками попала в плен.

К сожалению, очень мало сведений сохранилось об отважной медицинской сестре Евдокии Игнатьевне Ровнягиной.

Она более десяти часов находилась на передовых позициях среди защитников крепости и как медицинская сестра, и как боец. Во второй половине дня была сражена вражеской пулей. Свидетелями ее гибели были А.В. Савина и П.Л. Ткачева.

Грохот канонады на рассвете 22 июня застал Александру Васильевну Савину дома. Накануне она отдежурила и отдыхала. От ударов по крепости вышибло оконные проемы, обвалилась внешняя стена, упал платяной шкаф. Шура схватила свои документы, в том числе и комсомольский билет, наспех оделась и побежала в инфекционное отделение, здание которого уже было разрушено.

Там находилось много тяжелобольных.

А.В. Савина вместе с другими работниками госпиталя получила задание спасти больных, переносить их в земляной вал, который находился примерно в ста метрах от корпуса, недалеко от скотного двора. Вся территория госпиталя простреливалась, подвергалась бомбежке с воздуха вражескими самолетами. Приходилось носилки с больными передвигать по земле, некоторых тащить на одеялах, плащ-палатках. Использовала все, что было под рукой. Иногда задерживалась в воронках, так как автоматные очереди прошивали местность.

«Разместив больных, — вспоминала А.В. Савина, — получила задание запастись перевязочным материалом, бинтами, марлей, лекарствами, как всем тогда представлялось, только на несколько часов боя. Я отправилась

в отделение. Но проникнуть туда не смогла. Как только выползла из укрытия, увидела фашистов. Затаилась в кустарнике. Решила переждать несколько минут, чтобы потом попытаться проскочить, но сразу не удалось. В этот момент наши пулеметчики на валах метко уничтожали врага. Вернулась в убежище ни с чем, а там уже меня считали погибшей. Остались раненые и больные без медикаментов и воды. Двое раненых бойцов один за другим поползли к каналу за водой, но так и не вернулись. Решилась поползти и я, зная, что канал почти рядом. Взяла имевшиеся две фляги у раненых и поползла к воде, но принести ее не смогла. Как только опустила у берега канала одну флягу, затем вторую, фашисты тут же их прострелили. Сама чудом осталась жива. Видела, что в других земляных валах собрались женщины с детьми, кухарки, повар, раненые. С ними были безоружные врачи Маслов и Мохов.

Фашисты прорвались к валам. Всех вытолкнули и вывели ближе к госпитальному корпусу. С ними был тяжелораненый политрук. Его фашисты расстреляли лежащего. Еще несколько бойцов были убиты автоматной очередью, в том числе и тяжелобольные. Остальных погнали на Центральный остров. Обнаружили и нас. Вытолкнули ходячих раненых, тяжелораненых расстреляли. Собрав большую группу женщин, раненых, среди которых была и я, фашисты решили прикрыться нами, наступая на остров. Слышали мы, как кричали нам защитники из развалин: «Женщины, ложитесь!» Все падали, и шла интенсивная стрельба. Фашисты нас снова поднимали и посылали вперед. Повторялось это несколько раз, до самых сумерек. Было очень страшно».

Старшую лаборантку клинического отделения госпиталя Анну Яковлевну Овчинникову война застала дома. Накануне она поздно работала вместе с заведующей лабораторией Ксенией Трофимовной Тимофеевой. Около 23 часов ушла отдыхать. И при первых взрывах в крепости побежала с К.Т. Тимофеевой в отделение. Дежурившие медработники эвакуировали больных.

Вместе с дежурившей в эту ночь в отделении Марией Васильевной Шимко она вывела ходячих больных в укрытие, а затем вернулась за тяжелобольными. Горел корпус, из-за дыма трудно было ориентироваться.

Анна Яковлевна Овчинникова вспоминала: «Всех вынести не успели, и спасти уже вынесенных тоже не смогли. Когда мы в очередной раз с раненым бойцом на носилках пробирались к своему земляному валу, то услышали немецкую речь, выстрелы, крики детей, женщин. Когда там поутихло, мы ползком добрались туда и увидели жуткую картину: несколько убитых красноармейцев лежали около вала. Группу оставшихся в живых и передвигавшихся раненых фашисты вели под конвоем. Мы обошли помещение земляного вала в надежде найти живых. Не найдя никого, уложили нашего раненого. Оружия у нас не было. Нечем было защитить даже одного раненого. Укрыли его от глаз врага и снова отправились в отделение. Но пройти

туда уже не смогли, и некоторое время пришлось нам скрываться в зарослях кустарника.

В наше отсутствие, как потом выяснилось, фашисты ворвались в одно из отделений госпиталя, стали прикладами бить больных, требуя идти вместе с ними в Цитадель, чтобы под их прикрытием захватить Центральный остров. Больные отказались подчиниться и были расстреляны. Враги забрали из отделения оставшееся госпитальное белье, халаты, матрацы.

Мы с Марией Шимко были свидетелями, как фашисты, надев на себя белые халаты и спрятав под ними автоматы, под видом медработников хотели проникнуть к мосту через реку Мухавец к Холмским воротам. Их план был разгадан защитниками. Застрочил наш пулемет, и немцы были скошены огнем воинов 84-го стрелкового полка.

Снова решили вернуться к своему больному. С надеждой стали ждать своих бойцов-освободителей. К вечеру из укрытия заметили небольшую группу вооруженных красноармейцев, которые пришли в укрытие. Определив «укромные» места, они действовали как снайперы и уничтожили несколько фашистов. Под их защитой находились мы более суток. Расспрашивали о положении в крепости, но они тоже были в неведении. Убежденно доказывали, что это очередная, но более крупная провокация фашистов, что она им дорого обойдется. Бойцы делали вылазки, продолжали вести оборону до исхода дня 23 июня, хотя у них было несколько винтовок и мало патронов. Вместе с ними мы собирали оружие у сраженного врага, у погибших наших бойцов вдоль земляного вала. Это было опасное занятие, но другого выхода у защитников этого участка обороны не было. Двое суток продолжали борьбу с озверевшими фашистами. Вечером гитлеровцы забросали нас гранатами. Несколько бойцов погибло, остальные получили ранения. Мы попали в плен. Раненых пытались нести на себе, но фашисты нам этого не позволили: били прикладами, угрожали расстрелом. Передвигавшихся раненых защитников увели от нас, тяжелораненых расстреляли. Привели к большой группе пленных, где были и раненые, и женщины, и дети. Здесь мы увидели Шуру Савину, несколько других знакомых женщин. Из всех захваченных людей образовали колонну, примерно более сотни человек. Много в колонне было гражданского населения. Всех гнали в сторону Тереспоя. Конвоиров было немного. Вели нас к Варшавскому шоссе, через мост. По пути к реке Буг мы договорились с Савиной и Шимко, что, не доходя до моста через Буг, незаметно убежим из колонны. Когда проходили мимо поля картофеля, по одной, незаметно, в разных направлениях побежали и залегли в кустарнике. По нам выпустили автоматную очередь, но все обошлось благополучно.

Колонна прошла. Мы нашли друг друга. Огляделись. Картина вокруг была тяжелая: крепость пылала, в отдельных местах горел и город. Сами были грязные, на руках и ногах ссадины, запеченная кровь, куда идти — не знали. Сняли рваные, черные от грязи и копоти халаты, стряхнули с себя по возможности грязь и пыль и пошли в город. На улице Краснофлотской по-

стучались в бедный домишко. Вышла женщина. Оглянулась кругом, только и спросила: «Советки?» Мы кивнули утвердительно. В доме нам дали помыться, покормили, расспросили, откуда идем, как дела в крепости. Нам рассказали о неутешительных событиях в городе. Утром Мария Шимко ушла к сестре, а мы с Александрой Савиной твердо решили идти домой, в Осиповичский район. Но для этого надо было как-то придется, приобрести продукты питания».

Анна Яковлевна Овчинникова с Александрой Васильевной Савиной несколько дней находились на квартире у одной из сотрудниц госпиталя, работавшей по вольному найму, потом две недели скрывались у других знакомых. С их помощью устроились 10 июля 1941 г. в паровозное депо подсобными рабочими на кухню. Однако по-прежнему продумывали возможности выезда из города. И такой случай представился. С помощью старика австрийца, работавшего машинистом, в первых числах сентября, переодевшись в железнодорожную форму, выехали из Бреста. Проехав километров сто, сошли с товарного поезда и добирались домой пешком два месяца. По пути заходили в деревни, просили работу. Иногда по неделе и больше жили на хуторах, зарабатывали себе продукты на дорогу, расспрашивали, каким путем безопаснее добираться в Осиповичский район, так как у них не было никаких документов.

Первой их встретила под Бобруйском мать Ани Овчинниковой.

Анна Яковлевна Овчинникова (Троянова) весь период фашистской оккупации находилась в семейном лагере, который располагался в партизанской зоне Могилевской области.

А.В. Савина оказалась дома в августе 1941 г. Ее родную деревню Осяродок почти полностью сожгли фашисты. Много погибло местного населения. Мать, раненая старшая сестра с двумя детьми и еще четыре крестьянские семьи разместились в сохранившейся хате младшей сестры.

В Осиповичском районе уже действовали партизаны. Александру Васильевну связала с ними двоюродная сестра Алесь Стельмах, муж которой Петр Стельмах (бывший председатель колхоза) был партизаном-разведчиком.

В отряде А.В. Савиной предложили стать связной. В деревне Касье Осиповичского района располагались немецкий гарнизон и полицейский участок. В 1942 г. она устроилась на работу в медпункт. Партизаны поставили перед ней задачу: снабжать отряд медикаментами и узнавать намерения фашистов и полицейских в деревне. С большим риском для жизни она отправляла в партизанский отряд медикаменты.

Осенью 1942 г. немецкий гарнизон срочно был вывезен из деревни Касье.

Вместо немецкого гарнизона в деревню прибыли власовцы. Их местное население называло «казачками». Александра Васильевна теперь получила новое задание от партизан: изучить настроение власовцев, познакомиться с командирами, солдатами, посещать вечеринки, приглашать некоторых к себе домой.

Перебирая «женихов», она обратила внимание на необычное поведение одного из офицеров по фамилии Гагарин. Из разговора с ним Шура выяснила, что он сын бывшего русского дворянина, который эмигрировал с семьей в Югославию после Великой Октябрьской социалистической революции, окончил военную академию. Когда началась война фашистской Германии с Советским Союзом, пошел на службу к немцам.

Он хорошо знал русский язык. После разгрома немцев под Сталинградом понял, что войну они проиграли. Шура делала вид, что не разделяет его пессимизма в отношении Германии, говорила об успехах фашистов летом 1942 г., а вообще – то политикой не интересуется: имеет хорошую работу, живет лучше других. Он пел, хорошо играл на гитаре. Но в голосе его чувствовались тоска, тревога, боль. Через некоторое время Гагарин ей прямо заявил: «Найди людей, которые сведут меня с партизанами. Со мной пойдут и другие».

Александра Васильевна, казалось, верила ему, но решить этот вопрос самостоятельно не могла. Посоветовалась со связным, как действовать дальше. А листовки продолжала подбрасывать. Ему она тоже вложила в карман листовку на вечеринке. Гагарин догадался, что это сделала Шура. Александра Васильевна вспоминала: «До сих пор я испытываю волнение, которое пережила тогда, в апреле 1943 г., в одну из ночей. Знала, что в случае провокации меня схватят за распространение листовок. Из деревни Касье ушла к маме в деревню Осяродок. Вернуться на работу побоялась. Все ждала развязки. Где – то в душе надеялась на искренность Гагарина. Но сомкнуть глаз с мамой не смогли, все смотрели в окно на улицу, что там происходит. Как выяснилось позже, одну из листовок командир эскадрильи, власовец, передал в штаб гарнизона, который располагался в Бобруйском районе в деревне Солотинка. Гагарин, узнав об этом, поспешил с группой солдат уйти на рассвете из части. Наблюдение за мной установил с вечера, поэтому его друзья видели, когда я ушла в Осяродок. И вот мы видим, что большая группа вооруженных власовцев на велосипедах въехала во двор. Я — прятаться. Гагарин вошел в хату и сказал: «Не бойтесь. Мы ушли из гарнизона». Я вышла из своего укрытия. Он обрадовался встрече. Тоже переживал, чтобы их не остановили, не перехватили. А ушли они из гарнизона под видом выполнения задания.

Гагарин меня попросил съездить в деревню Касье, якобы на работу. Дал велосипед, чтобы было быстрее. Просил разыскать его адъютанта по имени Слава и передать записку, в которой сообщалось, что он должен срочно ехать в деоревню Осяродок. Я нашла Славу, передала записку. И мы благополучно прибыли в Осяродок. В апреле 1943 г. группу из 19 человек, вооруженную автоматами, повела в 210-й партизанский отряд. Добирались туда три дня». В деревню Касье она не вернулась: ее оставили в отряде. Через несколько дней сбежали от власовцев еще 2 человека. Бежавших из фашистской армии принимал командир партизанского отряда № 210 Первой Осиповичской бригады имени И.В. Сталина. Распределили всех по ротам.

Гагарина и его адъютанта Славу направили к начальнику разведки Сумченко. Вскоре Гагарина самолетом отправили за линию фронта.

А.В. Савина была в отряде и медсестрой, и бойцом. Участвовала во многих боевых операциях.

Самоотверженно помогала больным Александра Макаровна Черетович, шеф-повар госпиталя. Она, спасая их, сама получила тяжелое ранение в руку и левый бок. На излечении находилась восемнадцать месяцев, осталась инвалидом.

Когда началась война, военврач 3-го ранга, ординатор неврологического отделения 28-го корпусного госпиталя Валентина Александровна Четверухина (Кокорева) была ответственным дежурным врачом в отделении. Занималась эвакуацией больных в города Пинск и Кобрин. В субботу, 21 июня, согласно приказу по госпиталю, сдала оружие на выходной день. Поэтому в момент нападения фашистов могла лишь подбирать и перевязывать раненых, помогать детям и женщинам укрываться в убежище.

«Очень больно сознавать, — с горечью вспоминала В.А. Четверухина (Кокорева), — что мы, медики, оказались безоружными. А будь у нас оружие, мы бы смогли нанести более существенный удар по врагу. У многих из нас был опыт борьбы с врагом. Я участвовала в боях за Родину в советско-финляндской войне. За проявленное мужество была награждена медалью «За отвагу». Являлась кандидатом в члены ВКП(б), остро понимала нелепость своего положения. Это состояние беспомощности трудно передать».

В подвале газоубежища, который находился напротив жилого дома в районе госпиталя, Валентина Александровна собрала примерно 30 человек, из них около 20 детей.

Группа воинов, оборонявших Волынское укрепление в этом районе, держалась до 24 июня. Когда погиб последний боец, женщин и детей захватили в плен. Будучи в плену, В.А. Четверухина (Кокорева) вместе с другими врачами (Ю.В. Петровым, Н.Б. Кокоревым, В.С. Заниным, С.С. Ермолаевым, И.К. Маховенко, С.В. Козловским) спасала от смерти раненых и больных военнопленных.

В ночь на 22 июня выпало дежурство врачу-ординатору Варваре Васильевне Бассо и военфельдшеру Анне Андреевне Львовой, а также вольнонаемной санитарке Нине Кобец.

Медсанбат располагался тоже на Южном острове, рядом с госпиталем.

Среди ночи вдруг погас свет, водопровод вышел из строя. Больных в медсанбате было более 50 человек. Ранним утром начался массированный обстрел крепости. Несколько снарядов попало в здание медсанбата, вылетели все окна, разрушены были некоторые стены.

В.В. Бассо была ранена и оказалась под обломками обвалившейся стены. Санитарка Нина Кобец вытащила ее из-под обвала, оказала первую помощь.

В медсанбате находился интендант 2-го ранга майор Александр Владимирович Банников, прибывший накануне в медсанбат на смотр медико-

санитарной службы дивизии. У него был пистолет, остальные были безоружные. Один снаряд попал в перевязочное отделение. Подвала в здании не было. Пришлось больных переводить и переносить в столовую под большой дубовый стол. Но вскоре и в столовой стало опасно оставаться, так как туда попадали снаряды, снова были убитые и раненые. Перебазировали больных и раненых под сохранившуюся лестничную клетку. Пытались проникнуть в Цитадель. В разведку послали больных И.Л. Губаря и Е.М. Жукова, но они не смогли пробраться даже к Холмским воротам. Стали запасаться водой и медикаментами. Жуков и Губарь принесли со второго этажа бочонок, в котором еще оставалось немного воды. Затем поползли в перевязочную. Кое-что удалось извлечь из-под кирпича и щебня, в том числе медицинский халат. Отдали его Анне Львовой, так как ее халат весь был в крови. Все принесенное сложили под лестничной клеткой и использовали на обработку ран. У Анны Львовой был с собой комсомольский билет, а еще два комсомольских билета ей дали на хранение раненые.

Вечером 22 июня вдруг рядом раздалась немецкая речь. Шесть фашистов ворвались в медсанбат и начали избивать лежачих больных прикладами. Бойца Лейжаво расстреляли в упор. А. Львова была в полной военной форме. Один из фашистов стал избивать ее, увидев военную форму.

Майор Банников понимал немецкий язык. Он, как мог, пояснил ему, что она не офицер, а медицинская сестра. Тогда немец вырвал из своего блокнота чистый лист бумаги, нарисовал на нем крест и приколол на грудь гимнастерки Львовой. Их повели к Бугу. На вал очень трудно было подниматься с больными и ранеными. Из 55 человек осталось 23. Три раза выстраивали их на валу, видимо, хотели расстрелять.

Перед глазами защитников Южного острова открылась страшная картина: госпитальные корпуса горели, деревья от снарядов повреждены и в ряде мест выворочены, земля в сплошных воронках. Они смотрели друг на друга, посылая прощальные взгляды, понимая, что в любую минуту могут быть расстреляны.

На берегу реки было много советских людей, в том числе и военных. Ане один из немецких санитаров дал бумажные бинты, вату, йод, кое-что из перевязочного материала и велел обрабатывать раны пленным. Сплошь стояли стоны, жалобы, слышались просьбы: «Сестренка, помоги!» Почти каждый, кто был в сознании, спрашивал: «Где наши? Что слышно? Что случилось?» Но она тоже ничего не знала и не понимала, как оказались в плену советские воины. Не чувствуя усталости, не замечая времени, работала до самой темноты. От пережитого страха, от усталости, беспомощности в борьбе с врагом свалилась с ног. У нее открылось носовое кровотечение. Поздно вечером Аню фашисты перевезли через реку Буг в направлении г. Тересполья. Утром она увидела здесь, за Бугом, две санитарные палатки. Снова обрабатывала раны бойцам. Когда перевязывала раненого пограничника, лежавшего на носилках, он назвал себя лейтенантом Шупи-

ковым. Ему Аня назвала себя, рассказала, что привезли ее из Брестской крепости и что у нее три комсомольских билета. Он рекомендовал ей зарыть их в землю, запомнить место. Ему предстояла ампутация ноги. Он советовался с Аней, она осмотрела его раны и убедила, что он может вылечиться, не прибегая к ампутации. (Потом он воевал в партизанском отряде.) Лейтенант спросил Аню: «Сколько же тебе лет, сестричка?» Она ответила, что идет 20-й год.

— Когда же ты, девушка, успела стать седой?

И понял, что задал лишний вопрос. Девушка, вспыхнув от нового волнения и поняв, что с ней это случилось в течение одних суток, сказала: «Вчера я еще была светло-русая». Он извинился за бестактность.

И снова она работала без перерыва до самого вечера. А на вторую ночь снова открылось носовое кровотечение. Немецкий врач ее осмотрел, помог умыться, дал шоколадку, видимо, понимая, что происходило с медсестрой.

Несколько дней Аня обрабатывала тяжелораненых, а легкораненых увезли две грузовые автомашины в неизвестном направлении. Тяжелораненые находились на земле, под открытым небом, без пищи. На третий день для ухода за советскими военнопленными привезли врачей В.А. Четверухину (Кокореву), К.Т.Тимофееву, И.К. Маховенко, В.И. Медведева и других специалистов. В первые дни лагерь не был тщательно огорожен, а потом, когда фашисты обнаружили, что по ночам военнопленные, способные передвигаться, исчезают, обнесли в несколько рядов колючей проволокой. Через несколько дней всех раненых и медперсонал увезли в Бяла-Подляску. Там врачи имели возможность оказывать тяжелобольным более квалифицированную помощь: раны можно было более тщательно промывать, накладывать гипс, проводить операции. Всю эту работу врачи выполняли, не обращая внимания на нечеловеческие условия. У Ксении Трофимовны Тимофеевой на ногах были только портянки.

Военнопленных было много. В Бяла-Подляске фашисты дали указание размещать их в конюшне. На территории было еще два барака, в том числе и для медслужбы. Буквально всю ночь больные лежали на навозе. Утром советские медики приступили к очистке конюшни от нечистот. Убрали все. Вил, лопат не было, выгребали все руками, переносили тоже на руках и с помощью самодельных носилок. В течение дня вынесли навоз, принесли туда солому, расстелили ее. Хоть немножко, но улучшились условия для раненых, которые там находились вплоть до 7 августа 1941 г. Сюда привозили наших военнопленных даже из-под Смоленска. Очень больно было слушать, что враг ушел так далеко в глубь страны.

Советских врачей на работу и с работы сопровождал часовой, который дверь их ночлежки закрывал на замок. Питались, в основном, супом из овощных очисток. Собирали их в консервные банки, а потом варили на костре. Хлеба совсем не давали. Тем же кормили и военнопленных. Многие умирали, несмотря на усилия медработников. 7 августа подали семь грузовых машин, погрузили раненых. Оставшиеся тяжелобольные остались умирать.

В лагере начался самый тяжелый период: эпидемия сыпного тифа, дизентерии. Этих больных погрузили в отдельные машины. Аня говорила, что смертей насмотрелась не на одно поколение людей...

Вскоре А. Львову повезли на допрос. При ней была только санитарная сумка. Состояние здоровья было плохое. Выглядела как старуха. За полтора месяца обносилась. Привезли на территорию Польши, в дом, который стоял в лесу. В нем размещалась полевая жандармерия. За столами сидело около десятка немцев. Среди них немец-переводчик. На столе — немецкая печатная машинка, за которой работал немец. Один из фашистов стал задавать вопросы по-русски. Помнит, что спрашивали, комсомолка ли, откуда прибыла, почему сливочное масло в Ленинграде. Не призналась, что являлась членом ВЛКСМ, так как знала, что будут истязать. Один фашист слушал ответы и смотрел на нее с нескрываемой ненавистью. В руках у него был резиновый кнут со свинцовым наконечником. Он поднялся и стал ее избивать. Действовал как циркач: никого не задевая, стегал только Аню. Кровь пошла носом, окровавлены были ноги, руки, спина. Все внутри клоко-тало. Но девушка не просила пощады, не унизилась, молчала, стиснув зубы. О жизни не думалось. Вывели из дома. В это время мимо вели колонну военнопленных. Все изможденные, распухшие от голода. Увидев Аню, несколько человек кинулись к ней. У нее с собой было только два маленьких кусочка хлеба, которые друзья дали ей в дорогу, когда ее увозили. Попыталась отдать хлеб пленным. Фашисты избили резиновой палкой тех, кто протянул к девушке руки, ударили Аню по спине и бегом погнались вперед пленных.

Привезли А. Львову в лагерь № 307, который находился примерно в 9 километрах от Бяла-Подляски. В лагере было около 17 тысяч наших военнопленных. Картина была жуткая: все лежали на песке, издали казалось, что шевелился муравейник. Лагерь был огорожен колючей проволокой. Через каждые 50 метров стояли пулеметные вышки с охраной. На территории лагеря было два барака, в одном располагалась санитарная служба, в другом — четырнадцать девушек-медсестер, которых фашисты захватили под Великими Луками и привезли сюда. Позже девушки рассказали, что фашисты их гнали бегом километров 40—50, а сами с оружием в руках ехали на велосипедах впереди, сзади и по бокам. Затем бросили их в группу к нашим пленным, рассчитывая, что мужчины бросятся на них и станут насиловать. Но военнопленные смотрели на девушек с чувством грусти, обиды, жалости и тоски. Старались уступить им свои «лучшие» места, окружили и стали расспрашивать, как они оказались в плену». И когда фашисты убедились в порядочности мужчин, то увели девушек от них. И учинили им допрос: где служили, сколько лет в армии, какое образование и т.д. Аню тоже допрашивали, и на вопрос, где служила, ответила: «В Брестской крепости».

Работали в лагере девушки медсестрами. Положение раненых военнопленных было очень плохое. Содержали их в бараках типа землянок. Помещения не отапливались. Вскоре началась сильнейшая эпидемия тифа

и дизентерии. Из 17 тысяч военнопленных осталось в живых меньше одной тысячи, их вместе с А. Львовой увезли в Брест, в Южный городок.

Там она встретила с врачами Ю.В.Петровым, В.А. Четверухиной (Кокорева), К.Т. Тимофеевой, В.В.Щегловым, медсестрой Аней Каменево. Врачи в Южном городке жили в общих казармах. В лагере обслуживающий персонал составлял 41 человек, из них пять врачей, две санитарки, остальные сестры и фельдшера. Раненых в лагере было много. А. Львова работала в паре с врачом Сергеем Сергеевичем Ермолаевым за одним операционным столом, а потом ухаживала за послеоперационными больными. Но, несмотря на сложные условия жизни, В.В. Щеглов занимался исследованиями. Его интересовало, каким образом вши становились переносчиками тифа.

Условия для выздоровления практически отсутствовали. Существовала похоронная группа, которая каждый день впрягалась в телегу, вывозила трупы. Очень голодали люди. Питание было такое: завтрак — кофе-суррогат, десертная ложка сахара, хлеб с песком, отрубями, его резали ниткой, по 100—150 граммов; примерно в 12 часов выдавали похлебку, а чтобы всем досталась гуща, то из варева доставали листья капусты, картофельную шелуху, все это перетирали и выдавали по две ложки и три половника жидкости, хлеб не давали; в 3 часа — чай, заваренный ромашкой, без хлеба. Помнит Анна Андреевна, что один раз, 28 сентября 1941 г., варили суп из тухлых кур. Везли их на фронт немцам, но в пути они испортились, поэтому передали в лагерь. Редко давали суп из конины. Если давали суп из перловки, значит, у немцев праздник.

В казармах стояли печи-буржуйки. Другого отопления не было. У больных было одно «развлечение» — по вечерам, греясь у «буржуйки», ловили вшей и бросали в печь или на раскаленную плиту. И только один раз луч света ворвался в этот ад, заставив засветиться лица и глаза людей, когда обнаружили пианино. С.С. Ермолаев сел за инструмент, заиграл и запел русские песни. К нему присоединилась В.А. Четверухина (Кокорева), у нее был хороший голос. Среди всего ужаса, в котором они жили, и вдруг песня... Присоединились все, кто был рядом. Все, кому удалось слышать этот «концерт», плакали от радости и грусти по Родине. Потом фашисты не разрешали даже приближаться к пианино.

Ане Андреевне часто приходилось встречаться со Степаном Петровичем Тереховым из Брестской крепости, бывшим техником-интендантом 95-го медико-санитарного батальона, который и здесь был интендантом. Приходилось обращаться к нему за перевязочным материалом, лекарствами. Он был добрым и отзывчивым человеком. Его семья осталась в Бресте.

В лагере создавалась подпольная антифашистская организация. Имелись ячейки. В одну из них входила и А.А. Львова. Главной заботой подпольщиков было — не поддаваться врагу, вести политическую работу среди пленных, иметь связь с подпольщиками г. Бреста, выводить людей из лагеря по канализационным трубам. Договаривались, кому уходить в первую очередь.

Бежать из лагеря смертников было очень трудно. Через каждые 50—70 метров стояли вышки с охраной, вечером и ночью лагерь освещался ракетами. Лагерь был обнесен в несколько рядов проволочными и другими ограждениями. Первое укрепление состояло из колючей проволоки в два ряда с козырьками. Затем шел высокий забор с колючей проволокой в два ряда, а между ними — накрученная клубками проволока. За этими укреплениями в лагере находились баня и прачечная. Баня была для всех, в прачечной прожаривали иногда белье. Баня и прачечная размещались недалеко от проходной, в 50—70 метрах от штаба лагеря. Расстояние между заборами и проволочными накатами составляло примерно 250—300 метров. Второе укрепление состояло из трех рядов проволоки. И все же эти укрепления удавалось проходить военнопленным под землей, уходить к подпольщикам Бреста и дальше — в лес.

Три раза пыталась выйти из лагеря и А. Львова. В одну из групп для выхода из лагеря включили и ее. Вместе с Марией Прихотько (судьба ее не известна), двумя бывшими летчиками и еще несколько человек. С.С. Ермолаев подготовил необходимые медикаменты, положили их в мешочек из-под грелки. Сшили для всех маскировочные халаты. С этим снаряжением 7 мужчин и 2 женщины (все из разных подпольных ячеек) с проводником Костей отправились в нелегкий путь. Идти надо было по канализационным трубам, пройти 7 колодцев. Канализационный проход был выложен кирпичом. Вдоль прохода шли две трубы — толстая и тонкая. В кирпичном лазе ползли друг за другом, придерживаясь ног впереди ползущего. Дышать было трудно, воздух там был спертый, поднималась пыль, кругом грязь, повороты, в некоторых местах проход сужался, ползти становилось почти невозможно. Особенно трудно было одному распухшему от голода летчику. Он двигался только благодаря внутренним душевным силам. Ане было легче: и ростом маленькая, и очень худенькая. Через некоторое время все поняли, что находятся где-то около столовой, потому что недалеко от нее с утра складывали трупы и далеко, даже под землю, проникало зловоние. Поползли дальше, но и там подстерегала неудача. Попробовали выйти, но люк не поддавался, сильно был завинчен. Стало ясно, что заблудились. Пришлось возвращаться. Обратная дорога была еще тяжелее. Готовились ко второму походу. Планировали выходить через гауптвахту. Но ход по трубам был обнаружен. Два наших бойца, по рассказам членов похоронной группы, прошли по трубам и вышли раньше положенного: на территории лагеря. Их обнаружили около выходного колодца, где лежали две лопаты. Озверевшие фашисты зарубили их этими лопатами.

Третий план осуществили, используя баню и прачечную. Бежать Анне Андреевне Львовой удалось 6 декабря 1941 г. План побега разработали военнослужащие: старший военфельдшер Хитрых (умер в плену), политрук Евгений Хлебников, Степан Петрович Терехов. Для этого обменяли у одного из раненых одеяло на шинель, раздобыли новую портянку. Степан Петрович принес матрац, сапоги (правда, на одну ногу). С помощью Маруси

Прихотько сшили обновки для Ани: из одеяла — пальто, из матраца — платье, из портянки — берет. Старший военфельдшер Хитрых заготовил для нее справку о том, что паспорт она сдала на прописку. Справка была даже с «печатью». Изготовили ее ребята из резиновой набойки. Девушка должна была явиться к семье С.П. Терехова после побега из лагеря.

К побегу было все готово. Настал день, когда женщин повели в баню. Работой бани ведали бывший майор Н.И. Ипатов и бывший старший лейтенант Л.М. Глушков (из Брестской крепости). Возле бани, за третьим рядом колючей проволоки находилась прачечная. В ней работали вольнонаемные женщины. А.А. Львова должна была переодеться в бане в захваченную с собой гражданскую одежду, дожидаться конца работы прачечной и под видом вольнонаемной из прачечной попытаться проникнуть за проволоку с узелком белья, которое якобы несла из бани. Прачечная работала до 18 часов. В декабре в это время уже было на улице темно.

Ушла из бани первая партия помывшихся женщин, вторая... Остались только те женщины, которые знали о побеге: врачи Валентина Четверухина (Кокорева), Ксения Тимофеева и медсестра Аня Каменева. Они сильнее громыхали тазами, еще и еще раз мыли полы, протирали стены — тянули время, стараясь дождаться полнейшей темноты. Несколько раз их потопрапливали конвоиры. Аня не начинала мыться, объясняла это тем, что у нее болит и кружится голова. Наконец их всех стали выгонять из бани. Аня спряталась за дверь. Последними уходили те, кто знал тайну. Сделав все, что могли, они проходили мимо нее, безмолвно прощаясь, желая удачи. Львова схватила узелок какого-то рванья и пошла к дверям прачечной, из которой все прошли строем мимо постового. Ипатов должен был закрывать помещения. Он спрятал ее за дверь прачечной, прикрыв собой, когда постовой пришел проверить помещение, и шепнул на прощанье: «Сестренка, больше помочь не могу. Счастливого пути!» Увидев спину постового, она тихо и незаметно выскочила из помещения.

Шел мокрый снег, холодный ветер сбивал с ног. Продрогший постовой привычно потребовал пропуск. Но пропуска у нее не было. Как сумела, она стала объяснять, что пропуск свой забыла дома, виновата, мол, больше этого не повторится, и совала часовому свою единственную справку, плача и причитая: «Неужели вы будете меня держать всю ночь здесь на холоде, а ведь дома ждут меня дети?» Часовой рассердился, что-то прокричал и вытолкнул ее за двери проходной. Не сразу поняла Анна Андреевна, что лежит за колючей проволокой лагеря, что вышвырнули ее на свободу.

Пять километров от лагеря в Южном городке до Бреста шла 3 часа, останавливаясь, ожидая рассвет. Добиралась до города окружными путями, через деревню Волынка, минуя мост, на котором немецкие посты проверяли документы. Вошла в город с группой рабочих. С волнением искала улицу Бема, ныне улица Горького. Наконец нашла дом № 23. Здесь, по рассказам Степана Петровича Терехова, жила его семья, жена Валентина и сын Юрий. Постучалась в дом. Ей открыли и всплеснули руками. «Ты, Анеч-

ка, откуда?». «Из плена бежала я», — ответила им девушка. Первая реакция у всех — страх, а потом успокоились, покормили всем, что нашлось в доме. От радости, что нашла своих, еда в горле застревала, слезы сдерживать не могла. С ней плакали все.

Оборона Цитадели

Упорные и длительные бои шли в Цитадели, в том числе и там, где стояли двухэтажные здания 333-го стрелкового полка и пограничников (9-я пограничная и 3-я резервная заставы, 3-я пограничная комендатура 17-го Краснознаменного отряда). На этом участке с защитниками крепости волей судьбы оказалось около 10 семей командного состава.

В правом крыле от Тереспольских ворот внизу жили семьи Ф.И. Пенькало, заместителя начальника 3-й резервной заставы (он, жена Александра Иосифовна и трое детей), и Н. Н. Полякова, лейтенанта (он, мать Мария Михайловна и племянница Валя); на втором этаже — семья лейтенанта А.М. Кижеватова из шести человек; жена политрука 9-й заставы Евдокия Филатова с двумя сыновьями. В левом крыле на первом этаже жили семьи лейтенанта С.А. Чувикова (он, жена Наталья Михайловна Контровская и их 11-месячная дочь Светлана); помощника начальника 3-й погранкомендатуры, младшего лейтенанта В.А. Шульженко (он, его жена Антонина и двое детей — двухгодовалый Дима, двухнедельная Светочка — и сестра Антонины — Елена Захаровна Воробей); на втором этаже Мария и Аня Перовы, с ними были еще двое жильцов, рядом семья старшего лейтенанта В.М. Михайлова, (он, мать, жена Клавдия Семеновна, дочь Нелли и сын Геннадий) и др.

У Тереспольских ворот был мост, по нему проходили на Западный остров. Вдоль дома, где жили семьи командиров, слева располагалось большое длинное здание 333-го стрелкового полка. За этими двумя постройками находились санчасть этого полка и военоторговый магазин.

В субботу, 21 июня, Наталья Михайловна Контровская, жена лейтенанта С.А. Чувикова, с медсестрой Валентиной Сергеевной Раевской по заданию начальника санитарной части 333-го стрелкового полка проверяли неприкосновенный запас медикаментов, а 22 июня в 10 часов они должны были выехать на работу в летний военный лагерь. Однако на рассвете этого дня началось массированное вражеское вторжение. «Ужасен и страшен был рассвет, следуя за шквалом артиллерийского огня, штурмовые отряды вражеской дивизии устремились к Цитадели. В красно-черном пламени на глазах рушились двухметровой толщины стены и перегородки двухэтажного здания. Враги пытались проникнуть в Цитадель через Тереспольские, Холмские и Белостокские ворота, блокировать и изолировать защитников Центрального острова».

От страшного взрыва Наталья Михайловна вскочила, схватила свою дочку, успела крикнуть няне: «Катя! Катюша!..» — и тут же ее присыпало

кирпичом и щебнем. Когда ей помогли выбраться из квартиры, увидела, что крепость в огне. С окон пограничной комендатуры в сторону гарнизонного клуба стреляли два наших пулеметчика.

В здании 9-й заставы, 3-й комендатуры и резервной пограничной заставы пограничники приняли бой и защищали участок крепости по линии погранкомендатура — Тереспольские ворота. Оборону здесь возглавили начальник 9-й пограничной заставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда лейтенант А.М. Кижеватов, лейтенанты А.Е. Потапов, А.С.Санин. Они мгновенно оценили создавшуюся обстановку и вместе наметили план действий.

На первом этаже установили два пулемета, где залегли пограничники. Они обстреливали и уничтожали тех фашистов, которые прорывались через Тереспольские ворота в Цитадель. Определили командиры огневые точки в сторону Тереспольских и Холмских ворот. Тереспольскую башню в течение трех дней держали в своих руках.

Одновременно пограничники перевели женщин и детей из квартир, которые при первых обстрелах были разрушены. В спасении женщин и детей участвовал политрук С.С.Филатов. Семьи со второго этажа правого крыла спустились вниз в разбитую квартиру В.А. Шульженко, а оттуда по 2—3 человека, по команде пограничников, ползком вдоль части здания пробрались в левое крыло. Там уже семьи с первого и второго этажей выбили стену в квартире для перехода в основную часть здания. Один за другим они перешли в здание 9-й погранзаставы.

Соседка по квартире Натальи Михайловны Контровской — Тоня Шульженко — в первые минуты боя схватила двухлетнего сынишку Диму на руки, а двухнедельную Свету велела взять сестре Елене. При переходе в укрытие, в нескольких метрах от квартиры Тоня была сражена вражеской пулей. Недалеко от нее лежал убитым политрук С.С.Филатов.

Через пару часов обороны в зданиях 9-й погранзаставы женщинам и детям находиться было уже опасно. Командование участка приняло решение сделать лаз в капитальной двухметровой стене в центральную часть здания, где размещалась 3-я погранкомендатура.

Бойцы с помощью женщин разобрали кирпич, и через небольшое отверстие в стене женщины и дети перешли в следующий отсек.

В помещении комендатуры собралось более десятка семей военнослужащих. Там было много убитых и раненых. Женщинам поручили спасать раненых, а погибших перенести в другой отсек. Н.М. Контровская возглавила медсанчасть. Все распоряжения по организации лазарета давал лично А.М. Кижеватов. Наталья Михайловна передала свою маленькую дочь девочкам-подросткам и вместе со всеми женщинами в исключительно сложной обстановке оказывала помощь раненым воинам в помещении комендатуры.

Радист 9-й погранзаставы после 12 часов передал сообщение Советского правительства о том, что фашистская Германия начала войну против СССР. В это время здание, где были сосредоточены основные силы пограничников, оказалось почти полностью разрушенным, и бойцы перебазиро-

вали тяжелораненых, женщин и детей в подвалы казармы 333-го стрелкового полка.

Здесь тоже шла упорная борьба. Бойцы и командиры 333-го стрелкового полка не давали врагу прорваться в район Тереспольских ворот и северо-западную часть Центрального острова. Обороной командовали лейтенанты А.Е. Потапов, А.С. Санин и старший лейтенант Н.Г. Семенов.

А.М. Кижеватов с группой защитников оказывал сопротивление из руин комендатуры и погранзаставы до тех пор, пока артиллерийский огонь немцев не сравнял с землей их огневые точки. Лейтенанты А.М. Кижеватов и А.Е. Потапов с остатками своих бойцов заняли оборону в полуразрушенном здании 333-го стрелкового полка, прикрывали участок крепости по линии погранкомендатуры, Тереспольские ворота, а также контролировали проход немцев с Западного острова в центр крепости.

Помощь раненым женщины продолжали оказывать и здесь. У них были два ящика перевязочных материалов, индивидуальные пакеты, которые принесли санитар и бойцы из санчасти 333-го стрелкового полка. Легкораненым женщины могли помочь, а тяжелораненые, не получив квалифицированной помощи, умирали у них на глазах.

Н.М. Контровская с особой теплотой вспоминала о защитниках этого участка обороны: «Я видела, какой героизм проявили воины-пограничники, бойцы и командиры 333-го стрелкового полка, защищая рубежи нашей социалистической Родины. Они показали себя преданными сыновьями Отчизны, умелыми ее защитниками, в совершенстве владевшими техникой и военным мастерством. Никогда мне не забыть пограничника, раненого пулеметной очередью в обе ноги. Когда я оказала ему помощь и женщины хотели унести его в укрытие, он запротестовал, просил передать лейтенанту Кижеватову, что он еще сможет, лежа у пулемета, бить фашистов. Его просьбу удовлетворили.

Во второй половине дня 22 июня, когда на время стих ураганный артиллерийский огонь, мы из подвала увидели, что недалеко от помещения комендатуры среди груды развалин лежала Тоня Шульженко, и около ее трупа ползал сынишка. Мальчик находился в зоне постоянного обстрела. Никогда не забыть мне бойца, который спасал Диму. Он пополз за ребенком. Протянул руку, чтобы подтянуть мальчика к себе, да так и остался лежать... Потом двое раненых снова поползли к Диме, спасли его. Малыш был ранен. Мы его перевязали и передали сестре матери, Елене Захаровне Воробей, на руках у которой была Светочка Шульженко*. Помню я и пограничника с пулеметом, вокруг которого лежали трупы фашистов и стреляные гильзы. А когда на прорыв вражеского кольца шли воины 333-го стрелкового полка, они позвали его с собой. Но на их предложение он ответил: «Я пограничник и никуда от границы не уйду».

* Е.З. Воробей вместе с Димой были расстреляны фашистами осенью 1942 г. (Светочка умерла в крепости). Имена Антонины Захаровны, Димы и Светы Шульженко, Елены Захаровны увековечены на мемориальных плитах.

Женщины тяжело переживали смерть лейтенанта Николая Николаевича Полякова. Под вечер первого дня войны он был ранен в нижнюю челюсть. Женщины перевязали его лоскутом нижнего белья. Кровь остановить не удалось. Истекая кровью, Поляков расстреливал противника, пока не потерял сознание. Товарищи по оружию решили перенести его в подвал к женщинам. По пути к лазарету он скончался. В период первого артиллерийского обстрела крепости погибли его мать Мария Михайловна и племянница Фадеева Валентина Александровна, третьеклассница. Они приехали к Н.Н. Полякову на период отпуска и школьных каникул из Ленинграда.

Восемь других семей комсостава, проживавших у Тереспольских ворот, укрылись в помещении электростанции. Немцы обнаружили эту группу женщин и детей по плачу грудного ребенка. Всех погнали на берег реки Мухавец, на Западный остров, превратив пленных советских людей в заложников. Фашисты поставили перед ними условие: если группа немцев пойдет в крепость и не вернется, то они расстреляют 15 человек. В числе пленных была и 14-летняя Валя Зенкина — дочь Ивана Васильевича Зенкина, старшины музыкантского взвода 33-го инженерного полка.

В.И. Зенкина (Сачковская) вспоминала: «Накануне войны я окончила седьмой класс 15-й средней школы г. Бреста. Вместе со мной учились воспитанники 333-го стрелкового полка Петя Клыпа, Коля Новиков, Петя Васильев и дети многих командиров, которые служили и жили в Брестской крепости.

Наша квартира находилась в Тереспольской башне. А соседями были Нагановы, Мулины, Поповы, Маковы, Чекуровы, Кириговы, Мартисовские — всего восемь семей. С дочерью А.М. Кижеватова Нюрой мы были одногодки. Часто лазили на верхний этаж башни и оттуда любовались панорамой старинной крепости: ее обводными каналами, сооружениями, островами, рекой Буг. Бывали и у пограничников. Особенно нам нравилась их художественная самодеятельность. Лучшими артистами мы считали стрелков комендантского отделения 3-й пограничной комендатуры А.И. Шугаева и А.П. Шаргалина.

В период обстрела Тереспольской башни два водонапорных бака пробило снарядами. Вода лилась с потолка на лестницу, стала затопливать нашу квартиру. Мы не понимали, в чем дело. Отец сказал: «Это война, дочка. Оденьтесь, спуститесь вниз, сюда летят осколки. А мне надо идти в полк». Молча погладил меня по голове. Так навсегда я рассталась с отцом. За гулом, грохотом и дымом мы не слышали и не увидели, как враги ворвались в помещение электростанции и стали впереди себя бросать гранаты с криками: «Рус, сдавайся!»

Одна граната взорвалась рядом с электростанцией. Закричали дети, женщины. Нас выгнали на берег реки Мухавец. Тут мы увидели лежащих на земле раненых красноармейцев. Над ними с автоматами стояли фашисты.

Из окон казематов между Холмскими воротами и Тереспольской башней бойцы открыли огонь по фашистам, которые нас пленили. Но, увидев женщин и детей, прекратили стрельбу в нашу сторону.

— Стреляйте, чего остановились? Фашисты нас все равно расстреляют! Стреляйте! — приподнявшись, кричал один из раненых красноармейцев.

— На моих глазах начали бить сапогами одного нашего раненого черноволосого бойца. Они кричали, оскорбляли, показывая жестаами, что он еврей. Мне было очень жаль этого человека. Я вцепилась в фашиста и стала его оттаскивать.

— Это грузин, это грузин, — повторяла я.

Меня позвал офицер и на ломаном русском языке приказал идти в Цитадель и передать нашему командованию, чтобы гарнизон сдался в плен. Если не сдадутся, то будут уничтожены. Я хотела, чтобы со мной пошла мама, но ее не пустили.

— Мать останется здесь. Ты должна вернуться сюда и передать нам ответ советского командования, — заявил он мне».

Фашисты отправили Валю одну, разлучив с матерью Анастасией Кузьминичной Зенкиной. Автоматчик подтолкнул ее, и Валя, ощущая дуло автомата за спиной, направилась к пограничникам через мост к Тереспольским воротам.

Валя шла по разрушенной и пылающей дороге. Расстояние было небольшое, но ей казалось, что она шла долго. Страшная картина была у нее перед глазами: видела много обезображенных снарядами трупов наших бойцов и фашистов. Тошнота подступала к горлу. Вдруг из клуба застрекотал пулемет. «Есть еще живые», — поняла девочка и бросилась бежать навстречу выстрелам. Следующая пулеметная очередь прозвистела над самым ухом. Валя пригнулась, поняла, что это вражеские выстрелы. Мгновенно повернула к зданию погранкомендатуры, от которой остались одни развалины.

Далее В.И. Зенкина вспоминает: «Затем слышу выстрел из подвала 333-го стрелкового полка и крики: «Валя! Ползи! Ползи сюда!», и я побежала к окну подвала. Кто-то подхватил меня на руки, поставил на пол. Бойцы были в касках, большей частью немецких, рядом с ними наше и немецкое оружие. Лейтенанта Кижеватова я привыкла видеть в форме пограничных войск, а теперь он был в пехотной. Все на меня смотрели молча, удивленно.

— Почему ты разгуливаешь одна по крепости, где мама? — обратился ко мне Кижеватов. Я рассказала обо всем. Он привел меня в другой отсек подвала, посадил в углу. Там кто-то возле коптилки на газете вел счет наших раненых и убитых. Лейтенанты Кижеватов и Потапов стали расспрашивать, сколько я видела врагов у реки Мухавец, как они вооружены. А затем Потапов сказал: «Что видела у нас и слышала, забудь. Фашисты не должны об этом знать. Им передай, что в плен не сдадимся. Мы — советские воины».

— Я не вернусь туда. Там, может, в живых уже никого нет, — заплакала я и подробно стала рассказывать, как фашисты расстреливали наших людей. Потапов выслушал и сказал:

— Если так, то оставайся!

И я осталась в крепости. Меня отправили в подвал, где в одном углу находились женщины и дети, в том числе Нюра Кижеватова, Нелли Михайлова, мои одноклассники — Петя Клыпа и Коля Новиков, а в другом — раненые».

Раненые лежали на матрацах, одеялах или прямо на цементном полу. За ними ухаживали женщины, ни на минуту не оставляли их одних. Девочки тоже помогали взрослым: присматривали за ранеными, подносили боеприпасы, собирали оружие, патроны, следили за грудными детьми. К ним присоединилась и Валя Зенкина.

Она помнит, что помогала пограничнику Туманову, который был ранен в голову и плечо и просил, чтобы ему периодически прикладывали что-нибудь холодное ко лбу. Его просьбу выполняли, прикладывая платочек сначала к стене подвала, а потом к его лбу.

В подвале 333-го стрелкового полка находились подростки, воспитанники музыкантских взводов: Петя Васильев, Петя Котельников, Коля Новиков, Володя Измайлов, Петя Клыпа. Коля Новиков и Петя Клыпа по заданию лейтенанта Потапова пошли в разведку в Тереспольскую башню. В башню ребята не пробрались. Однако им удалось обнаружить склад оружия: пирамиды винтовок, пистолетов, ручных пулеметов и автоматов. Там же были ящики с патронами, гранаты и мины. За эти сведения лейтенант Потапов объявил ребятам благодарность. Под огнем врага бойцы перенесли оружие и патроны.

Посланные в разведку Петя Котельников и Володя Измайлов обнаружили склад, где были консервы, сыр, брынза и другие продукты. Подкрепившись сами, они набрали еды с собой и отнесли женщинам и бойцам. Потом из разрушенных помещений санчасти, магазина военторга принесли остатки медикаментов, сухари, сахар, еще один рулон ткани. И все пополам с битым кирпичом, пылью.

Геройски вела себя и Нюра Кижеватова, которой было 14 лет. Смелая до отчаяния, она мало находилась в подвалах вместе с женщинами и детьми. Почти все время была в рядах защитников участка.

Вечером наши бойцы освободили Тереспольскую башню, электростанцию. Лейтенант Потапов с пограничниками проввались даже на остров, но вынуждены были вернуться назад. В этот вечер лейтенант Потапов от тяжелого ранения умер. Петя Клыпа, младший сержант И.А. Бугаков и другие бойцы ходили искать медикаменты. Еще принесли шоколадных конфет и рулон ткани.

— Вот, если бы иголки и нитки сюда, то одежду можно сшить, — говорили женщины. На многих из них было только белье.

— Я вас научу, как без иголки и нитки фасонное платье сшить, — пошутил Петя Клыпа. И тут же стал демонстрировать свои способности в портняжном деле. Оторвав метра два ткани, сделал в ней посередине дыру, набросил на голову, а отдельным узким шнурком от ткани подпоясался. Над выдумкой Пети от души посмеялись даже тяжелораненые. Через не-

которое время новый фасон платья можно было видеть на многих женщинах.

На второй день боев у защитников боеприпасы были на исходе. Посланный снова в разведку Петя Клыпа обнаружил в соседнем здании уцелевший склад боеприпасов, и бойцы под огнем врага принесли оттуда патроны, гранаты, пистолеты, пулеметы. Это был один из последних, найденных разведчиками склад.

Потом Пете Клыпе много раз приходилось пробираться в разрушенные помещения санчасти, кухни, магазина военторга и приносить оттуда медикаменты, сухари, сахар.

Еще несколько семей, в их числе: жена младшего лейтенанта, командира пулеметного взвода 333-го стрелкового полка Ивана Кузьмича Чукурова — Елизавета Никитична Мухачева, жена лейтенанта-пехотинца Алексея Федоровича Наганова — Анастасия Кондратьевна Морозюк, жившие в башне над Тереспольскими воротами, спрятались там. В течение первой половины 22 июня они находились в башне, а дальше оставаться было опасно. Ночью бойцы перевели их в подвалы казармы 333-го стрелкового полка к другим женщинам и детям. Елизавета Никитична Мухачева оказывала медицинскую помощь раненым, участвовала в доставке боеприпасов с воспитанниками музыкантского взвода.

Сюда же под обстрелом врага, прижимаясь к стенам домов, прибежали Клава Михайлова с 15-летней Неллей и 12-летним Геней, Маша Зимина с дочерью Аллой. Они добрались до 3-й пограничной комендатуры и укрылись с другими семьями в подвале кирпичного здания комендатуры. В течение дня женщины и дети-подростки помогали раненым пограничникам, но из укрытия не выходили.

23 июня наступление фашистов возобновилось с новой силой. Над крепостью снова стоял сплошной гул. Запасы продуктов иссякали, их пришлось экономить для раненых и детей, а с водой было еще хуже, запасы льда закончились. Под прицельным огнем пулеметов фашисты держали подходы к рекам Западному Бугу, Мухавцу и обводному каналу. Вода добывалась ценой жизни. Тяжелораненым и детям давали по два глотка, раненым — по одному, остальные терпеливо ждали. Раненых поступало все больше, перевязочных материалов не хватало.

Но страшнее мук физических были муки душевные. Отрезанные от своих командиры и бойцы не знали, что происходит там, за кольцом вражеской блокады. Радиоприемник молчал или отзывался лающими голосами немецких дикторов.

К концу второго дня обороны, когда казалось, что все стволы пулеметов и автоматов вот-вот расплавятся, когда, думалось, наступил предел человеческого силам, вдруг смолк гул орудий и самолетов, и в наступившей тишине над развалинами крепости разнеслась до боли родная песня:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Бойцы обрадованно закричали:

— Наши идут!

Матери целовали своих детей, но песня вдруг смолкла, и из бронированной машины, которую гитлеровцы подогнали поближе к крепости, вместо песен раздался призыв фашистов:

— Доблестные защитники Брестской крепости! К вам обращается немецкое командование. Сдавайтесь! Гарантируем хорошее обращение. Сообщаем, что пал Минск. Через неделю доблестные войска фюрера будут в Москве. Требуем капитуляции гарнизона!

С ненавистью выслушали защитники крепости этот призыв. Фашисты его передавали несколько раз. Никто не хотел даже думать о плене. Клава Михайлова подошла к лейтенанту А.М. Кижеватову и твердо попросила дать ей оружие погибших бойцов. И теперь в часы напряженного боя она заменяла выбывших из строя красноармейцев, с оружием в руках ложилась у окон подвала и вела огонь, бросала гранаты во врага. В минуты короткого затишья снова была среди женщин и раненых, помогала перевязывать раненых и ухаживать за ними.

Раненые бойцы вновь брали в руки оружие. Разведка приносила все новые и новые сведения о героических делах защитников крепости на других участках. Об особо важных эпизодах они рассказывали всем.

На третий день лейтенант Кижеватов проводил с бойцами беседу о подвиге пограничника Николая Морозова, которому в ночь с 21 на 22 июня было поручено охранять немецких шпионов, задержанных на границе. Когда начался бой, Николай отстреливался, не подпускал врага к своему посту. Последними патронами он расстрелял шпионов и застрелился сам, но с поста так и не ушел.

От Тереспольских ворот прибежал обгоревший, раненый боец. Он рассказал, что фашисты ночью забросали их подвал гранатами, кричали, чтобы бойцы сдавались в плен. Но когда красноармейцы дали достойный отпор, фашисты залили подвал горючим и подожгли. Все погибли.

А.М. Кижеватов имел при себе санитарную сумку и хотел оказать помощь раненому бойцу, но тот заявил: «Дайте мне лучше патронов».

Через несколько дней защитники этого участка обороны Брестской крепости поняли, что уберечь женщин и детей они уже не смогут. Тем более, как стало известно, на Западном острове появились немецкие танки. И командование приняло решение отправить детей, жен, матерей в плен, чтобы сохранить им жизнь. Лейтенант А.М. Кижеватов собрал всех женщин и детей. Обращаясь к ним, он сказал: «Вы — жены командиров и знаете, что такое приказ. Положение наше безнадежное. Мы солдаты социалистической страны и наш долг — стоять насмерть. Вы — матери, и ваш святой долг перед Родиной — спасти детей. Это для вас наш приказ. Идите в плен. Да, придется многое перенести, перестрадать. Но это временное явление. Пройдет немного времени, и враг будет разбит. Это свер-

шится! И тогда, где бы вы ни были, Родина найдет вас и поможет вам. Мы просим вас проявить мужество и большую любовь к жизни наших детей. После вашего отхода мы взорвем мост, чтобы преградить врагу путь в крепость».

Отправляя женщин и детей в плен, он просил связаться с погранотрядом и передать, что они ждут подкрепления. «Постарайтесь выйти из окружения и примкнуть к частям Красной Армии» — сказала ему жена Екатерина Ивановна. Все были убеждены в скором окончании войны.

— За меня не беспокойтесь. В плен я не попаду, — ответил Андрей Митрофанович. — Я буду бороться до последнего дыхания и даже тогда, когда в крепости не останется ни одного защитника.

Он попрощался со своей матерью Анастасией Ивановной, женой и тремя детьми, Нюрой, Ваней и совсем крохотной Галочкой. Прощались с женщинами и детьми остальные воины.

Мальчишки, воспитанники музыкантского взвода 333-го стрелкового полка заявили: «Мы тоже бойцы и останемся здесь». Как позже рассказал бывший старшина запаса М.И. Игнатюк, семнадцатилетний воспитанник музыкантского взвода Петр Васильев погиб во время боя в полковом клубе 27 июня 1941 г.

Дважды предпринимались усилия вывести женщин и детей, но безрезультатно. Фашисты тут же их обнаруживали и начинали стрельбу. Валентина Ивановна Зенкина (Сачковская) с горечью вспоминала:

«Мы вышли из подвала и пошли среди руин к Холмским воротам, через которые шла дорога к госпиталю, чтобы через этот участок пройти в ближайшую деревню близ крепости. Не удалось. Немцы нас обстреляли. Пришлось вернуться. После этого предприняли попытку выйти ночью и снова попали под интенсивный обстрел. Снова вернулись к защитникам.

Тогда женщины и подростки, в том числе Петя Котельников и Володя Измайлов, взяв с собой детей и несколько наспех сооруженных носилок с тяжелоранеными бойцами, под белым флагом вышли из крепости и пошли навстречу врагу. Шли они на Западный остров по Тереспольскому мосту. Увидев по пути два немецких танка, подбитых пограничниками Западного острова, раненые защитники говорили:

— Ничего, если будем живы, то мы еще покажем фашистам «кузькину мать».

Отделив женщин и детей от раненых солдат, фашисты тут же учинили им допрос, но не получили желаемого ответа об истинном положении защитников крепости, не установили личности пленных женщин.

Гитлеровцы продержали их несколько суток в переполненном лагере, наскоро организованном для гражданских лиц за крепостью в направлении Тересполя. Лагерь был огорожен в три ряда проволокой и находился на песчаном пустыре в поле. Маленьких детей матери вынесли в очень тяжелом состоянии.

Петю Котельникова и Володю Измайлова отвели в группу раненых бойцов и погнали за реку Буг*.

Выходя из лагеря, женщины увидели почти безлюдный город.

Наталья Михайловна Контровская в воспоминаниях написала:

«Женщины шли, опустив головы, но чувство человеческого достоинства и любви к своей Родине не потеряли, каждая думала об одном, как очистить нашу землю от врага. Все мы знали, что нам есть что защищать и во имя кого спасать Отчизну. Так рассуждали советские люди».

...29 и 30 июня 1941 г. были особенно тяжелыми для «кижеватовцев». Вражеские войска предприняли решительный удар по Цитадели, используя артиллерию, штурмовые орудия, танки, огнеметы. А.М.Кижеватов погиб.

Сражения на Кобринском укреплении

Длительное время шли бои на самом большом по площади Кобринском укреплении. Оно прикрывало Цитадель с севера и востока. В первый день войны здесь сложились самостоятельно действовавшие участки обороны: казармы 125-го стрелкового полка, район жилых домов семей командного состава, Восточные валы и Восточный форт.

125-й стрелковый полк занимал северо-западную часть укрепления. Из-за Буга фашисты открыли прицельный огонь по солдатским казармам и домам командного состава. Вражеские снаряды падали почти на каждый квадратный метр площади. А здесь находилось шесть одноэтажных зданий, в которых жили семьи командиров Шабловского, Семочкина, Гончара, Кропельницкого, Войтенко, Дулькейта, Дербенева, Тихомирова, Гаврилкина, Коломийца, Кравченко, Засорина, Помисского, Калиновского.

Левее от них располагалось более 10 двухэтажных домов семей командиров 333-го стрелкового полка. В каждом доме проживало по 10—12 человек. Примерно 30—36 семей, около 150 человек.

Ольга Григорьевна Помисская рассказывала, что в их комнате от первого взрыва снаряда упал патефон со стола, отвалилась стена, разрушив часть дома. Была ранена соседка Мария Ильинична Калиновская. Чудом осталась жива ее семилетняя Галочка. Жильцы дома, схватив детей, уст-

* Воспитанников музыкантских взводов: Петю Котельникова, Петю Клыпу, Володю Измайлова, Колю Новикова и Володю Казьмина — поместили в лагерь для военнопленных Бяло-Подляска, где они пробыли 12 дней. Затем их перевели в брестскую тюрьму. Петя Клыпа убедил одного немецкого офицера, что все подростки являются жителями ближайшей деревни и попали в тюрьму за то, что советским военнопленным дали хлеба. Их отпустили. Они укрылись у жителей Брестской области. Коля Новиков сражался в рядах Красной Армии, Петя Котельников после войны служил в рядах Советской Армии. Живет в г. Бресте. В.П.Казьмин был вывезен на каторжные работы в Германию. В июне 1945 г. он вернулся на Родину.

ремились под лестничную клетку. Раненую перевязали, а потом, в период минутного затишья, перебрались в подвал. В нем зимой хранили уголь, а теперь он был свободный, но очень грязный. Собралось там человек 20. Туда женщины перевели детей, внесли Марию Калиновскую, ее дочь, а потом — и раненых бойцов. Очень много было убитых.

Несмотря на крайне тяжелую обстановку, по приказу командира полка майора А.Э. Дулькейта и его заместителя по политической части батальонного комиссара С.В. Дербенева подразделения по боевой тревоге стали выходить в пункт сбора. Отдельные группы воинов занимали оборону у внешнего вала крепости, другие продвигались к северо-восточной окраине Бреста. Они вступили в схватку с превосходящими силами противника. В западной части укрепления бойцы во главе с младшим лейтенантом Ф.А. Полтараковым атаковали гитлеровцев и выбили их оттуда.

Проявляя мужество и отвагу, бойцы и командиры 125-го стрелкового полка сражались у Северо-Западных ворот под руководством заместителя политрука П.Н. Никитина. Остальные воины полка под натиском врага вынуждены были отойти к Западному и Восточному фортам, сдерживая противника на подступах к домам командного состава.

Татьяна Сазоновна Семочкина вспоминала:

«Наша семья жила недалеко от штаба 125-го стрелкового полка, в домах комсостава. Разбудили нас в то памятное утро, 22 июня, взрывы, грохот и последние страшные крики умирающих соседей по дому. Проснулись испуганные дети — Диночка четырех лет и Володюшка двух лет. Сама была беременная. Квартира густо усеяна битым стеклом. Пробираясь к детям, сильно поранилась. На коленях, руках застряли осколки стекла. Муж, Семочкин Илья Егорович, заместитель командира по политической части 2-го батальона 125-го стрелкового полка помог мне справиться с порезами, быстро оделся, сказал мне, что, видимо, началась война, простился с нами, меня просил только об одном — уберечь детей.

Илья Егорович нагнал группу бойцов и командиров, которая под руководством капитана В.В. Шабловского решила пробираться в Цитадель к своим подразделениям. Только у старшины, приставшего к ним по дороге, была винтовка и пара гранат. У командиров — одни пистолеты. Им удалось добраться до дороги в Цитадель. Но тут фашистские автоматчики и пулеметчики, захватившие земляные валы над правым берегом реки Мухавец, открыли по группе прицельный огонь. Дорога к Трехарочным воротам, которые вели в Цитадель, была отрезана. Подобрал убитых и раненых, командиры и бойцы возвратились к жилым домам и организовали оборону на этом участке, там, где их застала война. Муж погиб в первый день войны».

У Западного форта по заданию комиссара С.В. Дербенева обороной руководил лейтенант Петр Иванович Давыдов, командир одного из пулеметных взводов 125-го стрелкового полка. Там же укрылись около 50 женщин и детей из домов командного состава, которые проживали в северо-западной части Кобринского укрепления. Среди них в течение трех суток находилась жена лейтенанта П.И. Давыдова — Ангелина Иосифовна.

П.И. Давыдов в первый день обороны был дважды ранен. Второе ранение было тяжелым. Двигаться он уже не мог. Женщины отнесли его в каземат, сделали перевязку. На следующий день, окружив Западный форт, фашисты подвергли его интенсивному обстрелу из крупнокалиберных орудий. Неоднократно бомбили. Горстка советских воинов по-прежнему сражалась. И вторую ночь не утихали бои. Кольцо окружения все более сжималось. На третий день обороны группа фашистов ворвалась в форт и, угрожая оружием, заставила женщин и детей выйти из укрытия. Фашисты стали проверять форт. Из крайнего каземата слышались выстрелы. Вскоре оттуда выполз раненый гитлеровец с перекошенным от страха и боли лицом.

— Там русский, — простонал он.

Фашисты не решались более заходить в подземелье. Они заставили женщин выносить оттуда трупы немецких солдат. С тревогой в сердце спускалась в каземат и Ангелина Иосифовна. Она все еще надеялась застать Петра в живых и оказать ему помощь. Петр Иванович Давыдов лежал в дальнем, затемненном углу каземата, с зажатым в руке пистолетом. До последнего патрона сражались он и его красноармейцы. Все они погибли смертью героев. Из кармана гимнастерки мужа дрожащими от волнения и горя руками Ангелина Иосифовна вынула комсомольский билет, удостоверение личности и спрятала их недалеко от места гибели. Труп прикопала землей и вышла к женщинам и детям.

Гитлеровцы разместили их в конюшне пограничной заставы, а позже водворили в тюрьму, которую освободили от уголовников».

После выхода из брестской тюрьмы в июне 1941 г. Ангелина Иосифовна вместе с Лидией Толстик решила добраться до родного Минска. Шла пешком. А.И. Давыдова была беременна. Недалеко от станции Жабинка женщины завернули в деревню Старое Село, чтобы отдохнуть и приобрести хоть какую-нибудь пищу у крестьян. Население этой деревни, как им было известно, укрывало семьи командиров, размещало их у себя. В Старом Селе расселилось шесть семей командиров. Рядом, в Старосельском лесу, располагалась партизанская группа С.С. Шиканова.

В деревне произошла неожиданная и радостная встреча Ангелины Иосифовны Давыдовой с Сергеем Сергеевичем Шикановым — бывшим командиром пулеметной роты 125-го стрелкового полка, где служил и ее муж. Вместе обсудили сложившуюся ситуацию. От С.С. Шиканова Ангелина Иосифовна получила задание установить связь с минскими антифашистами, выяснить обстановку и получить инструкции.

Добралась до Минска, но от пережитого горя и тяжелой дороги роды у Ангелины Иосифовны прошли с большими осложнениями: умер родившийся ребенок, сама длительное время болела. Летом 1942 г. во время обмена кое-каких вещей на продукты питания встретила с партизанами специальной группы, которой командовал Станислав Алексеевич Ваупшасов; А.И. Давыдова стала связной между спецгруппой и минским подпольем. Из

леса в город она приносила взрывчатку, мины, толовые шашки, а из Минска доставляла партизанам медикаменты, перевязочные материалы, информировала командование о настроениях минчан, о размещении контрольных постов, о пропускном режиме, о расквартировании вражеских гарнизонов в Минске.

У А.И. Давыдовой были знакомые железнодорожники. С их помощью добывала графики продвижения эшелонов с живой силой, техникой и горючим. С подпольщиками подрывала вражеские эшелоны с горючим.

В сентябре 1943 г. ей было поручено передать зашифрованное письмо подпольной группе в г. Минске и узнать, кто совершил покушение на гауляйтера Белоруссии Кубе, так как ребята из отряда С.А. Ваупшасова тоже получали такое задание. Вместе с А.И. Давыдовой в столицу были направлены партизаны Александр Кононцев и Александр Кулешко. А. Кононцев был переодет в форму немецкого офицера. Он владел немецким языком.

Мужчины имели самостоятельное поручение. Выполнение задания шло к концу, но на обратном пути на Слуцком шоссе у деревни Озеры их задержали немцы. Ангелине Иосифовне удалось незаметно переложить шифровку из сумки в носовой платок, а затем проглотить ее. Группу подпольщиков привезли снова в Минск и передали полевой жандармерии. Посадили в тюрьму по ул. Володарского. Начались допросы. Фашисты добивались одного: имела ли она связь с партизанами и при каких обстоятельствах познакомилась с немецким офицером. Но поскольку у подпольщиков все было детально оговорено и такой случай был предусмотрен, то Ангелина Иосифовна твердила одно и то же, что познакомилась с офицером случайно. Была на Суражском рынке, подошел к ней немецкий офицер, попросил ее пройти с ним. Она ответила, что занята, что должна приобрести кое-какие продукты и кое-что поменять из одежды. После этого она может с ним встретиться. Он дал согласие ее сопровождать. Ей это было очень удобно, так как с немецким офицером она себя чувствовала в безопасности. Второго человека тоже не знает, шел с ними рядом, нес мешок с какими-то вещами, как и она, видимо, на рынок. С партизанами связи не имеет. За отсутствием прямых улик ее и А. Кулешко освободили через неделю. Ангелина Иосифовна была убеждена, что переводчик был антифашистом, поэтому способствовал освобождению ее из тюрьмы.

Ангелина Иосифовна вернулась на свою базу. А вскоре от связанных стало известно, что фашисты ищут женщину в красном пальто. Это разыскивали А.И. Давыдову. После этого случая ее с другими товарищами отправили на Большую землю. После освобождения столицы Белоруссии А.И. Давыдова вернулась в свой город.

В районе Восточного и Западного фортов и в южной части Кобринского укрепления, напротив Северных ворот, находились жилые одноэтажные и двухэтажные дома. В них проживало около 100 семей командиров. Гитлеровцы вели прицельный огонь по домам.

Оборону в районе этих жилых домов взяли на себя капитан Владимир Васильевич Шабловский — командир 2-го батальона 125-го стрелкового полка — и старший политрук, секретарь партийного бюро 333-го стрелкового полка Почерников Иван Михайлович.

Защитники приобретали огнестрельное оружие в ходе боев, сражались с исключительным упорством и мужеством. Женщины тоже принимали участие в защите осажденного участка. Перевязывали раненых, подносили бойцам камни, кирпичи для заделки пробоин. Очень смело действовала жена капитана В.В. Шабловского Галина Корнеевна.

Старший лейтенант медицинской службы 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии Валентина Сергеевна Раевская жила в одном из домов на этом участке. С первыми взрывами снарядов в крепости она выскочила в коридор. Там уже было много людей. Они стояли, не решаясь выйти из дома, так как от сильных взрывов снарядов дрожала земля. На улице и в домах были раненые, убитые. Раненые нуждались в помощи. Валентина Сергеевна вбежала в свою комнату, схватила санитарную сумку и все, что могло пригодиться в качестве перевязочного материала — полотенца, простыни, и побежала на помощь людям. Перевязала несколько раненых, а потом попыталась пробраться в свою часть, которая находилась недалеко от Тереспольских ворот в районе Цитадели, но ей не удалось. Пришлось вернуться к раненым в дома комсостава. В это время ранило политрука И.М. Почерникова. Его принесли в здание. Валентина Сергеевна оказала ему помощь. Фашисты уже приближались к домам. В двери, окна бросали гранаты. От разрыва одной из них было ранено несколько человек, в том числе и Валентина Сергеевна Раевская. Осколки попали ей в живот, бедро и руку. Она потеряла сознание. Помощь В.С. Раевской оказала незнакомая девочка-подросток, помогавшая перевязывать раненых, которые подходили или подползали к дому. И снова вели бой с фашистами. В состоянии полной беспомощности В.С. Раевская попала в плен.

Вместе с раненым мужем И.М. Почерниковым сражалась и его жена Александра Васильевна. Почерниковы жили в доме № 9. Туда в первые минуты войны попала бомба. Под обломками обвалившегося здания их дети — шестилетний Алик и пятилетняя Ниночка — были заживо погребены. Шура Почерникова не потеряла самообладания. Она проявила большую выдержку, попросила выделить ей трофейное оружие для борьбы с врагом. А фашисты, перебегая от дома к дому, кричали: «Сдавайтесь!» Иван Михайлович посчитал патроны: три, осталось всего три. Вопрошающе и сурово посмотрела на него Александра Васильевна. «Что будем делать?» «В плен не сдадимся», — сказал муж. — «Я с тобой». Почерниковы предпочли смерть.

Группа бойцов под командованием капитана В.В. Шабловского продолжала сражаться в домах комсостава трое суток. 24 июня гитлеровцы бросили против них танки. Появились они внезапно из-за вала. В.В. Шабловский обвел взглядом бойцов. Здесь тоже находилась группа женщин и детей. Как отразить бронированный удар, как спасти находившихся рядом жен-

щин и детей? А танки уже стреляют в упор по окнам, серые шеренги окружили дом, в котором оставалась горстка раненых воинов. Плен оказался неизбежным.

Группу военнопленных вели под усиленным конвоем. С перевязанной рукой шел капитан В.В. Шабловский. Группа приближалась к старому мосту, перекинутому через обводный канал у Северо-Западных ворот. На середине моста Шабловский оттолкнул фашиста и, крикнув: «За мной!», — бросился в воду. Тут же автоматная очередь сразила его. Так, презрев смерть, погиб коммунист на глазах у жены и дочерей.

В одном из подвалов, недалеко от дома № 8 собралось несколько семей, в том числе Клавдия Иванова-Педоренко, Варвара Шмелева, Ефросинья Лисецкая. Рядом с ними оборону возглавил политрук, заместитель командира роты по политчасти 1-й пулеметной роты 333-го стрелкового полка Иванов Николай Яковлевич. Он собрал вокруг себя бойцов. У него был только пистолет, у бойцов две винтовки. Первое, что приказал политрук, — стрелять метко, добывать оружие у врага. В течение двух часов боя эта задача была решена. Группа сражавшихся разделилась надвое. Одна из них прорывалась на восток, но ей не удалось вырваться из окружения, она продвинулась восточнее домов, укрылась в земляных валах. Вторая, во главе с Н.Я. Ивановым, оказывала сопротивление врагу у домов командного состава до 25 июня. Н.Я. Иванов был ранен в ногу и руку. Бойцы помогли внести его в подвал, женщины сделали ему перевязку. Его жена Клавдия Афанасьевна окончила курсы медицинских сестер, поэтому умела обработать и перевязать рану. Перевязочным материалом служила простынь, в которую была завернута пятилетняя дочь Линочка. Женщины из своих скудных нательных вещей, простыней наскоро подготовили перевязочный материал. Ефросинья Ивановна Лисецкая, Клавдия Афанасьевна Иванова-Педоренко, Варвара Шмелева и другие жены командиров 125-го стрелкового полка подбирали раненых, вносили их в подвал, оказывали им первую медицинскую помощь.

К.А. Иванова-Педоренко и Е.А. Лисецкая видели, как машинистка штаба 333-го стрелкового полка Клавдия Сотникова, оказывая помощь одному из раненых, была убита фашистами. Такая же участь постигла и жену лейтенанта, командира роты связи этого полка К.Ф. Братчикову.

Клавдия Афанасьевна Иванова-Педоренко вспоминала о бесстрашном Косте Кузьмине, молодом красноармейце из хозяйственной части, который дрался с врагом до последнего патрона. Когда кончились боеприпасы, он увидел неподалеку убитого фашиста с автоматом и пополз, чтобы добыть оружие. Овладев автоматом, он уничтожил нескольких врагов. Сам был тяжело ранен. Клавдия Иванова-Педоренко и Варвара Шмелева внесли его в подвал. Чтобы спасти ему жизнь, требовалось хирургическое вмешательство, но эту работу никто из женщин выполнить не мог. Костя попытался нацарапать на котелке, видимо, адрес родителей. Потом взглядом поманил Клавдию Афанасьевну и, подавая котелок, очень тихо сказал: «Берегите,

помните Костю Кузьмина, жаль, что мне так мало удалось уничтожить этих гадов». Костя умер. Нацарапанную надпись на котелке не удалось разгадать.

Валентина Федоровна Севрук работала фельдшером в медсанчасти 132-го отдельного конвойного батальона НКВД. В момент начала войны она находилась в городской квартире за Северными воротами. От первых взрывов в Брестской крепости она проснулась. Дома никого не было. Муж, лейтенант Киричук, несколько дней назад выехал в служебную командировку. Наспех одевшись, Валентина Федоровна побежала в крепость. Крепость полыхала, там, конечно, были раненые. Именно это волновало Валентину Федоровну. Одной из немногих ей удалось в то утро проскочить в крепость. Уже потом, спустя много лет, она сама удивлялась, как сумела пройти сквозь огненный смерч. Но в свою часть попасть не смогла. Казарма находилась на самом берегу Буга, между Тереспольскими и Холмскими воротами, а штурмовые группы гитлеровцев обошли Тереспольскую башню и ворвались в Цитадель. Дорога к казарме батальона была отрезана. Валентина Федоровна добралась лишь до домов комсостава Кобринского укрепления и оказалась в группе 2-го батальона 125-го стрелкового полка. И здесь вместе с другими женщинами она выносила раненых бойцов из-под огня, оказывала им помощь. Женщин, раненых и детишек приходилось укрывать за развалинами домов, под лестничными клетками.

Вскоре оставаться в жилых домах комсостава женщинам, детям и раненым было невозможно. Для них поступила команда — отойти к пороховым погребам. Немногим удалось туда добраться. Под непрерывным огнем красноармейцы, женщины с тяжелоранеными и дети устремились туда. Здесь погиб командир роты 37-го отдельного батальона связи младший лейтенант А.М. Бобков, пытавшийся защитить детей от разрыва гранаты ценой собственной жизни. Здесь же погибли его жена, Раиса Никаноровна, дочь Азальда и несколько бойцов.

Его сын, Александр Алексеевич Бобков, в то время шестилетний мальчик, вспоминает: «И сейчас вижу: женщины, дети, объятые ужасом, бегут в поисках укрытия, втискиваются в бетонную нишу. Меня ранило. Словно что-то раскаленное приложили к левой лопатке и правому бедру. Что-то горячее потекло по спине. Лихорадочно ищу глазами маму. Она и сестренка лежат неподвижно. У сестры небольшая рана на переносице. Я тогда не понял, что их уже нет среди нас, живых. Снова взрыв. Еще боль в левой ноге и спине. Тринадцать ран оказалось на моем теле».

Валентина Федоровна Севрук в каземате земляного вала при тусклом свете копилки, сама раненная в руку, перевязывала раненых. В первую ночь она обнаружила небольшой запас воды. За ней ползали в разрушенные дома комсостава, а затем копали сырой песок и высасывли из него влагу. Никто не жаловался. Все жили одной мыслью, что скоро придут наши основные части и разобьют врага. Вместе с Валентиной Федоровной Севрук ухаживала за ранеными и детьми Валентина Коновалова. На третий

день закончились медикаменты, перевязочные материалы, не было воды и пищи, на исходе были и боеприпасы. В последнюю ночь, 27 июня, стрельба прекратилась.

«Неужели конец? Может наши пришли?» — теплилась надежда. Но из мощного динамика, установленного на машине, враги предложили сдаться. «Будем стоять насмерть, — решили бойцы. — Здесь наш последний рубеж».

И снова загремели выстрелы. Тревожило лишь одно: вместе с бойцами в каземате были семьи комсостава.

«Валентина, ты хорошо знаешь крепость, — сказал ей сержант, — помоги женщинам и детям выбраться. Временно спрячьтесь в деревушке, а там, может быть, удастся пробиться на восток. Веди людей». И никто тогда не знал, что эта хрупкая 23-летняя, не щадившая себя женщина скоро должна стать матерью.

Ночью небольшая группа попыталась выйти из крепости, но фашисты их обнаружили и открыли огонь. Гитлеровцы окружили женщин и детей плотным кольцом конвоя. Пинками, ударами прикладов в спину подгоняли женщин, ослабевших от горя, истощения и ран. Гитлеровцы кричали им что-то злое и повелительное, хохотали, тыча в них пальцами. Пленные женщины в изодранной одежде, почерневшие от пыли и копоти, вызывали у фашистов веселое настроение, удовлетворение. Несчастных фотографировали.

Валентина Федоровна Севрук была контужена, потеряла сознание. Когда пришла в себя, то оказалась в городской больнице, где ведущий хирург С.Т. Ильин принимал меры для спасения раненых защитников Брестского гарнизона, бойцов и командиров Красной Армии под видом пострадавших гражданских лиц города. Сюда советские люди приносили и привозили раненых из крепости. Вместе с В.Ф. Севрук здесь находился боец Калугин, Алик Бобков и другие защитники крепости. Как только состояние здоровья В.Ф. Севрук улучшилось, она вошла в группу медработников больницы, помогала врачам. Окрепших командиров и бойцов отправляли в лес.

Вскоре фашисты провели в городской больнице аресты, организовали свой госпиталь, раненых и больных советских воинов стали отправлять в лагерь для военнопленных в Бяла-Подляску. В.Ф. Севрук тайно ушла из больницы, чтобы продолжить борьбу с оккупантами в тылу врага.

Алик Бобков попал в железнодорожную больницу. Там его подлечили, а после выписки его забрала в свою семью Елизавета Степановна Базелевич, бывший бухгалтер этой больницы. Через 14 месяцев его разыскала родная тетя — Александра Васильевна Стивцева. С ней он жил до осени 1944 г., до образования Брестского спецдетдома № 1, где он воспитывался. (Дети-сироты значительно лучше обеспечивались материально, чем население страны.) И только через многие годы, став взрослым, он узнал точную дату, место своего рождения и настоящее имя — Леонид, увидел фотографию отца Алексея Максимовича Бобкова. (Позже стал врачом.)

Ирина Капитоновна Силукова — жена командира танкового взвода 75-го отдельного разведбатальона Силукова Михаила Александровича — вместе с другими пережила полные тревоги и опасности дни начала войны и весь период немецко-фашистской оккупации. С первыми обстрелами Брестской крепости, не успев попрощаться с мужем, который тут же отбыл на свои боевые позиции, она и другие женщины с детьми собрались в небольшом подвале, который находился рядом со стадионом, на правом берегу реки Мухавец. Подвал был приспособлен для хранения солений и овощей.

«В первые минуты войны, — рассказывала Ирина Капитоновна, — среди нас уже появились раненые. Требовались вода, пища, медикаменты, перевязочный материал. Ночью женщины помоложе пробирались в свои разбитые квартиры и на ощупь находили необходимое для детей, для перевязок. Но всего этого оказалось так мало, и угроза смерти без пищи, без воды нависла над нами. Особенно трудно было маленьким детям. Они не понимали ужаса случившегося и в подвале раздавались крики: «Мама, мамочка, воды!» Иногда ночью Ирина Капитоновна, а с нею и другие женщины, выходили из подвала наверх, ползли к реке Мухавец, чтобы напиться и набрать воды для детей, раненых и больных. Ползли и прислушивались: где же идут бои? Где избавление? Но огненные всполохи, раскаты артиллерийского грома удалялись на восток».

На четвертый день в подвал ворвались фашисты. Два солдата с автоматами и поляк-переводчик в штатском кричали: «Век! Шнель!» — и угрожали оружием. Переводчик приказал, чтобы выходили из подвала и не разбегались, а кто посмеет бежать, тому смерть. И повели пленных по улице Каштановой. Все новые и новые группы женщин с детьми присоединялись к ним. Всех привели в переполненную тюрьму. Первой же ночью Ирине Капитоновне вместе с подругой Таней Чулковой удалось убежать из тюрьмы. Скрывались они от гитлеровцев в городе на квартире жены политрука роты 75-го отдельного разведбатальона Владимира Дубровского. А потом, когда начались повальные облавы, тоже ночью, таясь от патрулей, ушли из города на хутора. «Два раза мы с Таней, — вспоминала Ирина Капитоновна, — попадались в руки предателей. Под угрозой оружия нас сдавали в комендатуру, два раза отправляли как рабов в Германию, а все-таки мы убежали. Хороших людей было много. Неделями мы отсиживались, обогревались их теплом. Помогали нам местные жители, чем могли: давали одежду, обувь, кормили, заботились о нашей безопасности. Советские патриоты сохранили нам жизнь».

В феврале 1943 г. жители деревни Корочня Антопольского района Брестской области помогли И.К. Силуковой связаться с партизанским отрядом имени Орджоникидзе Пинского партизанского соединения.

Жена старшего лейтенанта, начальника полковой школы 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии Василия Ивановича Бытко — Лидия Алексеевна — с двухлетним сыном Георгием и матерью Василия Ива-

новича 70-летней Матреной Васильевной и другими женами комсостава укрылись в своих домах. Во второй половине дня 22 июня они попали в плен. Фашисты глумились над пленными. Они вывели их из домов, построили и заставляли много раз ложиться и вставать. В это время подтягивали живую силу и военную технику к другим домам командного состава. Затем пленных повели за Буг по направлению к г. Бяла-Подляска. По пути фашистские конвоиры встретили немецкую автомашину с офицерами, которые дали новую команду — вести женщин, детей и раненых обратно в крепость. Там их использовали так же, как и других, в качестве заложников. И только 24 июня отправили в брестскую тюрьму. Здесь к ним приходили немецкие офицеры, из католического костела ксендз, которые настойчиво уговаривали женщин отказаться от социалистической Родины, пытались хоть кого-нибудь завербовать. Фашисты предлагали пойти в крепость, поговорить с ее защитниками о сдаче в плен, обещали награды, помилование семьям защитников. Агитация фашистов не имела успеха: предателей не было. Продержав неделю в переполненной тюрьме и не найдя среди женщин малодушных, фашисты их отпустили.

В районе восточных валов женщины с детьми укрылись в штабе дивизиона и в механической мастерской 3-й батареи 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Героическую оборону на этом участке возглавили старший политрук Нестерчук Николай Васильевич и начальник штаба 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона лейтенант Акимочкин Иван Филиппович. Вместе с ними в боевом строю были замполитрука Григорий Деревянко, ефрейтор, наводчик Василий Волокитин, водитель гусеничного трактора Александр Зайцев, ефрейтор, киномеханик 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона Николай Соколов, рядовые Иван Колесников, Михаил Дубинин и др.

Здесь была жена заместителя командира по политической части 3-й батареи 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона А.А. Костякова — Елизавета Сергеевна. Семья Костяковых жила на территории Кобринского укрепления. Окна квартиры выходили на стадион, в сторону границы. Таких домов было четыре. Все одноэтажные, длинные. Недалеко от дома находилась санчасть. Бани в крепости не было, поэтому семьи из этих домов ходили мыться в санчасть.

В этих домах жили семьи комсостава: Климовы, Лавриковы, Мильшины, Климушкины, Акимочкины, Никитины, Нестерчуки.

Когда начались обстрел и бомбежка крепости, спящие люди не сразу поняли, что это война. Муж Елизаветы Сергеевны в полной военной форме выбежал из дома, успев сказать, чтобы она бежала в штаб, так как надеялся, что женщин и детей вывезут из крепости. Дежурным по части был младший лейтенант Ульянов Новиков. Однако пробежать, даже и небольшое расстояние, до штаба Елизаветы Сергеевны не смогла, а добралась только до ремонтных мастерских.

В мастерских разместились несколько семей, примерно 30 человек. Некоторые прибежали полуодетыми, и поэтому женщины делились друг с другом одеждой. Здесь же рядом с ними находились и защитники. Мастерские располагались в земляном валу, состояли из двух помещений для ремонта боевой техники.

Муж Е.С. Костяковой пробиться из крепости не смог. Вывезти пушки на тягачах также не удалось: враг обрушил на них прицельный огонь. Боевые машины, подготовленные для выхода из крепости, вышли к Кобринским воротам и были разбиты, застопорив выход. Это произошло севернее от того места, где сегодня находится главный вход мемориального комплекса «Брестская крепость–герой».

Бойцы и командиры, не сумевшие пробраться в расположение батареи, организовали оборону крепости на валах, держали под огнем подступы к Кобринским воротам и автомагистрали Брест — Москва.

Елизавета Сергеевна видела последний раз мужа в 6 часов утра. А потом очевидцы ей рассказали, что вместе с другими защитниками крепости он поднимал, размещал и определял на земляных валах невывезенные пушки, подтаскивал снаряды с командиром взвода 84-го стрелкового полка лейтенантом А.В.Басте (склад боепитания находился рядом). Погиб А.А. Костяков примерно в 10 часов 22 июня. Командира батальона 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона лейтенанта М.А.Кагановича смертельно ранило, погиб и лейтенант А.В.Басте.

Трактористы Александр Зайцев и Николай Соколов продолжали вывозить снаряды со склада боеприпасов к валам. Пушки не смолкали ни на минуту. Бои шли очень упорные. Появились убитые и раненые. Женщины, как могли, помогали бойцам, перевязывали раненых, ухаживали за ними. К ним прибегали боец Н.М. Соколов, солдат дивизиона М.Г. Фролов с ранеными.

Жара стояла невыносимая. А у женщин, детей и раненых ни воды, ни пищи уже не было. Всех мучила жажда. Никто из бойцов, отправившихся за водой, не вернулся. Женщины пытались найти выход из крепости. Им даже показалось, что нашли подземный ход. Проползли несколько метров и обнаружили завалы. Разобрали их, однако вскоре убедились, что подземного хода нет.

На второй и особенно третий день раны у бойцов стали гноиться. Все нижнее белье было использовано на перевязки. Некоторые дети не выдерживали зловония, стонов раненых, отсутствия воды, пищи, и у них начались судороги.

Трудно было и Елизавете Сергеевне: она была на седьмом месяце беременности*. На третью ночь из штаба 98-го дивизиона к ним пробрался боец Николай Михайлович Соколов. Он принес четыре банки консервиро-

* Е.С. Костякова 25 сентября 1941 г. в деревне Подлесье Брестского района родила сына Алексея, названного в честь погибшего мужа.

ванной фасоли, которые достал из-под разбитой машины с продовольствием. Их разделили между ранеными и детьми. Утром не было спасения от жажды. Решили в мастерской копать колодец. Много приложили усилий, выкопали глубокую яму, но воды в ней не оказалось. Пришлось доставать мокрый песок и высасывать из него капли влаги. И вскоре почти у всех началась рвота, так как песок пропах бензином.

Стало ясно, что женщин и детей невозможно уберечь. К вечеру четвертого дня руководители обороны восточных валов решили отправить женщин в плен во имя спасения детей. Женщин убедили и просили перенести и боль, и нужду, и временный позор, но остаться живыми, донести правду о защитниках крепости и о произошедшей там трагедии.

«Положение защитников было очень тяжелое, тем более, что рядом были мы с детьми, — вспоминала Елизавета Сергеевна. — Защитники крепости буквально вытолкнули нас. К нам присоединились из ям, из подземелий другие женщины с детьми. Образовалась группа примерно 35 человек. Выходили мы через Северные ворота. Вид у нас был страшный: волосы нечесанные, губы потресканные, дети полуживые».

Женщины шли без слез, даже дети молчали. Выйдя из убежища, они увидели сотни убитых красноармейцев. По дороге встречали бойцов. Все они были черные от грязи и копоти, измученные, израненные, с потрескавшимися от жажды и боли губами, еле державшиеся на ногах, не желавшие сдаваться врагу. С печалью в глазах провожали они прощальным взглядом женщин и детей, понимая свою беспомощность и как бы укоряя себя за то, что не смогли защитить их от врага.

У Северных ворот их встретили фашисты, собрали всех на лужайке и повели в конюшни. Всем очень хотелось пить. Только через несколько часов разрешили попить из колонки. Женщинам и детям казалось, что воды они не пили вечно. Два дня продержали их там, а потом отвели в переполненную тюрьму, которая находилась у реки Мухавец за Свято-Симеоновской церковью. Там из имевшихся старых советских запасов — протухлой трески и гороха — женщины варили в жестяных банках суп на костре.

Фашисты несколько раз выстраивали женщин и через переводчика кричали: «Жены комиссаров и политработников, выходите!» Никто не вышел, и никого не выдали. «Вот видите, комиссары и их жены вас оставили, уехали, скрылись», — передал переводчик слова гитлеровца. Не выявив среди заключенных членов семей комсостава, немцы стали постепенно выпускать их из тюрьмы.

Еще одна группа женщин и детей из домов комсостава, расположенных рядом со стадионом, собрались в штабе 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Он располагался в земляном валу. В первый день войны там были вырыты окопы, расставлены пулеметы. Основные удары фашисты наносили со стороны железнодорожного моста. Пулеметчики вели сильный огонь и не давали возможности фашистам подойти со стороны Волынского укрепления.

В штабе дивизиона собрались жены командиров — Анастасия Антоновна Никитина с двумя детьми, Матрена Акимочкина с двумя детьми и матерью, Агафья Нестерчук с детьми, Дора Михельсон, Евдокия Сорокина, Таня Пыхтина–Новикова, Полина Пеньшина, Екатерина Лаврикова с детьми, Варвара Чеснокова, Варвара Левичева и др. В земляной вал стали приносить раненых. Женщины их перевязывали, используя имевшееся белье на бинты, подносили боеприпасы.

Дети и раненые постоянно просили пить. Есть поначалу никому не хотелось. С помощью Николая Соколова и еще одного бойца женщины пробили стену для выхода на кухню, которая была разрушена при первых обстрелах. На кухне женщины обнаружили котел с очищенным картофелем, залитым водой. Анастасии Антоновне Никитиной, Татьяне Пыхтиной–Новиковой, Кате Лавриковой, Дусе Сорокиной часто приходилось под огнем врага пробираться на кухню дивизионной столовой, чтобы набрать воды. Каждая ее капля давала защитникам новые силы в борьбе с фашистами. Трое суток этой водой поили раненых, детей. На четвертый день в штаб к женщинам и детям прибежал боец, которому удалось под сильным огнем противника переплыть Мухавец. Он рассказал, что батальон бойцов пытался перебраться с Центрального острова через реку, но это удалось немногим, что наши бойцы и командиры ведут ожесточенные бои с фашистами на Центральном острове.

В последний раз, когда Анастасии Никитиной пришлось ползти за водой на кухню, она сумела набрать только четверть чайника. Воды уже не было. А та, что еще оставалась в баке, прокисла от картофеля. Но и ей были рады. Когда она возвращалась с водой, около разрушенной стены увидела рядом с пулеметом бойца с разорванным плечом. Анастасия Антоновна дала ему напиток, хотела помочь перебраться в укрытие, но он отказался, хотя патронов у него больше не было.

Вечером 25 июня женщинам, раненым и детям посыльный от старшего политрука Н.В. Нестерчука принес банку консервированной фасоли. Но к ней никто не притронулся, всех мучила жажда. Боец передал приказ замполита о том, чтобы ночью, когда затихнет обстрел, по сигналу двух пулеметных очередей женщины ползком пробирались к ним, осторожно передвигая раненых. Но по этому сигналу выйти не смогли: весь участок выхода простреливался.

На валу, над штабом, все первые дни строчил пулемет замполитрука Григория Деревянко, не давая возможности фашистам подойти к крепости со стороны Московского шоссе. Когда группа немцев попыталась пробраться к штабу со стороны жилых домов, где находились женщины, дети и раненые, он своим метким огнем уложил всех на месте.

Попытки бойцов добыть воду в канале оказались трагическими. Воины, не успев доползти до воды, оставались лежать изрешеченными автоматными очередями. Пришлось рыть колодец тут же, в земляном валу. Анастасия Антоновна и другие женщины разбили цементный пол и вырыли коло-

дец трехметровой глубины. Землю вынимали мисочками, сумели добраться только до глиняной жижи, в которой мочили тряпочки, платочки и прикладывали их к губам раненых и детей.

Старший политрук Н.В. Нестерчук понимал, что силы защитников иссякают, что женщин защитить они не в состоянии, поэтому обратился к ним: «Слушайте, женщины! Приготовьтесь к худшему. Вас, возможно, ждет плен, издевательства, пытки, может, для кого и смерть. Помните одно: вы должны вынести все это во имя Родины и ради того, чтобы сохранить для нее своих детей». «Тот день мне не забыть, — вспоминает дочь Н.В. Нестерчука Лидия Николаевна. — В свои 14 лет я хорошо понимала, за что борются и во имя чего остаются здесь умирать наши бойцы... Отец говорил со мной, как со взрослой. Его последние слова были: живи, доченька».

А небольшой изолированный от других отряд бойцов и командиров продолжал сопротивляться у штаба 98-го дивизиона. Им на выручку бросились бойцы соседнего участка, но все до одного погибли под шквальным огнем фашистов. Погиб и Н.В. Нестерчук.

Позже, 4(5) июля, в рукопашной схватке с фашистами был тяжело ранен И.Ф. Акимочкин. Фашисты пленили его, обнаружили у него партийный билет и потребовали отречься от Коммунистической партии, от партийного билета, обещая взамен жизнь. Воин, истекавший кровью, отверг это гнусное предложение и был расстрелян.

«На четвертый день войны, — вспоминала А.А. Никитина, — когда умолк последний пулемет и погибли защитники нашего участка, фашисты окружили штаб дивизиона, где находились мы и раненые. Они, как звери, ворвались в помещение, бросая вперед себя гранаты. Выгнали нас на улицу, расстреляли на глазах у всех двух бойцов, которые были с нами, несколько раненых бросили живыми в подожженный гараж. Нас окружили плотным кольцом и повели в сторону Тересполья». Оттуда А.А. Никитина с другими женщинами вернулась в Брест и временно поселилась у жены командира 75-го отдельного разведбатальона майора Кудинова — Анастасии Арефьевны.

Многие женщины с детьми нуждались в крыше над головой. И А.А. Никитина приходила в тюрьму, чтобы помочь женщинам поскорее выбраться на волю. После освобождения они должны были идти в Южный городок, где раньше стояла танковая дивизия. Там, в продовольственных складских подвалах, поселились многие семьи командиров.

Но жить долго в холодных цементных подвалах было невозможно. Однажды сюда с подводой прибыл крестьянин, прослышав о наличии в Южном городке горючего и продовольствия, которого, как оказалось, уже почти не осталось. Женщины рассказали ему о себе и попросили взять их в деревню. Примерно 20 километров шли вслед за подводой на некотором расстоянии десятки женщин с детьми. Крестьяне всех их разместили в деревне Подлесье. Оттуда некоторые весной и летом 1942 г. постепенно перебрались в город.

Семья кадрового командира Красной Армии старшего лейтенанта Бориса Валерьяновича Кузнецова (он, жена Елена Федоровна, мать жены, дочери — пятилетняя Нонна и грудная Лата) тоже жила в расположении 125-го стрелкового полка.

В первые минуты обстрела домов была контужена Нонна, ранена мать. Схватив детей, Елена Федоровна с матерью выбежали из дома и устремились к Кобринским воротам. Обстрел крепости не прекращался, и они спрятались в одном из сооружений на Восточном валу, где было много людей. Посидев некоторое время, они снова побежали к Кобринским воротам. Бабушка была окровавлена, у Нонны из ушей сочилась кровь. Лата плакала от испуга.

От очередного взрыва приоткрылись Кобринские ворота, и многие бывшие здесь люди ринулись на улицу Московскую, которая вела в город. Через несколько часов Кузнецовы добрались до Кобринского моста. Он был запружен техникой, людьми. Недалеко от моста зашли в дом. Хозяйка разрешила разместиться в сарайчике. Принесла хлеба, воды. В сарайчике стояла небольшая бочка, на дне которой была солонина. Хозяйка указала на бочку, предложила с хлебом есть ее. От солонины они отказались, а за хлеб и воду поблагодарили. На следующий день они заметили, что хозяйка нервничала: боялась держать у себя «советок». Пришлось искать новое пристанище.

Бой в крепости нарастал. В городе из тюрем фашисты выпустили уголовников, началось мародерство, растаскивалось все из магазинов, складов.

Приютил Кузнецовых у себя белорус, работавший садовником у зажиточной польской семьи. Он разместил их в каморке, где они пробыли три дня. На четвертые сутки с сожалением сказал, что у хозяина дома размещают немцев-постояльцев. Долго пришлось скитаться в поисках жилья Кузнецовым, пока знакомые женщины не устроили их в одном из освобожденных еврейских домов недалеко от театра осенью 1941 г.

Восточный форт был еще одним участком обороны, сложившимся на территории Кобринского укрепления. Его защитники держались продолжительное время. Во главе обороны форта стоял опытный командир 44-го стрелкового полка, участник гражданской войны майор Петр Михайлович Гаврилов. Он из бойцов и командиров разных частей и подразделений сформировал боевой отряд, разбил на роты, создал штаб обороны участка. Начальником штаба назначил капитана Константина Федоровича Касаткина. Штаб был связан с командирами рот телефонной связью. Число защитников вместе с женщинами и подростками составляло около 400 человек. Из коммунистов создали партийную организацию. Она насчитывала около 70 человек. Ее душой стал заместитель командира 3-й пулеметной роты 333-го стрелкового полка политрук Степан Сергеевич Скрипник. «Комиссар Восточного форта» — так называли его те, кому довелось с ним быть в эти огненные дни июня и июля 1941-го.

В части Восточного форта, где раньше располагалась конюшня, находилось много семей командного состава. Среди них были жена заместителя командира пулеметной роты 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии лейтенанта И.В. Прохоренко — Дарья Дмитриевна с детьми; жена командира 3-й пулеметной роты лейтенанта А.М. Бородича — беременная Мария Павловна с дочерью; жена заместителя командира по политической части 333-го стрелкового полка, батальонного комиссара Н.И. Аношкина — Татьяна Игнатьевна с двумя сыновьями; жена младшего лейтенанта Котова — Лидия — с двумя детьми; жена воентехника 2-го ранга Мартыненко — Екатерина Васильевна; жена командира 2-й пулеметной роты 2-го батальона 333-го стрелкового полка младшего лейтенанта Р.Г. Крупина — Лидия Михайловна с двумя детьми; жена командира взвода 84-го стрелкового полка младшего лейтенанта А.В. Горевского — Февронья Петровна с двумя детьми и другие семьи. Все они принимали участие в обороне Восточного форта, помогали командирам и бойцам, охраняли малолетних детей, которых насчитывалось здесь около двадцати.

За оказание медицинской помощи в районе Восточного форта отвечала фельдшер медицинской службы Раиса Ивановна Абакумова. Ухаживать за ранеными ей помогали мать Наталья Николаевна, жены командиров Софья Иосифовна Климова, Лидия Михайловна Крупина, Ефросинья Артемовна Козлова, Татьяна Федоровна Мельникова, Дарья Дмитриевна Прохоренко, Ефросинья Ивановна Лисецкая и др. У некоторых из них мужья погибли при обороне крепости уже в первые часы войны, у других еще сражались. В суровую пору испытаний мужественно вели себя эти женщины-патриотки.

Раиса Ивановна Абакумова до войны работала старшей операционной сестрой 95-го медсанбата. В первые часы в укрытии форта она организовала перевязочный пункт. Раненые все время поступали в «лазарет». Тут же приходилось хоронить умерших и погибших бойцов. Вскоре стало тесно, постоянно ржали лошади, всех мучила жажда, а воды не было. Пришлось лошадей выпустить. Вырыли колодец, но здесь, в конюшне, вода пропахла мочой животных. Некоторых раненых и детей тошнило от нее. Но вскоре и этой воды не стало. Больно было слышать мольбы детей и раненых о воде. У тяжелораненых бойцов началась гангрена, так как не было дезинфицирующих средств и антисептических повязок. Перевязочным материалом служили только халаты, нижнее белье. Разведка обнаружила на одном из складов оружие, гранаты и противогазы, на другом — лед и сухари, но ими трудно было воспользоваться из-за постоянного обстрела и бомбежек. С большим трудом Р.И.Абакумова с бойцами добывали воду, лед, сухари.

Ценой невероятных усилий приходилось спасать раненых. Среди спасенных Р.И. Абакумовой был замполитрук роты 33-го инженерного полка Иван Михайлович Солдатов. Он вспоминал: «При отражении одной из яростных атак я был ранен в ногу. Военфельдшер Раиса Абакумова сделала мне

перевязку. Я продолжал сражаться еще несколько дней, переходя с группой бойцов из одного каземата в другой».

Стойкость и выдержку женщин высоко оценил и руководитель обороны Восточного форта П.М. Гаврилов: «Никогда не забуду подвиги военфельдшера Раисы Абакумовой и женщин, находившихся в форту. Из-под огня противника они выносили на себе тяжелораненых бойцов в укрытия, оказывали им медицинскую помощь. Женщины и дети мужественно делили с нами тяготы обороны, но не думали о сдаче в плен. Когда же на наших глазах стали гибнуть дети, мы сказали матерям: «Вы обязаны спасти наших детей, перенести даже ужасы плена. Навсегда я запомнил слезы моих товарищей, провожавших из форта женщин и детей. Это было 26—28 июня».

Раиса Ивановна Абакумова идти с женщинами отказалась, твердо решив разделить судьбу защитников крепости, какой бы она ни была. «Я принимала военную присягу и до конца буду ей верна», — заявила она командованию. До последнего дня обороны вместе с дочерью оставалась мать Раисы Ивановны — Наталья Николаевна.

Фашисты не только все время обстреливали форт, но и пускали слезоточивые газы. Погода была безветренная, и газ, проникнув в казематы, долго не рассеивался. Противогазы выдали бойцам, женщинам, а малолетних детей прикрывали полотенцами, тряпочками. Трудно было тем матерям, которые в момент обстрела домов потеряли в этом аду детей. У Лидии Михайловны Крупиной пропала дочь Лира. Старшая дочь Фаина была ранена. Февронья Петровна Горевая потеряла пятилетнего Володю, а с двухлетней Оксаной укрылась в форту. Она вспоминала: «Люди находились в очень трудных условиях: жажда, голод, страх, безысходность, беспомощность и постоянная тревога за детей, мужей, бойцов. Очень тяжело было мне, потерявшей сына при бомбежке. Семь суток мы оборонялись. Бойцы не отступили ни на шаг».

Дарья Дмитриевна Прохоренко с тремя маленькими детьми (Алеше было пять лет, Машеньке — два годика и Юленьке одиннадцать месяцев), другими женами и детьми командиров в первые дни сражений активно помогала защитникам. «Оборону Восточного форта, — с волнением вспоминала Дарья Дмитриевна, — возглавил майор П.М. Гаврилов и политрук С.С. Скрипник. Мне особенно запомнился Степан Сергеевич Скрипник. Это был спокойный, стойкий и добрый человек. На 6—7-е сутки, когда от жажды и голода на руках почти умирали двое младших детей, я потеряла самообладание. Казалось, видеть страдания детей я больше не в силах, и, не имея возможности хоть чем-нибудь помочь им, умоляла бойцов застрелить меня и малышей. Комиссар С.С. Скрипник словами, идущими от доброго, тоже исстрадавшегося сердца, убедил меня мужественно перенести все невзгоды. Я счастлива, что двое старшеньких детей все-таки выжили. За это я искренне благодарна ему. Он был особенно внимателен к женщинам, детям, следил за тем, чтобы воду, добытую с огромным трудом, в первую очередь получали раненые и дети. Он организовал прием бойцов в ряды

Коммунистической партии. Женщинам Степан Сергеевич говорил: «Если уцелеете, то расскажете о том, что было в Брестской крепости, и как мы умирали».

Женщины и дети вышли из Восточного форта и направились в район Северных ворот. Шли они с большим трудом, измученные, в изодранной одежде, грязные, неся на руках ослабевших детей. Фашисты их встретили злорадным смехом, фотографировали. Один гитлеровец по-русски спросил: «А почему остальные не выходят?» И, наслаждаясь своим «превосходством», ответил: «Боятся. Они ведь звери». Фашисты эту группу пленных женщин и детей отвели в инфекционную больницу. Там продержали сутки. Как и всех пленных, допрашивали. Но ничего не узнав о защитниках крепости, отпустили.

А измученные, израненные, истощенные защитники Восточного форта продолжали обороняться. И на открытом партийном собрании, проведенном С.С. Скрипником и П.М. Гавриловым, здесь же, в каземате, дали клятву сражаться до последней капли крови. Многие тогда вступили в члены Коммунистической партии. В их числе была и Раиса Ивановна Абакумова.

Прошла неделя, но защитники Восточного форта не сдавались. Фашисты вели усиленную пропаганду по радио, обещали воду, пищу, жизнь оборонявшимся, затем устроили дымовую завесу с хлором, организовали пожар. У защитников появилось носовое кровотечение. Противогазы у бойцов были, но дым не рассеивался сутками, так как погода была очень жаркая и безветренная. На восьмой день обороны, 29 июня, фашисты сосредоточили огонь по Восточному форту, снова применили артиллерию, бомбежку с воздуха. К вечеру обвалилась одна из стен. Затем произошли обвалы и в других местах, где сражались группы защитников. Закончились боеприпасы, а бомбежка продолжалась. Несколько безоружных бойцов фашисты окружили и взяли в плен. Среди них была Раиса Ивановна Абакумова с матерью*.

В июле раздавались выстрелы и в расположении 333-го стрелкового полка, Белом дворце, в части оборонительной казармы, примыкающей к Белостокским воротам, у Тереспольских ворот. С Западного острова в одну из ночей в Цитадель пробились воины-пограничники. В ночь с 5 на 6 июля трем из них удалось выйти из окружения. В этой группе был М.И. Мясников, курсант окружных курсов шоферов погранвойск. В начале июля в неравном бою была захвачена одна группа воинов, оборонявшая участок Восточного

* Раису Ивановну Абакумову и ее мать после пленения фашисты передали в распоряжение начальника железной дороги. Раиса Ивановна пыталась наладить связь с патриотами, фашисты ее арестовали и поместили в тюрьму. С приближением Красной Армии к западной границе нашей Родины гитлеровцы отправили женщин в Германию. Там они находились в лагере для репатриированных. Их освободила Красная Армия 2 мая 1945 г.

форта. 13 июля там сражались защитники во главе с майором П.М.Гавриловым.

23 июля, на 32-й день войны, принял свой последний бой П.М.Гаврилов*. Раненый и изможденный, он попал в плен. И не пустил себе пулю в висок, как доложили немецкому генерал-лейтенанту Шлиперу. Гитлеровцы не стали расправляться с командиром Красной Армии. Немецкие военачальники не раз и не два признавали мужество гарнизона. Командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал фон Клюге высказался так: «Результатом применения всех... боевых средств является полное опустошение крепости. Враг защищался упорно и ожесточенно».

За пределами Брестской крепости на участке Чижевичи — Вильямовичи — Челеево, вдоль реки Буг, километров 12—15 севернее Бреста находились 7, 8, 9-я стрелковые роты 3-го стрелкового батальона 125-го стрелкового полка. Бойцы батальона выполняли задания по укреплению границы, где и застала их война. Они вели упорные бои под командованием капитана Макара Евграфовича Колесникова. По его приказу батальон занял оборону на заранее подготовленных позициях. Слева находилась Челеевская застава.

В трех местах противник пытался переправиться через реку Буг вброд, на резиновых лодках и по понтонам, но был остановлен огнем красноармейцев. Неравную по силе вооружений борьбу с гитлеровцами вела 7-я стрелковая рота под командованием лейтенанта Горшкова**. Он получил несколько ранений, но продолжал командовать, водил роту в контратаки и первым врвался в ряды наступающего врага, уничтожая его в рукопашной схватке. Так же отважно сражался и младший политрук, заместитель командира по политчасти 8-й стрелковой роты Василий Федосеевич Чекалин***.

Командование 9-й стрелковой роты принял на себя прорвавшийся к батальону из города и получивший при этом ранения старший адъютант 3-го батальона лейтенант Алексеев Владимир Алексеевич. 22 июня боевые действия он начал в расположении 125-го стрелкового полка (был вызван накануне в штаб батальона). С группой бойцов вырвался из крепости и с боями продвинулся к расположению 3-го стрелкового батальона на Челеевской заставе, соединился с бойцами и командирами 62-го Брестского укрепленного района.

Как только начался бой, жена лейтенанта В.А.Алексеева — Тамара Антоновна — прибежала в батальон и организовала пункт медицинской

* За исключительное мужество и героизм, проявленные при защите Брестской крепости, П.М. Гаврилову в 1957 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Умер Гаврилов 26 января 1979 г. в Краснодаре, похоронен на гарнизонном кладбище в городе Бресте.

** Имя и отчество Горшкова неизвестны.

*** Семья В.Ф.Чекалина в это время находилась в Брестской крепости.

помощи, выносила из-под огня раненых бойцов, перевязывала их, доставляла воду.

Однако враг был силен и во много раз превосходил силы защитников. В течение дня пришлось отбить 8—10 атак.

24 июня у одного из станковых пулеметов остался только дважды раненный сержант Мячиков*. Героически погиб лейтенант Горшков. 25 июня отдал свою жизнь за Отчизну младший политрук Чекалин.

В ночь на 26 июня оставшаяся от батальона группа забросала противника гранатами и вырвалась из кольца.

Героические подвиги воинов Брестского гарнизона закладывали основу для будущих побед Красной Армии.

Трагические события в Южном городке

22-я танковая дивизия, располагавшаяся в Южном городке Бреста, подверглась бомбардировке и обстрелу фашистами в 4 часа 22 июня. Враг очень тщательно готовился к первому удару. Снаряды четко падали в цель.

Полковой комиссар, начальник отдела политической пропаганды А.А. Илларионов накануне пришел домой в 23 часа усталым и взволнованным.

«Что у тебя, Алеша? — спросила его жена Юлия Ивановна. — Ты чем-то встревожен?»

«Ничем я не расстроен, завтра мы вместе с командиром рано утром должны быть в штабе, — нехотя ответил он. — Подготовь мой чемодан. Есть ли там все необходимое?» Она ответила, что чемодан и все необходимое в нем имеются. После 24 часов он попытался позвонить в штаб, но связи не было.

Глядя на растерянного мужа, Юлия Ивановна вспомнила, что как-то в разговоре с нею он сказал: «Не нравится мне это соседство за Бугом. Ох, как не нравится». И вот теперь эти сборы.

В 4 часа в квартире Илларионовых вылетели все стекла. Дети прибежали из своей спальни с криком: «Папа, что это?»

«Юля, бери детей и идите в подвал. На нас напали фашисты. Приготовь в дорогу себе и детям самое необходимое. Может быть, еще сумеем эвакуировать семью», — сказал на ходу комиссар Илларионов и выбежал из дома. Юлия Ивановна с детьми спустилась в подвал. Артиллерия врага обстреливала городок более двух часов.

Танковая дивизия стала отступать. С войсками семьям уходить не разрешили. В 8 часов утра 22 июня фашисты были уже в Южном городке. Раненого полкового комиссара А.А. Илларионова расстреляли в присутствии жены и детей.

* Имя, отчество и судьба сержанта Мячикова неизвестны.

Горе и растерянность в первые часы и дни войны переживали и другие женщины: Д.И. Василюк (Овсянникова), О.Н. Шурыгина (Ларина).

Дарья Ивановна Василюк, жена старшины А.К. Макеева, работала на почте Южного городка. Покидая пылающий город, она решила немедленно уйти через поле в деревню Пугачево. Во ржи наткнулась на раненого капитана медицинской службы Сургайло*. Увидев женщину, он подозвал ее к себе, попросил снять с него знаки различия, взять его документы и спрятать их. А еще попросил о помощи. Одна Дарья помочь ему не могла, поэтому побежала в Южный городок, нашла Юлию Ивановну Илларионову.

«Юлия Ивановна, там во ржи, — указала она на ближнее поле, — лежит капитан Сургайло из нашей части. Он тяжело ранен. Я пробегала мимо. Вдруг слышу, кто-то зовет. Смотрю, он. Узнал и просил помочь. Я сняла с него знаки различия, взяла партбилет, военную книжку и спрятала. И вернулась сюда...»

Раздумывать было некогда.

«Идем!» — решительно сказала Юлия Ивановна.

Женщины пошли туда, где лежал раненый. Когда подошли к хлебному полю, увидели невдалеке немецких автоматчиков. Одни пробирались во ржи, другие прижимались к кустарникам: проводили зачистку территории.

Женщины испугались, но желание помочь капитану было сильнее, и они, не останавливаясь, направились к раненому. Капитан лежал на спине и тяжело дышал. У него была прострелена грудная клетка. Пуля прошла выше сердца. Рядом лежал труп немца.

«Я уходил по ржи, — с трудом сказал Сургайло, — а тут уже немцы. Этот фашист проклятый стрелял в меня из автомата. Но я все-таки успел разрядить в него пистолет».

Женщины унесли раненого в военный городок и спрятали в подвале. Ухаживали за ним, помогли поправиться после ранения и отправить в одну из деревень. Потом Сургайло ушел в партизаны.

Это было только начало совместной борьбы Юлии Ивановны и Дарьи Ивановны с фашистами в оккупированном Бресте.

Несколько семей отправили из городка на грузовой машине, но по дороге их разбомбила фашистская авиация. Заняв городок, гитлеровцы выгнали из подвала женщин и детей. До самого вечера 22 июня находились они в оцеплении, им даже не разрешили сходить за водой. В свои квартиры им зайти тоже не позволили. К колодцу, что был в городке, население не подпускали. Водопровод не работал. Напились женщины с детьми воды в одной из квартир. Там в ванне находилась вода, набранная еще до этих трагических событий. Она была с кровью, так как там люди промывали раны. Пили ее, некоторых тошнило, но жажда была сильнее брезгливости. Женщин и девушек фашисты тащили в подвалы, квартиры, издевались над ними и насиловали. Квартиры разграбили. Вечером женщин и детей выгнали за пределы городка. Мужчин убивали без разбора, даже инвалидов.

* Имя и отчество Сургайло неизвестны.

На пограничной полосе

Упорно защищали границу пограничники 17-го Краснознаменного пограничного отряда. Немецко-фашистские войска нанесли мощный и внезапный артиллерийско-минометный удар с ближних дистанций по всем 20 пограничным заставам. Восточный берег Западного Буга непрерывно обстреливался из пулеметов. От мощных разрывов бомб и снарядов сотрясалась земля, пылали постройки застав и комендатур, горели деревни и села. По расчетам врага, этот удар в сочетании с усиленной бомбежкой с воздуха должен был сломить дух маленьких пограничных гарнизонов, деморализовать их. Фашистской пехоте, которая бросится в атаку, останется лишь взять в плен красноармейцев, и главные силы гитлеровской армии беспрепятственно двинутся на восток.

Не получив необходимых приказов и сообщений, большинство застав и пограничных нарядов не знали о масштабах вражеского вторжения. Однако все они действовали по присяге: стоять насмерть, задерживать врага до подхода подкрепления. Имея на вооружении лишь пулеметы, винтовки и гранаты, пограничники умело действовали в одиночку и небольшими группами.

Бои развернулись на всем участке 17-го Краснознаменного пограничного отряда. Атакованные многократно превосходящими силами противника, пограничные заставы и комендатуры оказались разобщенными, лишенными единого руководства. Большинство подразделений сражались в окружении, у опорных пунктов и на переправах.

Пятая застава, которую возглавил начальник 1-го отделения штаба 17-го Краснознаменного пограничного отряда капитан С.М. Гриненко, располагалась в бывшем помещичьем доме в полутора километрах от границы около деревни Челеево. Окруженная рвом с земляным валом и стрелковыми окопами, она прикрывала шоссе из Янув-Подляски в Жабинку.

Бой на этой заставе, как и на всех других, начался рано утром. От артиллерийско-минометного обстрела и бомбежки с воздуха загорелись постройки. Семен Максимович Гриненко, пренебрегая опасностью, каждый раз появлялся там, где складывалась наиболее грозная обстановка. Выдержка, хладнокровие, боевая оперативность и организованность сразу же установились на заставе.

С первыми взрывами снарядов заместитель начальника погранзаставы по политчасти политрук И.П. Сорокин побежал на заставу и вскоре был рядом с капитаном С.М. Гриненко.

Уничтожив наряды на границе, передовой ударный отряд 31-й пехотной дивизии гитлеровцев численностью до 200 человек форсировал Западный Буг и к шести часам подошел к деревне Челеево. Пограничники приготовились к обороне. До 13 часов застава вела неравный бой. Многие погранич-

ники пали смертью храбрых, выполняя свой долг перед Родиной. Погиб и капитан С.М. Гриненко*.

После его гибели командование на пятой заставе приняло на себя политрук И.П. Сорокин и лейтенант Ф.М. Побожаяев. Борьба продолжалась. Несколько атак выдержала застава. Фашисты понесли большие потери. Гитлеровцы неистовствовали: важная стратегическая дорога на Жабинку все еще закрыта. А враг имел десятикратное превосходство над пограничниками.

Фашисты пошли на подлую провокацию. Они собрали женщин, детей и стариков деревни Челеево и под угрозой расстрела выставили их в качестве заслона между заставой и своим подразделением. Пограничники временно прекратили огонь. Фашисты, воспользовавшись этим, отошли в деревню и стали ждать подкрепление.

По приказу политрука Ивана Павловича Сорокина застава заняла круговую оборону. Сорокин был человеком неукротимой энергии и храбрости, готовым пожертвовать собой ради общего дела. Он обходил своих бойцов и приказывал им стойко защищать свой рубеж. А когда его спросили, где его семья и не нуждается ли она в помощи, он ответил: «Сейчас надо думать об одном — не пропустить врага. Среди советских людей жена и сын не пропадут».

Отряду пограничников пришлось отбить еще несколько атак врага. Бой длился почти непрерывно пять часов. Фашисты наращивали свои силы. К Челеево прибыло несколько немецких танков. Исход новой атаки нетрудно было предвидеть. Гарнизон понес чувствительные потери, боеприпасов осталось мало.

Приняли решение отойти и попытаться соединиться с основными силами своей комендатуры или армейских частей. Группу прикрытия в составе 20 человек возглавил политрук И.П. Сорокин. На участке заставы и на подступах к опорному пункту осталось более 120 трупов солдат и офицеров противника. Политрук Сорокин погиб в этом бою.

Большую помощь группе политрука оказали комсомольцы деревни Челеево Шура, Оля и Надя Сквородко, Нина и Лида Филимонюк и их комсорг Владимир Сквородко. Они укрыли в сарае несколько тяжелораненых пограничников, выходили их.

Командование небольшой группой пограничников в районе 6-й заставы около деревни Шумаки принял младший политрук, заместитель начальника заставы Леонид Максимович Шульгин. Он сумел организовать крепкую оборону. Когда гитлеровцы поняли, что не в силах пробить ее, они бросили на заставу танк. Один за другим падали советские воины. Жена Шульгина,

* Когда шли бои в Челеево, жена С.М. Гриненко Мария Владимировна Зимина и их дочь Алла еще не знали о постигшем их горе — гибели мужа и отца. Мария Владимировна на второй день войны активно включилась в оборону Брестской крепости на участке, где командовал А.М. Кижеватов.

комсомолка Ольга Васильевна, была рядом с мужем. Она перевязывала раненых, подносила быстро иссякавшие боеприпасы. В окопе надрывно плакал двухмесячный сынишка.

Л.М. Шульгин был тяжело ранен.

«Оля, ты же с ребенком, уходи! — кричал он жене. — Я прикрою вас!»

«Никуда я не уйду. Останусь с тобой до конца!» — решительно заявила Оля. Фашисты приближались. Отчетливо доносились их крики: «Рус, сдавайся!»

«Нет! Русские люди живыми не сдаются!» — кричал Шульгин. И с ожесточением расстреливал приближавшихся фашистов. Метко разила врагов и его жена...

Немцы уже совсем близко. Осталось три патрона. И Шульгин на глазах у врагов застрелил жену, ребенка, а потом себя.

Об этом рассказали жителю деревни Шумаки Федору Гавриловичу Лисовчуку два советских воина, свидетели боя. Федор Гаврилович помнил, как из уст в уста передавали друг другу об их подвиге.

Шульгиных похоронил кузнец Иван Гордеевич Левчук, житель деревни Шумаки. Это был мужественный человек. Еще в годы буржуазно-помещичьей Польши он выступал против гнета и произвола помещиков. И хотя фашисты запретили хоронить семью политрука, угрожая расстрелом тому, кто это сделает, И.Г. Левчук ночью тайком предал их тела земле. На могильный холмик положил полевые цветы, а к кудрявой грушице прикрепил надпись: «Их подвиг сильнее смерти. Если ты — человек, то поступишь так же». Рядом стояла дата — 22 июня 1941 года.

Нашелся предатель, который донес об этом фашистам, и они расстреляли Ивана Гордеевича Левчука. В деревне Шумаки осталась Прасковья Осиповна, вдова Ивана Гордеевича, с пятью малышами. Она не раз рисковала своей жизнью и жизнью детей, укрывая оказавшихся в окружении бойцов и командиров.

На 14-й пограничной заставе вместе с мужем — начальником этой заставы младшим лейтенантом Андреем Федоровичем Бородиным* — воевала и его жена Лидия Захаровна Полякова. Она перевязывала раненых, набивала диски патронами, подносила воду. Бой продолжался до 18 часов 22 июня. Потом оставшиеся в живых бойцы отошли в район Рогозьянских лесов.

Так же мужественно сражались пограничники 15-й и 16-й застав, которыми командовали заместитель начальника 16-й погранзаставы по политической части политрук Павел Владимирович Пшеничный и лейтенант Степан Дмитриевич Иванов. Им на помощь пришли родные и близкие пограничников. Мария Петровна Пшеничная, жена политрука, вспоминала, что война для

* А.Ф.Бородин в начале 1942 г. вступил в партизанский отряд «Боевой» бригады Флегонтова Брестского партизанского соединения, где был командиром взвода. 15 мая 1944 г. взвод соединился с партизанским отрядом им. Валькова этой же бригады, продолжал боевые действия с врагом.

них началась со взрыва снарядов на заставе. Пограничники поднялись по тревоге и заняли оборону. Начальника заставы на месте не оказалось, и командование принял на себя ее муж.

Женщины сразу же включились в борьбу с врагом. Они подносили бойцам боеприпасы и воду к пулеметам. А когда появились первые раненые, перевязывали их. В эти страшные минуты люди как-то забыли об опасности. Пограничники сражались с врагом всю первую половину дня 22 июня. И когда им стало ясно, что это их первый и последний рубеж обороны, что силы уже на исходе, они решили вывести женщин с заставы. Павел Владимирович Пшеничный, прощаясь с женой, сказал: «Родная Машенька, береги детей и себя. А если что случится со мной, воспитай сына достойным советским человеком».

Мало кто уцелел на этих заставах после кровопролитных боев. Вместе со многими отважными пограничниками смертью храбрых пал и П.В. Пшеничный.

В санчасти 17-го Краснознаменного пограничного отряда работала медсестрой Матрена Семеновна Кутырь-Веселовская. В момент начала войны она находилась на квартире у местных жителей. Когда начался артиллерийский обстрел, прибежала в санчасть. Свой первый бой вместе с пограничниками приняла на границе, тут же получила задание вместе с врачом Иваном Аврамовичем Синяком развернуть пункт медицинской помощи на окраине Бреста в районе Кобринского шоссе. Туда прибывали раненые не только пограничники, но и других родов войск.

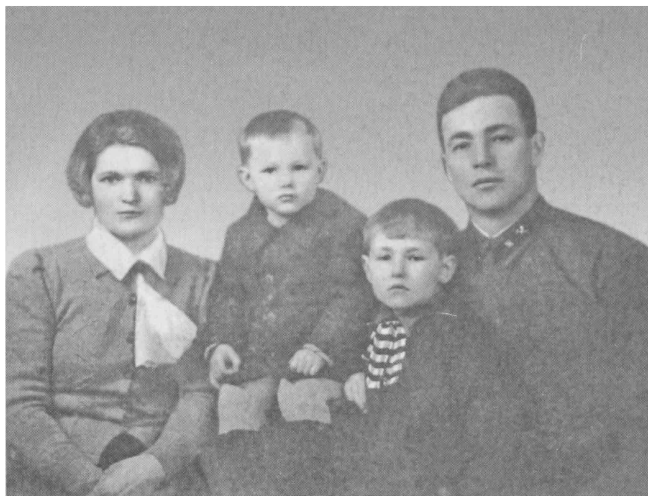
Когда фашисты ворвались в город, поступил приказ от майора Александра Петровича Кузнецова отступать в Кобрин, а там эвакуировать раненых в городской поселок Береза-Картузская в военный госпиталь. Однако санчасть пришлось отступать с боями дальше на восток. Воевала Матрена Семеновна в составе 17-го Краснознаменного пограничного отряда до марта 1942 г.

Отчаянное сопротивление врагу оказала 20-я погранзастава 17-го Краснознаменного пограничного отряда, располагавшаяся в поселке Александровская колония (65 км южнее Бреста).

На Александровскую колонию противник обрушил шквал артиллерийского минометного огня. Транссирующими пулями простреливали всю территорию, создавая сплошную завесу огня.

Из-за Буга летели фашистские самолеты. Почти батальон гитлеровцев переправился через Буг левее железнодорожного моста у Влодавы. Погранотряды вступили в неравный бой. В гарнизоне горели некоторые постройки. Появились первые потери.

Все подразделения гарнизона заняли огневые точки согласно общему плану обороны. Два отделения с ручным и станковым пулеметами под командованием Г.М. Шаварина окопались в северо-восточной части опорного пункта, два других под командованием Е.Ф. Манекина с двумя пулеметами заняли оборонительные сооружения у дорог на западе.

Командир
Красной Армии
Ю.В. Святенко
с семьей:
жена Елизавета
Васильевна,
дети Галина
и Анатолий
(1938 г.)

А.В. Савина
в рядах Красной
Армии (1939 г.)

Н.М. Контровская
с мужем
С.А. Чувиковым

Н.Н. Серовая
с дочерью Ларисой
(1930 г.)

А.И. Писарева с мужем Ф.А. Писаревым

П.С. Тараканов с сыном
(снимок довоенный)

А.И. Шумков
с женой (снимок
довоенный)

Семья М.Н. Гаврилкина
(снимок довоенный)

Лейтенант
А.Ф. Наганов
с женой (снимок
довоенный)

Жены командиров
Волчинской
комендатуры № 1.
Первая слева —
жена старшего
лейтенанта
И.И. Науменко
Мария Яковлевна

Медицинская сестра В.П. Хорецкая, погибла в Брестской крепости

Медицинская сестра П.Л. Ткачева

Я.А. Лицит с дочерьми Эльзой и Альбиной

ПРОФСОЮЗНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ
МЕДИКО-САНИТАРНОЙ УЧАСТИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОУ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 069267

ФАМИЛИЯ Ткачева
ИМЯ, ОТЧЕСТВО Пётр Павлович
ГОД РОЖДЕНИЯ 1914
ПРОФЕССИЯ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬСКИЙ ЦАХ 8 УОМ
ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ 1932 г. 08
ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ 16 XII 39
ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА
НАИМЕНОВАНИЕ ПРОФОРГАНИЗАЦИИ

МЕСТО ФАМИЛИЯ И ИМЯ ОТЧЕСТВО
ИЛИ ПОДПИСЬ
Город Севастополь
М. П.

Купил билет и погасил
200 руб. 10 коп. 17.12.42
СТАВКА 17 руб. 10 коп.
ПОДАРОК 150 руб. 00 коп.
ПОДАРОК 100 руб. 00 коп.
ПОДАРОК 100 руб. 00 коп.

Секретарь: [подпись]

1942

Профсоюзный билет П.Л. Ткачевой с записями тех, кто был рядом

Е.И. Ровнягина, старшая медицинская сестра. Погибла на Волынском укреплении

А.В. Савина, медицинская сестра госпиталя (1947 г.)

А.М. Чертович, шеф-повар госпиталя

В.А. Четверухина (Кокорева), военврач 3-го ранга, ординатор неврологического отделения 28-го корпусного госпиталя

Сестры Вера и Надежда Бобровы, работницы госпиталя (снимок довоенный)

В.В. Бассо, врач-ординатор 95-го медико-санитарного батальона

А.А. Львова, военфельдшер 95-го медико-санитарного батальона

Одна из групп
медперсонала
госпиталя и семей
командиров
Брестского гарнизона
в плену (1941 г.)

Бои
у Тереспольских
ворот
(июнь 1941 г.)

В.С. Раевская,
медицинская сестра
(1941 г.)

А.З. Шулженко, жена
младшего лейтенанта
В.А. Шулженко. Погиб-
ла 22 июня 1941 г.

Н.И. Аванесова-Долго-
ненко, жена лейтенанта
Р.Г. Аванесова. Погиб-
ла 22 июня 1941 г.

Валя Зенкина, дочь
старшины музыкантско-
го взвода И.В. Зенкина
(снимок довоенный)

Нюра Кижеватова,
дочь лейтенанта
А.М. Кижеватова
(снимок довоенный)

Петя Котельников,
воспитанник музыкант-
ского взвода (снимок
довоенный)

Володя Казмин,
воспитанник 44-го
стрелкового полка

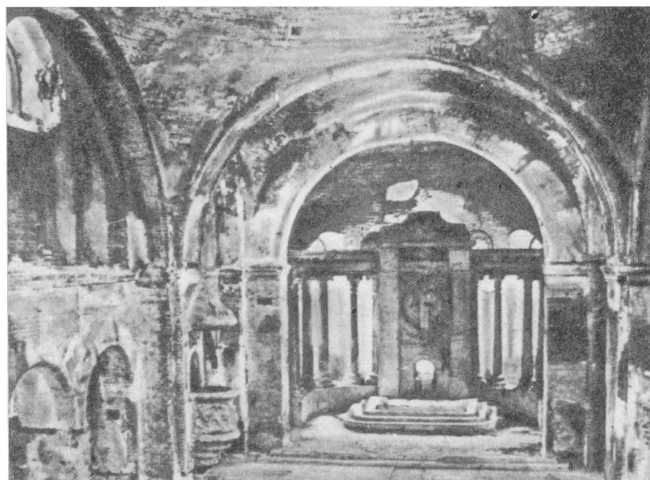
Петя Васильев,
воспитанник 44-го
стрелкового полка

Г.К. Шабловская, жена
капитана В.В. Шаблов-
ского

Воспитанники
музыкантского
взвода. Слева
направо:
Петя Клыпа,
Петя Васильев,
Коля Новиков,
Ефим Лисс,
Леонид Михайлов
(снимок
довоенный)

Здесь принял
последний бой
юный герой Петя
Васильев

Семья старшего
политрука
И.М. Почерникова.
Погибла на Кобрин-
ском укреплении
22 июня 1941 г.

Семья
А.Э. Дулькейта
(снимок довоенный)

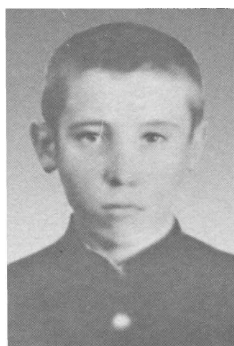
Капитан
В.В. Шабловский со
старшими дочерьми
Раей и Таней
(снимок довоенный)

Надпись, найденная в бастионе Белостокских ворот Цитадели

В.Ф. Севрук, фельдшер
медсанчасти 132-го
отдельного конвойного
батальона НКВД

Алик Бобков (1949 г.)

И.К. Силукова, жена
командира танкового
взвода М.А. Силукова,
партизанка отряда
имени Орджоникидзе
Пинского партизанского
соединения

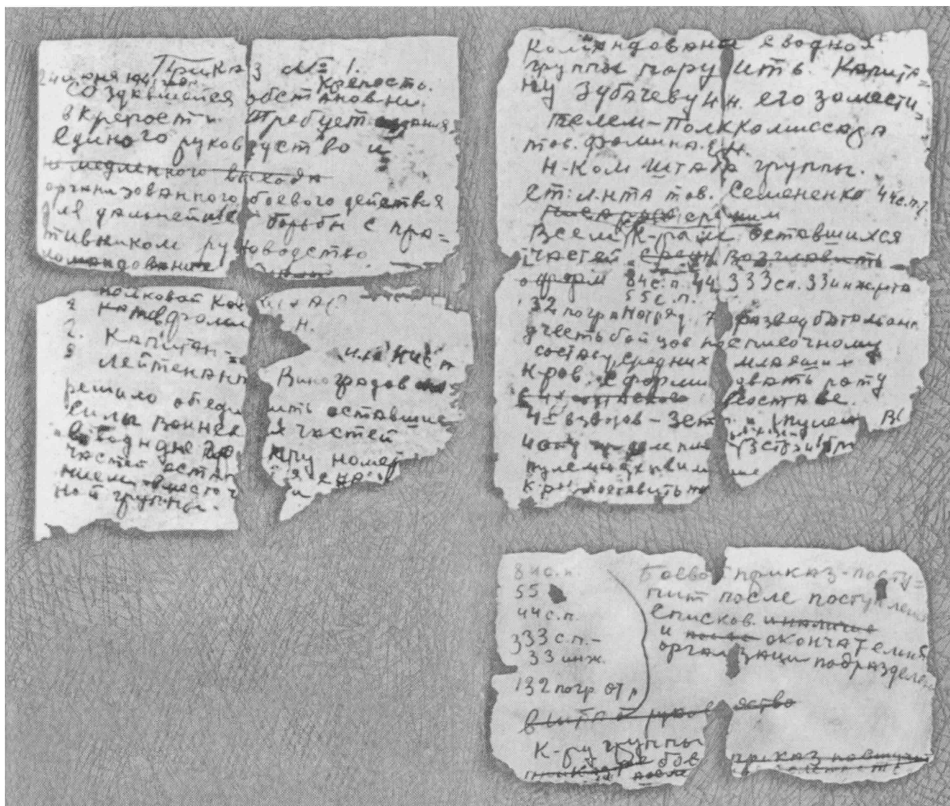
Е.С. Костякова, жена заместителя командира 3-й батареи 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона А.А. Костякова, с сыном Алексеем

А.А. Никитина (Аршинова), защитница Брестской крепости, партизанка отряда имени Чернака

Татьяна и Ульян Новиковы, защитники Брестской крепости (снимок довоенный)

Приказ № 1. Найден у Брестских ворот в 1950 г.

Д.Д. Прохоренко, жена лейтенанта И.В. Прохоренко

Р.И. Абакумова, старшая операционная сестра 95-го медико-санитарного батальона

Д.И. Василюк (Овсянникова), жена старшины 22-й танковой дивизии А.К. Макеева

Л.М. Шульгин, младший политрук, заместитель начальника 6-й погранзаставы; его жена О.В. Шульгина. Оба погибли 22 июня 1941 г.

М.П. Пшеничная, жена политрука П.В. Пшеничного, связная партизанского отряда имени Жукова бригады «Штурмовая» Заславльского района Минской области

Жена старшего лейтенанта И.И. Науменко Мария Яковлевна с сыновьями Александром и Григорием (снимок послевоенный)

Т.Н. Смирнова,
секретарь Брестского
подпольного горкома
КП(б)Б, агент спецгруп-
пы «Искра»

А.И. Хромова, жена
майора П.П. Хромова,
секретарь первичной
партийной подпольной
организации в центре
Бреста

А.Т. Мальцева
(Кирюхина), медицин-
ская сестра, жена
лейтенанта В.В. Кирю-
хина, начальника
5-й резервной заставы
5-го комендантского
пограничного участка

М.Д. Попова, жена
генерала В.С. Попова,
член Брестского
антифашистского
комитета

А.М. Бабушкина,
заместитель
председателя
антифашистского
комитета Бреста,
Р.С. Радкевич,
второй секретарь
Брестского
подпольного
горкома КП(б)Б
(слева направо)

В.Я. Мельников,
руководитель
подпольного
партийного центра
на станции Брест-
Центральный, с
женой Инной
Григорьевной.
Замучен в брестской
тюрьме с сыном
Юрием в октябре
1943 г.

М.И. Прошина
и Ф.Г. Тронкина
в партизанском
отряде имени
Черняка

Е.И. Усанова
(сидит первая
слева), член
подпольной
партийной
организации в
центре Бреста,
на явочной
квартире
подпольщиков
В.С. и М.М. Шен-
друков с полу-
торагодовалой
дочерью
Наташей

П.Т. Матвеева,
член антифа-
шистской
группы жен
командиров
Красной Армии

И.П. Чиненова,
руководитель
антифашист-
ской «пятерки»
(снимок 1970 г.)

А.И. Хромова
(стоит вторая
справа)
и Г.Я. Рева
(сидит первый
слева) в штабе
Брестского
партизанского
соединения
(1943 г.)

Е.Т. Сименкова,
секретарь подпольной
первичной партийной
организации центра
Бреста

Е.И. Литвинова,
руководитель антифа-
шистской группы в
Бресте

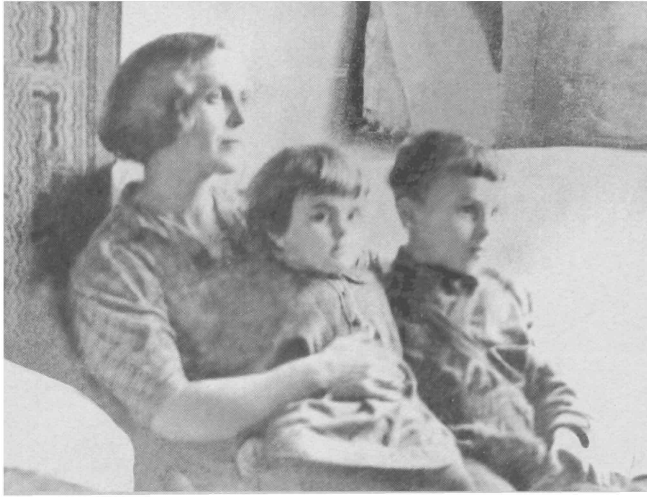
Е.И. Соколова, член
Брестского подполь-
ного горкома партии,
разведчик штаба
Брестского партизан-
ского соединения

В.И. Кравцова с
дочерьми Надей
(слева) и Верой

Члены анти-
фашистской группы
Е.И. Литвиновой
(сидят слева
направо):
Е.И. Литвинова,
Л.М. Дмитриева,
Н. Куприянович,
Л.И. Козенко. Стоит
последний справа
Н.К. Лешуков
(1943 г.)

Б.М. Вагенлейтнер
с дочерью Нелли
и сыном
Альбертом

А. Вагенлейтнер,
сын расстрелян-
ной подпольщицы
Б.М. Вагенлейтнер,
и спасшая ему
жизнь
П.Д. Артамошенко
(1965 г.)

Ю.И. Илларионова (Косова), член антифашистской группы К.Г. Сушкова

А.С. Камсюк, член антифашистской группы Е.И. Коротковой. Расстреляна в мае 1943 г.

Подпольщики
Бреста Юрий
Владимирович
и Елизавета
Васильевна
Святенко (стоят),
их семья: мать
Елизаветы Василь-
евны, сын Анатолий,
дочь Галина (1941 г.)

Н.И. Ильина, подполь-
щица Бреста, связная
группы Е.И. Соколовой

Н.Н. Серовая, член
антифашистской
группы А.Ф. Захарской

М.Ф. Шевчук (Федорук),
член антифашистской
«пятерки»

В.И. Зенкина (Сачков-
ская), член подпольно-
го горкома комсомола

В.С. Кравцова,
руководитель под-
польной комсомоль-
ско-молодежной
группы, дочь капитана
С. Кравцова. Расстре-
ляна 23 июня 1943 г.

А.В. Касаткина
(Ястребова), член
подпольной комсо-
мольской организации
в центре Бреста.
Расстреляна летом
1943 г.

А.Е. Чекалина (Складчикова), член подпольной комсомольско-молодежной организации (1980 г.)

Екатерина Смирнова, член подпольной комсомольско-молодежной группы станции Брест-Центральный. Расстреляна в декабре 1943 г.

Н.С. Кравцова, юная подпольщица (слева), В.И. Зенкина, руководитель подпольной комсомольско-молодежной группы

Майя Кононова, член подпольной комсомольско-молодежной группы В.И. Зенкиной (1942 г.)

Е.С. Костякова, участница обороны Брестской крепости, подпольщица, партизанка

Н.П. Скобелева, связная партизанского отряда имени Чернака, агент спецгруппы «Искра»

П.Ф. Воробьева, жена подполковника
А.Я. Воробьева, подпольщица, партизанка,
с дочерью Тамилей

Вадим Воробьев, партизан-разведчик отря-
да имени Щорса Брестского партизанского
соединения, среди друзей в одной из дере-
вень (снимок фотокорреспондента Брест-
ского партизанского соединения В. Лупей-
ко, март 1944 г.)

Галина Федоровна и Иван Борисович Степаненко
(слева направо, 1940 г.)

Т.Н. Фомичева, член
подпольной комсо-
мольско-молодежной
группы станции Брест-
Центральный

Спасенные дети А.В. Касаткиной (Ястребовой) в партизанском отряде имени Щорса Брестского партизанского соединения

Г.А. Аржанова, член бюро подпольного горкома комсомола. Повешена в брестской тюрьме в декабре 1943 г.

П.А. Горелова, член антифашистской группы в Жабинке

Диверсионная группа отряда имени Чернака после выполнения задания. Сидят слева направо: О.Г. Помисская (Нарышкина), Н.М. Епифанов, командир диверсионной группы (1943 г.)

Н.К. Венедиктова,
партизанка отряда
имени Орджоникид-
зе Пинского
партизанского
соединения, с
дочерью Аллой

Жена капитана
А.Н. Коробко
Мария Никифоровна
с детьми Ларисой и
Виталием (1945 г.)

Л.А. Янчук,
член анти-
фашист-
ской
организа-
ции
местечка
Чернавчицы
Брестского
района

П.А. Грохольская,
жена А.С. Казачен-
ко, политрука 22-й
танковой дивизии,
воспитательница
Домачевского
детского дома,
расстрелянная
с 54 детьми в
сентябре 1942 г.

М.П. Акимочкина
у мемориальной
плиты (1984 г.)

Семья лейтенан-
та А.М. Кижевато-
ва: мать
Анастасия
Ивановна, жена
Екатерина
Ивановна, дети
Ваня, Галя и Аня.
Расстреляны
осенью 1942 г.

Семья капитана
К.Ф. Касаткина:
жена Мария
Николаевна, дети
Зоя и Владислав.
Расстреляны
в 1942 г.

Жена майора
А.Э. Дулькейта
Татьяна Федоровна
и сын Юрий.
Расстреляны
в Бресте

Слева направо:
жена лейтенанта
Смирнова
Анастасия и дочь
Валентина
(расстреляны
27 октября
1942 г.). Его
сестра Екатери-
на расстреляна
в декабре
1944 г.

Дети лейтенанта
В.А. Прохорова.
Слева направо:
1-й ряд —
Людмила и
Светлана;
2-й ряд — Нелли
и Тамара. Нелли
и Светлана были
расстреляны
вместе с матерью
в феврале 1944 г.

Участницы обороны Брестской крепости П.А. Горелова (в центре) и В.И. Зенкина (во втором ряду первая справа) беседуют с посетителями музея (1970 г.)

П.Л. Ткачева
проводит экскурсию
по местам боевой
славы

Жена старшего лейтенанта И.И. Науменко Мария Яковлевна с сыновьями Александром и Григорием на пограничной полосе (1998 г.)

Н.М. Контровская вручает комсомольские билеты воинам Советской Армии в Брестской крепости (1965 г.)

В Брестской крепости. На переднем плане — М.В. Шимко, в центре — А.В. Савина (Стародав). 28 июля 1986 г.

Дочь лейтенанта А.Ф. Наганова с детьми у мемориальной плиты

Защитница Брестской крепости Е.С. Костякова с сыном Алексеем у мемориальной плиты. 28 июля 2006 г.

Дети командиров Красной Армии в Брестской крепости. Слева направо: Ю.В. Фомин, М.И. Переход, А.И. Науменко, Л.А. Александренко (пятая), Д.И. Ноздрин. 28 июля 2004 г.

Автор (первая справа)
с подпольщицами Бреста
А.Ф. Тронкиной и Л.В. Шендрук.
29 сентября 2006 г.

Часть подразделений комендатуры вместе с резервной заставой, которыми командовал заместитель 5-го комендантского погранучастка по политчасти старший политрук А.Н. Белокопытов*, расположились южнее. Бой длился более одиннадцати часов. Но враг окружил пограничников. И пограничный гарнизон в Александровской колонии оказался изолированным.

Семьи военнослужащих попытались с большим трудом отправить в тыл. Но и на них обрушились артиллерийский огонь фашисты. Охрана погибла, не всем семьям удалось эвакуироваться.

Длительную и упорную борьбу с фашистами вместе с пограничниками вела Анна Тихоновна Мальцева. Накануне войны она приехала с мужем, начальником 5-й резервной заставы 5-го комендантского пограничного участка лейтенантом Виталием Васильевичем Кирюхиным, на погранзаставу в Александровскую колонию.

Война застала ее в местечке Томашовка, что в трех километрах от гарнизона. В то утро Анна Тихоновна отправилась по семейным делам в Брест. Из Томашовки Анна Тихоновна с трудом, где перебежками, где ползком, добиралась до заставы. Вблизи Александровской колонии старшина Василий Житлухин дал Ане пистолет. Она поняла, что это была помощь от мужа. А кругом все рвалось, грохотало, черная земля с дымом фонтанами поднималась вверх. Осколки от взрывов снарядов и мин, свист пуль, казалось, были повсюду. Несколько фашистов уничтожила Аня, пока добралась в гарнизон. У дровяных сараев она увидела Настю Белокопытову, жену старшего политрука. Настя стреляла по фашистам из винтовки и кричала: «Смотри, гады ползут, как зеленые змеи, уничтожай их!» Соседка А.Т. Мальцевой по дому Анна Федоровна Могила вспоминала, что Аня Мальцева прибежала на погранзаставу взволнованная, окровавленная, в порванном платье. Она быстро привела себя в порядок, надела спортивный костюм и с пистолетом в руках побежала туда, где шел бой. Она не приняла предложение об эвакуации, а присоединилась к группе пограничников под командованием младшего политрука Г.М. Шаварина. Эта группа обороняла северо-восточную часть опорного пункта. Силы гитлеровцев в десять раз превышали силы пограничников. Упорно сражались наши бойцы и командиры. Снайпер Мимула Хайрутдинов, родом из Татарии, хладнокровно уничтожал фашистов и после удачного выстрела с характерным акцентом приговаривал: «Помирай, собака!»

Под градом вражеских пуль младший сержант Саша Филатов выкатил станковый пулемет на бруствер окопа и в упор расстреливал наседавших фашистов. Вражеский снаряд смертельно ранил его в голову.

Озлобленные большими потерями, фашисты зажигательными снарядами подожгли лес и строения. Страшно ржали лошади в конюшне, жалобно выли собаки в питомнике. Но невозможно было подползти, чтобы выпустить животных. Густой дым окутал оборонительные сооружения, затруднял

* Белокопытов Андрей Николаевич пропал без вести 20.04.1942 г.

наблюдение. От жары у пограничников трескались губы, палило волосы, тлело обмундирование, накалялось оружие. Многие воины получали тяжелые ожоги.

Мужественно вела себя и в этой обстановке Анна Мальцева. Она переносила тяжелораненых в окопы, делала перевязки. Помогала пулеметчику Федору Ермакову*, подносила ему коробки пулеметных лент. А в критические минуты боя сама вела огонь, бросала в фашистов гранаты.

В бою погиб ее муж, лейтенант В.В. Кирюхин. Начальник 20-й заставы лейтенант Е.Ф. Манекин, младший политрук Г.М. Шаварин просили Аню уйти в укрытие, но она отказалась и продолжала участвовать в боевых действиях.

За десять часов боя воины отбили семь атак. Враг все плотнее сжимал кольцо вокруг пограничников. Около 16 часов 22 июня пограничники начали выходить из окружения. С группой младшего политрука Г.М. Шаварина из окружения выходила и Анна Мальцева. Единственный путь выхода из окружения — скрытые траншеи, которые вели в лес. В пылающий лес враг идти не решился. К 23 июня группа вышла к Любомлю, где соединилась с отошедшими заставами 5-й комендатуры, и в составе 98-го погранотряда продолжала вести тяжелые оборонительные бои.

В красноармейских сапогах, в брюках и гимнастерке не по росту, с закатанными рукавами, с огромной санитарной сумкой и пистолетом на боку, Аня была и врачом, и медсестрой, и санитаркой, и бойцом. Памятны ей жестокие бои с превосходящими силами противника под Пинском, Лунинцем, Ковелем. Познала она и горечь отступления и невозвратимость потерь, бои в окружении, видела израненную землю, горящие города и села Беларуси и Украины, пьяные оравы гитлеровцев, трупы расстрелянных и похороненных советских людей. Переживая личное горе, Анна Тихоновна находила теплые слова, ласку, проявляла огромную заботу о раненых, придавала силу и тем, кто пробивался к своим на восток. Она была примером для бойцов в выдержке и самообладании, стойкости и великом стремлении к победе. Всегда оставалась подтянутой и решительной в действиях. «При ней, — вспоминал Григорий Васильевич Юзэфович, бывший ветеринарный фельдшер погранкомендатуры, — мужчина не смел быть не храбрым. Под Ковелем она смело ринулась в бой и вынесла из огня десятки раненых».

В августе 1941 г. под Харьковом пограничники вышли из окружения и влились в другую воинскую часть. Вместе с семьями военнослужащих Харьковского пограничного военного училища НКВД А.Т. Мальцеву поместили в последний эшелон и отправили на восток. Еще в пути Анна Тихоновна приняла решение ехать на фронт. Прибыв в Ташкент, она сразу же обратилась в городской военкомат.

* Ф.М. Ермаков за бесстрашие в бою Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 г. награжден орденом Красной Звезды.

Когда началась война, Вера Никифоровна Рындя (Золотарева) прибежала в комендатуру, чтобы узнать, что же делать в начавшейся боевой обстановке. Восьмимесячного сына оставила в квартире. В комендатуре увидела помощника мужа лейтенанта Давида Михайловича Милославского, который готовил документы к отправке. Он ей сказал: «Бегите в подвал, там все женщины». Муж с пограничниками грузил на машину ручные пулеметы. Махнул на прощание жене рукой и уехал в деревню Новоселки, на 2-ю заставу.

Деревню Волчин, где находилась 1-я комендатура, тоже бомбили, поэтому Вера не смогла быстро прибежать к ребенку, который проснулся от грохота и плакал. Она схватила детское покрывало, завернула в него ребенка и побежала на заставу. Но к ней нельзя было даже приблизиться: туда устремились фашисты и велась интенсивная стрельба. Пограничники 1-й комендатуры вели бой из траншеи. С ними были Д.М. Милославский и начальник 1-й комендатуры старший лейтенант Михаил Силантьевич Величко. Другая группа бойцов расположилась в районе кладбища и вела оттуда прицельный огонь по врагу. Вере Никифоровне пришлось залечь с сыном во ржи, прикрыть ребенка и ждать.

На 3-й заставе руководил боем старший политрук Иван Дмитриевич Кадацкий. Когда первая атака фашистов была отбита, пограничники заметили Веру Никифоровну с ребенком, подбежали к ней и привели в комендатуру. Старший лейтенант М.С.Величко дал ей, на всякий случай, 10 рублей, дневальный подвел к машине, около которой находились жены командиров с детьми. Женщин посадили на машину, попрощались с ними и отправили до деревни Катеры в сопровождении двоих пограничников. Около хутора Колодна машина попала в окружение. Женщин с детьми высадили. Хозяин хутора был откровенно настроен против советской власти. Женщинам и детям не помог. Они целый день были голодными. Депутат местного Совета Александра Кирилловна Витько, узнав о женах пограничников, пришла на хутор и забрала их к себе. Под вечер 22 июня отступавшие пограничники 2-й заставы ехали через хутор Колодна на лошадях. Женщины подбежали к ним. Бойцы были израненные: у многих руки, ноги, голова, грудь были в повязках. Они успокаивали женщин, просили их быть стойкими, мужественными, не бояться врага, обещали скоро вернуться, просили сохранить детей*.

Женщины с детьми переночевали на хуторе, а утром А.К.Витько расселила семьи командиров по ближайшим крестьянским дворам на хуторах и в деревне Дубовое, которая находилась в трех километрах от деревни Волчин.

Жена И.И. Науменко, старшего лейтенанта Волчинской комендатуры, Мария Яковлевна вспоминала, что накануне войны, учитывая напряженную обстановку на границе, просила мужа отправить ее с детьми (младшему

* В 1981 г. В.Н.Рындя (Золотарева) узнала на слете пограничников Брестской крепости, что ее муж погиб в первый день войны.

сыну было 7 месяцев) к родителям в Копыльский район Минской области. На ее просьбу муж ответил, что семьям уезжать запрещено.

Муж в числе еще трех командиров погранотряда перед войной был направлен в деревню Яцковичи с оперативной группой. А недалеко от этой деревни одна из строительных частей возводила доты. Воины оказались без оружия: старое вооружение у них взяли для замены на автоматы. Они стали отступать на машинах вместе с некоторыми семьями командиров. Среди них была и М.Я.Науменко с двумя детьми. Успели отъехать всего пять километров. Фашисты перед ними высадили вооруженный десант парашютистов. Шофер погранотряда Корниенко отвез семьи командиров на один из хуторов, хозяин которого тут же с семьей сбежал, так как боялся гнева фашистов за помощь «советкам».

Мария Никифоровна Коробко, жена начальника пограничного поста в Яцковичах капитана А.Н. Коробко, вспоминала, что в районе поста шли жестокие бои*.

Гитлеровцы, захватив эту территорию, на мотоциклах устремились в сторону Высоко-Литовска. Женщины и дети больше года скитались по селам, пока не вернулись в деревни Яцковичи и Волчин.

Бойцы и командиры 62-го Брестского укрепленного района также в числе первых втретили фашистов и отчаянно защищали свои рубежи. Доказательство тому — бои в районе местечка Семятичи.

Начальник штаба 18-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 62-го УРа капитан Михаил Иванович Ляпин, командир 1-й роты 17-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона лейтенант Иван Иванович Федоров, командир взвода этого же батальона лейтенант Семен Акимович Шиханцев, командиры Гончаров** и Смазнов**, политрук Волков**, сержант, комсорг гарнизона дота «Орел» Николай Иосифович Бутенко, старшина-сверхсрочник Иван Михайлович Пухов, бойцы Виноградов**, Добровольский**, Негорелов** и еще 18 человек вели бой с наступающим врагом у деревни Анусин, недалеко от местечка Семятиче (ныне территория Польши).

Когда началась война, жена лейтенанта И.И. Федорова Пелагея Ефремовна Сулейкина находилась в деревне. Туда к ней прибежали жены командиров Гончарова и Смазнова. Женщины в деревне оставались до семи часов вечера 22 июня. Потом по совету пограничников их хотели укрыть в командном доте. Но туда пройти женщинам не удалось, так как он был под сильным обстрелом. Они смогли пробраться в дот лейтенанта Семена Шиханцева и политрука Волкова. Женщины просили отправить их в штаб батальона. С. Шиханцев согласился, тем более что туда должна была идти

* Алексей Николаевич Коробко погиб 27 июня 1941 года недалеко от станции Гайновка (сегодня территория Польши, воеводство Подляска). Младший лейтенант А.Г. Бойлчев попал в плен. Воевали в частях действующей армии.

** Имя и отчество неизвестны.

автомашина. В это время пришел лейтенант И.И. Федоров. Он не разрешил женщинам с детьми уезжать, так как никаких сведений о штабе не было, а посланные туда связные не возвратились. Иван Федоров предположил, что они в кольце, и велел женщинам оставаться в доте. Его жена, Пелагея Ефремовна, спросила: «Что делать?» «Будем держаться все вместе, ожидая подкрепления. Доты не оставим», — был ответ.

В дотах сидели, как в мешке, о том, что делается вокруг, не знали, так как связи с другими ротами и батальоном не было. Противник ожесточенно обстреливал доты. Лишь иногда ночью бывало затишье. За водой бойцы ночью ползком пробирались в село, которое уже заняли немцы. 24 июня находиться в доте стало невыносимо. Вечером лейтенанту С.А. Шиханцеву удалось связаться по телефону с командиром батальона. После этого разговора Пелагею Ефремовну пригласили к командиру. Здесь состоялся ее последний разговор с мужем. Он спросил о состоянии детей и женщин.

«Олежка совсем плох. Что делать?» — спросила она, едва сдерживая слезы (сынишке было всего 24 дня).

«Я отец, тяжело и мне. Но женщины с детьми должны уйти. Береги детей, как бы трудно ни было. Если останетесь живы, постарайтесь воспитать детей, достойными своей Родины! Будьте уверены, партия поможет вырастить их», — это была и просьба, и приказ.

К 12 часам 24 июня враг приблизился к доте вплотную и начал вести перекрестный огонь. В доте стали отваливаться плиты бетона, погасли фонари. Все задыхались. А тут еще начался пожар. Запахло жженой резиной. Дым повалил во все щели и амбразуры. Дышать стало нечем.

Немцы, видимо, решили, что людей они уничтожили, и отошли от дота. Младенец Олежка не подавал признаков жизни. Мать решила, что он мертв, плотно завернула в одеяло и положила под стену дота. Трехлетняя дочурка еле дышала и не держалась на ножках. Безнадежной была и трехлетняя девочка Смазновой. Под прикрытием дыма женщины с детьми стали выбираться из дота. Последней выходила Смазнова. Она была беременна, передвигалась с трудом, с дочерью на руках. После выхода из дота упала в обморок. Ей помогли бойцы.

У выхода из дота кто-то из бойцов крикнул Сулейкиной: «Сына возмите. Может, где-нибудь хоть руками выкопаете ямку и похороните его. Останетесь живы, будете знать, где похоронили ребенка». Взяла Пелагея Ефремовна мальчика. Добрались до ржаного поля. Присели. Началась страшная рвота у всех. Тошнило одной сажей. Вырвало и сынишку, щеки его порозовели. Мальчик ожил! Сердце у матери так и зашлось. Ведь она его чуть не закопала живого! А дочь Смазновой так и не оправилась, на другой день умерла.

Шли дальше. Встретили двух бойцов. Их точки еще держались и имели связь с дотом, где остался муж Пелагеи Ефремовны. Женщины воспользовались затишьем и пошли с бойцами. Лейтенант К.С. Желторылов напоил

всех водой, велел хоть немного умыться, так как женщины и дети были черными от сажи и копоти. Он посоветовал идти за фронтом: может, где-нибудь удастся выйти к своим. Сами же они остались в доте «Орел», который под руководством И.И. Федорова держался 12 дней и ночей.

Женщины с детьми пришли в местечко Семятиче. Там уже были немцы. На железнодорожной станции бушевало море огня. Они остановились в разваленном сарайчике. Фашисты всех прибывших в деревню тщательно проверяли. Местные жители их прятали, тайно приносили беженцам хлеб и молоко. Отсюда они следили за оборонительным боем своих мужей с немцами. И по отзвукам боя понятно было, что сражается лишь дот лейтенанта И.И. Федорова. Но и его пушки и пулеметы стреляли все реже. На второй неделе, на рассвете, уже почти не было слышно выстрелов и там, а к полудню 4 июля бой совсем затих.

Через две недели крестьяне деревни рассказали Пелагее Ефремовне Сулейкиной, что они подобрали тяжелораненого, обгоревшего красноармейца Амосова, который полз по дороге. Женам командиров удалось повидать его в лагерьном лазарете. Это был единственный оставшийся в живых пулеметчик.

Мужественно сражались пограничники у селения Орля. Волею судьбы там была Ольга Борисовна Шанькова — жена младшего лейтенанта, командира взвода. Она вспоминала: «В некоторых точках наши ожесточенно отстреливались дня три. Немцы блокировали дот. Бойцы стояли в полном смысле слова насмерть. После боев, когда вокруг стихло, группа женщин обошла точки, в которых сражались мужья. Все было разворочено, вокруг лежали убитые. У одной точки 12 человек, у другой — 18. У двух дотов среди погибших мы увидели младшего лейтенанта Мишуренкова и Орехова. Трупы своих солдат гитлеровцы убрали. Наших воинов хоронили мы в темное время суток».

Трудно, а иногда и трагически складывалась жизнь жен и детей командиров Красной Армии в оккупированной фашистами Брестской области.

Те немногие участники обороны Брестского гарнизона, кто чудом уцелел и не был расстрелян, кто прошел через круги ада гетто и тюрем, кто остался жив, боролись с врагом в рядах народных мстителей, приближая день Победы.

НАЧАЛО ОККУПАЦИИ

К полудню Брест был оккупирован фашистами. Однако упорно продолжали сражаться с врагом воины Брестского гарнизона, пограничники, артиллеристы, военнослужащие и работники железнодорожного вокзала станции Брест-Центральный, Брестского областного военкомата. В обороне последнего принимали участие работницы Брестского областного и городского комитетов КП(б)Б — Р.С.Радкевич, З.И.Южная, А.Ц.Аронина и жена начальника штаба артиллерии 62-го Брестского укрепленного района майора П.П. Хромова — Александра Ивановна Хромова, работавшая в Бресте заместителем директора межрайторга по кадрам.

Во второй половине дня, 22 июня, когда здание облвоенкомата было разрушено и когда у его защитников патроны были на исходе, а фашисты усилили пулеметный и оружейный огонь по ним, женщинам и раненым предложили уйти из здания. И как только представилась возможность скрыться за углом впереди стоящего дома, они ушли. С ними была и А.И.Хромова. С первых минут войны участники обороны здания Брестского областного военкомата, оставшиеся в живых, знали, что их место в числе борцов с фашизмом.

С большим трудом добралась А.И. Хромова из здания облвоенкомата домой. Квартира была разграблена. Советские активисты выдворялись из своих квартир. Они вынуждены были расселяться группами у знакомых. Александра Ивановна Хромова поселилась на ул. Маяковского у друзей, где было уже пять семей. В квартире после грабежа осталась одна табуретка и кое-какое постельное белье, которое расстелили на полу для детей. В квартире Р.С. Радкевич поселилось пять женщин с детьми; у Т.Н. Смирновой по ул. Московской определились на временное проживание жены командиров Красной Армии: Софья Александровна Дмитриева, Агриппина Михайловна Пименова с сыном Вилей, Полина Тимофеевна Матвеева с сыновьями Анатолием и Вадимом. В этой обстановке женщины поддерживали друг друга и морально, и психологически, делились всем, чем располагали. Так им было легче и, казалось, безопаснее. Они раздумывали, как им выжить и сохранить детей.

Для устрашения населения оккупанты расклеивали на домах, заборах ранее подготовленные приказы и распоряжения на немецком, русском, белорусском и польском языках, в которых заявляли о своей победе, об установлении в городе строжайшего режима военного времени, о немедленной явке в комендатуру всем военным, оставшимся в городе, о сдаче властям оружия, радиоприемников, политической литературы. За невыполнение

приказов и распоряжений — расстрел. За помощь военнопленным, за слушание радио, за появление на улице после 21 часа, за сбор вместе нескольких человек — тоже расстрел. Люди при встречах спрашивали друг друга только об одном: «Где Красная Армия, кого арестовали, расстреляли, кого повесили?» И узнавали «новости» — одна печальнее другой.

От Марии Давыдовны Поповой, жены командира 28-го стрелкового корпуса генерал-майора В.С. Попова, узнали о трагической судьбе Маркеевых.

Жена командира Красной Армии Александра Филипповна Маркеева была беременна, ждала ребенка со дня на день. А ее тринадцатилетний сын Витя, увидев знакомого шофера в немецкой форме, подошел к нему и спросил, почему тот надел немецкую форму. Услышав в ответ: «Служу немцам», — мальчик, не скрывая своего возмущения, крикнул: «Так это же предательство! Наши скоро придут!» Шофер ударил мальчика по лицу и закричал: «Гаденыш! Сын советского коммуниста». Витя убежал домой, и тут же к ним нагрянул гитлеровец с этим шофером. Ворвались в спальню. У постели матери стоял перепуганный Витя. Увидев свирепые лица гитлеровца и предателя, Витя, обняв мать, закричал: «Мамочка, не отдавай меня!»

В комнате находилась Мария Давыдовна Попова со своей семьей, которая определилась на жительство к Маркеевым. Она пыталась закрыть собой мальчика, но гитлеровец оттолкнул ее, избил беременную женщину, схватил Витю и поволок на улицу. Витю расстреляли. У обезумевшей матери начались преждевременные роды.

Трагически сложилась жизнь Анны Ивановны Пелиной — жены заместителя председателя военного трибунала штаба 28-го стрелкового корпуса А.Н. Пелина. Она приехала к мужу в Брест с двумя сыновьями в ноябре 1940 г. 3 июня 1941 г. Александр Николаевич выехал на учебу в Москву, а Анна Ивановна с детьми оставалась в Бресте. Старшему сыну Николаю было 16 лет, младшему — 3 года. Семья жила по улице Пушкинской, в доме № 12.

На рассвете 22 июня 1941 г. Анна Ивановна проснулась от сильного грохота, взрывов, увидела огромное зарево-пламя со стороны Брестской крепости. Поднялся Николай. Он был тоже взволнован: поняли, что началась война. Хотели связаться со штабом корпуса, но телефон не работал. Разбудили младшего сына. Все 10 семей жильцов дома, в основном женщины и дети (Пелины, Титовы, Алексеевы, Козловы, Ларионовы, Нестеровы, Трубецкие, Кочетовы, Михайловы и Тамара, фамилия не установлена), собрались на крыльце. Кто-то из них сбежал в штаб, но там никого не было. Решили спуститься в подвал, так как находиться в доме было опасно. Стреляли и в городе, во дворе разорвался снаряд. Сильно содрогнулась земля, с окон посыпались стекла. Через какое-то время разорвался второй снаряд, попав в кинотеатр «Ким», (ныне «Мир») рядом с домом. Было страшно, все как окаменели, молчали и дети. Жильцы разместились в одном из отсеков подвала, прижавшись друг к другу. Часов в 8 утра в подвал ворвались фашисты с оружием на прицеле. Выгнали всех из подвала во двор, поста-

вили к стене, хотели расстрелять, но среди жильцов мужчин не было, а только женщины и дети. Переговорили немцы между собой, опустили оружие и ушли со двора. Женщины еще некоторое время стояли в оцепенении, не двигаясь с места. Однако интенсивная стрельба в городе не прекращалась, и все снова спустились в подвал. Несколько часов находились там. Есть никому не хотелось, даже дети не просили кушать, а пили только воду, которая была в подвале, в прачечной. Подросток Николай Пелин пошел в квартиру за документами. Долго его не было. А когда вернулся, все заметили, что он бледный и из уха течет кровь: он был ранен осколком.

Днем в подвал спустился мужчина и принес целый противень пирожных. Женщины не хотели брать их, но он убедил, что это надо детям, да и взрослым следует подкрепиться. Еще несколько раз он приходил в подвал в течение дня и всегда что-то приносил: мешок пшеничной муки, большой ящик фабричных черных и белых ниток. Он сказал женщинам, что из муки они будут варить затирку, а нитки будут менять в деревнях на продукты. Кто он был, женщины так и не узнали.

К вечеру в городе стрельба стихла. Жильцы дома вышли из подвала. В квартире Пелиных была разбита балконная дверь, пробита осколком стена и образовалась большая дыра. Стекол в окнах не было. Входная дверь в квартире была выломана, оба шкафа раскрыты, ценные вещи унесены. То же самое было и в других квартирах.

С опаской переселились из подвала в дом, расселились по три-четыре семьи в одной комнате, так как явился хозяин дома, и жильцов переселили на второй этаж. А вскоре из дома все семьи были выселены. Хозяин ненавидел советскую власть, обвинял советских людей, что из-за них идет война, что из-за СССР захвачена немцами Польша.

Пелина с двумя детьми, а Нестерова — с тремя переселились в маленький заброшенный флигель во дворе. Там была одна комната 10 м², с одним оконцем и плитой. Но самое трудное время было впереди.

Елизавета Ивановна Усанова, жена командира Красной Армии, вспоминала: «Через несколько дней после начала войны из домов по ул. Леваневского выбросили жен военнослужащих, партийных и советских работников с детьми. Их объявили заложниками, согнали в одну из классных комнат двухэтажного здания школы на ул. Комсомольской. Выставили охрану и объявили: «Если возьмем Смоленск, вас отправят на Родину, а если нет, то расстреляем». В комнате было тесно, спали на полу, дети начали болеть, кончились небольшие запасы продуктов, которые удалось захватить с собой при выселении. Было очень тревожно, но мы надеялись на скорое освобождение, хотя слухи были самые противоречивые. Мы верили, что Красная Армия даст отпор фашистам и выдворит их за Буг. Наши надежды поддерживало сопротивление воинов Брестской крепости. Через неделю немцам было не до нас, и они сняли охрану. Мы вышли из здания школы и расселились, кто в городе, кто ушел с детьми в деревни».

Анна Михайловна Бабушкина — жена заместителя начальника по комсомолу 17-го Краснознаменного пограничного отряда — была очевидцем того, как немецкие офицеры и солдаты врываются в квартиры, грабят население, жестоко расправляются с жителями, особенно с евреями. Немало пришлось пережить и ей, особенно за сына Игоря. Она жила на ул. Московской, у поляка Яна Яновича Дребязгевича. С ним у нее было полное взаимопонимание. В соседнем доме жил поляк, ненавидевший советскую власть. Он зашел к ней на квартиру и заявил: «Хватит, большевичка, нажилась!» А после его ухода Анна Михайловна просила хозяина и его жену Галину не оставлять в беде двухлетнего Игоря, если ее арестуют. Они дали слово, что сына спасут.

«На следующий день я увидела в окно, что провокатор направил немцев в наш дом, — рассказывала Анна Михайловна. — Я с сыном бросилась в комнату Яна Яновича, отдала ему сына, сама же приготовилась к аресту. На вопрос немцев: «Где Бабушкина?» — хозяин ответил: «Она ушла из города. А это моя жена!», указал на меня (к счастью, Галины дома не было). Когда фашисты ушли, Я.Я. Дребязгевич посоветовал мне срочно уйти к знакомым, где посторонние меня не знают. Я так и сделала. Ушла на квартиру Розы Степановны Радкевич на улицу Буденного, где уже собрались на проживание и другие женщины».

Вскоре в городе был введен учет «восточников» — лиц, прибывших в Западную Белоруссию из восточных районов страны. При обмене паспортов и выдаче новых фашистских паспортов ставилась буква «S», что значит «советский». За укрывательство «восточников» — расстрел. Для «восточников» фашисты организовали гетто в районе улицы Интернациональной. В отличие от еврейского гетто оно не было опутано проволочными ограждениями.

Продовольственные магазины закрыли. Деньги перестали ходить. Крестьяне привозили в город картошку, муку, молоко, мясо. Их можно было выменять на вещи и одежду, но семьи командиров в городе были уже ограблены, а бежавшие из Брестской крепости сами нуждались в одежде и других вещах.

Они прекрасно понимали, что фашисты прежде всего будут уничтожать командиров Красной Армии, красноармейцев, семьи командиров, будут преследовать и «восточников».

И многие из них включились в их спасение. Среди них была семья Лыщиков — Агафья Лукинична и ее муж Иван Андреевич. Жили они в доме 19 на ул. Минской.

С началом артиллерийского обстрела города семье пришлось скрываться в болоте восточнее Киевки. Вернулись домой, когда враг занял город. 23 июня, в 5 часов утра к ним во двор зашел командир Красной Армии. Супруги переодели его в гражданскую одежду и отправили в деревню. И с этого дня стали помогать семьям военнослужащих. Взяли на квартиру Александру Федоровну Алексееву с тремя детьми. Жили у них временно семьи Ларио-

новой, Пелиной, Козловой. Агафья Лукинична с мужем помогали этим и другим семьям: Поповой, Матвеевой, Синковской, Дмитриевой, Максимо-вой, Кузнецовой, Пименовой, Титовой, Лукиной, Богословской — продуктами питания, в том числе. А.Л. Лыщик приобретала им продукты в деревнях. Помогла Николаю Пелину уйти в партизаны, потом туда ушла и его мать — А.И. Пелина. Направила в семейный партизанский лагерь Ираиду Петровну Чинену с маленькой дочерью Галиной.

Местные жители помогли и Софье Иосифовне Климовой, жене командира Красной Армии, поселиться в городе на ул. Интернациональной в доме 59. Там в двух комнатах разместили 18 человек, в том числе жен командиров: Булыгину, Лисецкую. Прятали там и евреев, на которых обрушились репрессии. С.И. Климову устроили на работу в городе на почте в отдел отправления посылок.

В период фашистской оккупации дом № 16 по ул. Шевченко был надежным местом, где укрывались военнопленные, члены семей военнослужащих из Брестской крепости, которые знали сестер Бобровых — Веру, Надежду и Любовь. У них в одно время нашла убежище П.А. Горелова. А 3 декабря 1941 г. в дом, под видом крестьян, тайно ночью пришли бежавшие из лагеря для военнопленных в Южном городке военврач 2-го ранга, бывший начальник Брестского военного госпиталя Борис Алексеевич Маслов вместе с Алексеем Козловым. Утром, узнав об очередном побеге, фашисты пришли в ярость. С чердака домика Бобровых виднелся лагерь, и беглецы вели наблюдение за этим проклятым местом весь день.

На вторую ночь сестры Бобровы провели советских патриотов безопасными дорогами на восток. Вместе с ними ушли жена и дочь Б.А. Маслова*.

В воспоминаниях его дочь Алла Борисовна писала: «Бобровых я помню очень хорошо. Это милые и отважные люди, настоящие советские патриоты. Они помогли не только отцу и нам с мамой, но и другим советским людям. Оценивая все то, что они делали, я их считаю настоящими героями. Они знали, что рискуют своей жизнью».

Местное население спасло и семью И.Е. Семочкина, политрука, заместителя командира 5-й стрелковой роты по политчасти 125-го стрелкового полка, погибшего в Брестской крепости. У его беременной жены Татьяны Сазоновны на руках оставалось еще двое детей. В Бресте ей и другим женам командиров Красной Армии оставаться было опасно. Она с другими женщинами отправились по деревням. Остановились в деревне Амелино, недалеко от м. Чернавчицы Брестского района. Здесь 7 октября у Семочкиной родилась дочь Людмила. Крестьяне приняли беженцев, укрывали их в своих домах, присваивали им свои фамилии.

* В 1943 г. Борис Алексеевич Маслов связался с украинскими партизанами и вступил с семьей в партизанский отряд имени Богдана Хмельницкого Ровенского соединения. Жена военврача Б.А. Маслова Татьяна Асановна работала медсестрой в партизанском отряде, а дочь Алла Борисовна принимала участие в диверсиях, ходила на задания с подрывниками как санитарка.

Весной 1943 г. Татьяна Сазоновна ушла на станцию Каменец, около Родомска, где проживало в основном польское население. Там скрывались от фашистов несколько других семей командиров Красной Армии. Поляки помогли им обосноваться в одном из сараев, благоустроили его всем миром. Женщины работали в крестьянских семьях. Расплачивались хозяева с ними продуктами питания.

Очень подружились женщины с крестьянами-поляками. Татьяна Сазоновна говорила, что добрых, отзывчивых людей на чужое горе было много, ведь большинство ненавидело фашистов.

Некоторых жен командиров приютили патриоты деревни Подлесье Жабинковского района, в том числе А.А. Никитину. Анастасия Антоновна и другие жены военнослужащих приходили в Брест, чтобы узнать о судьбах уцелевших защитников гарнизона. С помощью местного населения помогали им покинуть город. Узнав, что в брестской тюрьме все еще находятся жены и дети военнослужащих из Брест-ской крепости, Анастасия Антоновна с другими женщинами обманным путем, часто с помощью подкупа охранников, проникали в тюрьму. Им удалось выкупить Марию Касаткину с детьми. Не смогли спасти жену командира 3-й батареи 98-го дивизиона М.А. Кагановича-Шульман Розу Матусовну, их сына Эдуарда трех лет и отца Л.Ш. Шульмана, приехавшего к дочери в отпуск. Их фашисты зверски убили в гетто.

Женщины несколько раз пробирались в Южный городок к лагерю военнопленных, надеясь найти там своих близких. Лагерь был обнесен колючей проволокой, и подход к нему запрещался. Фашисты стреляли в тех, кто пытался бросить хлеб, картошку, кусочек сала и другие продукты больным, раненым советским людям. Однако женщины с помощью местного населения находили всевозможные способы передачи продуктов, медикаментов за колючую проволоку.

Весной 1942 г. Анастасия Антоновна Никитина с двумя детьми была выведена к партизанам связными А.И. Аршинова, одного из руководителей партизанского отряда имени Чернака.

Вначале она выполняла хозяйственные работы: стирала белье, готовила пищу, собирала и заготавливала лекарственные травы, сено на зиму для скота, привозила продукты, участвовала в строительстве землянок для партизан, занималась благоустройством территории семейного лагеря. Позже проводила и политическую работу под руководством комиссара партизанского отряда А.И. Аршинова: читала газеты, сводки Совинформбюро женщинам и местному населению. Посылали ее и в разведку. Дочь и сына оставляла у крестьян д. Новоселки и шла с партизанами на задание. Со связным Станиславом Василевским она прошла деревни Большие Хадынички, Верхолесье, Гайновку с целью сбора сведений о размещении немецких воинских частей. Собранные данные передавала через сестру Василевского Марию, а та по своим связям — в отряд.

В городе по заданию подполья работал Александр Шершунович — бывший советский активист, депутат сельского Совета. Ему было поручено находить и выводить нелегально из Бреста на хутора «советок».

Александр Шершунович вышел на фельдшера медсанчасти 132-го батальона Валентину Федоровну Севрук и предложил ей срочно покинуть город. Он в течение нескольких дней организовывал вывод многих советских людей из наводненного немцами города в сельскую местность, где жить было безопаснее, легче, да и связи с партизанами установить можно быстрее.

Валентина Федоровна прибыла в д. Бояры Жабинковского района. Здесь родился у нее сын Александр, названный в честь погибшего отца. В этой деревне находилась жена заместителя командира роты 31-го отдельного автотранспортного батальона младшего воентехника П.Е.Коновалова — Валентина Ивановна. Там же нашли приют красноармейцы и командиры, бежавшие из плена. Среди них Григорий Ульяновко. Часто советские патриоты встречались, обсуждали планы борьбы с фашистами. Женщин и военных принимали в партизанскую группу, которая со временем выросла в партизанский отряд имени В.И. Чапаева.

Группа молодежи из деревни Пугачево — Павел и Мария Охримуки, Михаил и Ольга Рудько, Андрей и Лев Хведчуки, Николай Андреюк, Николай Король, Виктор и Валентин Войтковские — получили задание от своего старшего товарища, бывшего члена Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) Владимира Михайловича Шибуня, спасти военнопленных, жен и детей командиров Красной Армии, «восточников», налаживать связи с патриотами города, приобретать оружие и боеприпасы в местах боевых сражений. В первые дни оккупации молодые патриоты спасли много семей военнослужащих, в том числе многодетную семью М.Ф. Новиковой, комсомолок Н.П. Скобелеву и Д.И. Овсянникову.

По заданию коммунистов города и Брестского района, бывших членов КПЗБ десятки патриотов работали по установлению связей с женами командиров Красной Армии, размещению их в деревнях, обеспечивали безопасное проживание в городе, устраивали на работу или определяли в партизанские или подпольные антифашистские группы.

Жену политрука И.П. Сорокина Марию Ивановну с сыном Валерой приютили в деревне Челеево у Марии Никитичны Веремеюк, хотя последняя сама с тремя детьми жила у родственников, ее дом сожгли фашисты. Крестьяне деревни помогли Марии Ивановне материально, поддержали морально. Полина Наумовна Семенюк, ее брат Иван Наумович Якобчук и другие делились хлебом, одеждой. Когда в деревню зачастили полицаи, М.И. Сорокину с сыном укрыла Анастасия Михайловна Котович из Чернавчиц.

В первый день войны раненую Варвару Васильевну Бассо — врача-ординатора 84-го стрелкового полка из Брестской крепости — приютили местные жители на окраине города, а на следующий день отвели в областную больницу. Там хирург С.Т. Ильин с местными врачами и медперсоналом спасали советских воинов под видом пострадавших гражданских лиц. Ходячих раненых в гражданской одежде тут же отправляли в деревни с по-

мощью местных жителей. Многих военных спасли от фашистского плена, переодев в гражданскую одежду. Их на санитарных машинах отвозили на надежные квартиры, а затем переправляли в Старосельский и другие леса. И Варвара Васильевна Бассо, получив медицинскую помощь в больнице, включилась в эту работу.

Дни и ночи С.Т. Ильин с другими врачами оперировал без наркоза, не хватало и перевязочных материалов. Раненые лежали на полу, в коридорах. В больнице постоянно слышны были стоны больных, стоял жуткий запах. Умирили многие, хоронили их тут же во дворе больницы в общую могилу. Медработники в больнице выполняли все работы: мыли полы, убирали операционную, кормили больных. Они же с местными жителями, проживавшими рядом с больницей, организовали сбор верхней одежды, продуктов питания, белья, простыней для перевязок, подстилок для лежавших на полу.

Областная больница была рассчитана на 600 коек, а в ней оказалось более 3 тысяч раненых, в основном воинов Красной Армии. Боярчук, шофер больницы, с первых часов войны спасал раненых бойцов и командиров, возил их на машинах, в том числе и на «Скорой помощи» в близлежащие деревни. Фашисты дознались о назначении его поездок по деревням и расстреляли бесстрашного патриота в конце июня 1941 г.

В.В. Бассо поселилась на квартире начальника санчасти, врача 3-го ранга 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии Николая Николаевича Григорьева. Его семья — жена Валентина Тимофеевна и двое малолетних сыновей Боря и Юра — жили в Бресте.

Через неделю фашисты потребовали в течение 24 часов удалить больных из областной больницы, так как в ней они организовывали свой госпиталь для раненых. Медработники и подпольщики города разошлись и разъехались в окрестные деревни с просьбой к крестьянам перевезти на подводах тяжелобольных воинов в сельскую местность и определить по крестьянским дворам под видом больных горожан. Началась эвакуация, но перевезти всех не удалось, хотя крестьяне принимали всех раненых. Тяжелобольных фашисты перевезли в Южный городок, где уже действовал лагерь для военнопленных.

В.В. Бассо, другие врачи и медперсонал перешли работать в железнодорожную больницу в район Граевки. Но и там вскоре фашисты потребовали освободить здание больницы под немецкий госпиталь. Пришлось С.Т. Ильину, В.В. Бассо и другим врачам, которых уже преследовало СД, скрываться от врага.

* * *

Варвара Васильевна Бассо и Валентина Тимофеевна Григорьева с сыновьями поселились в деревне Хмелево Жабинковского района. Приняли их супруги Павел Иосифович и Мария Афанасьевна Германовичи, рискуя своей жизнью и жизнью детей, потому что приютили жену командира и

советского врача. К В.В. Бассо приходили за медицинской помощью раненые воины, иногда крестьяне на подводах привозили тяжелобольных или заболевших бойцов; лечились у нее и местные жители. Лекарства приобретались в аптеках Жабинки и г. Бреста.

Местное население д. Хмелево активно включилось в борьбу с оккупантами. Феодосий Степанович Гацкевич, его жена Юлия Максимовна, Павел и Мария Германовичи, Петр Гордеев и другие стали антифашистами района. Они и другие жители деревни сохранили жизни многим семьям военнослужащих, бойцам, командирам, помогали связаться с партизанскими группами и антифашистским комитетом района. Позже антифашисты отправили В.В. Бассо и В.Т. Григорьеву в местечко Чернавчицы, где Варвара Васильевна работала врачом, обслуживала местное население. На амбулаторию она получала кое-какие медикаменты и перевязочный материал, который почти полностью переправляла партизанам. Валентина Тимофеевна подпарывала подкладку у кроличьей короткой шубки, подшивала туда перевязочные материалы и лекарства и относила в деревню Хмелево супругам Гацкевичам, связным партизан. Кроме того, она ездила в г. Каменец, где в аптеке за марки покупала необходимые лекарства под предлогом плохого снабжения амбулатории в Чернавчицах. Их тоже переправляли партизанам.

Варвара Васильевна Бассо и Валентина Тимофеевна Григорьева в апреле 1942 г. были приняты в члены подпольного антифашистского комитета Жабинковского района Брестской области. Они работали под руководством Ивана Павловича Марчука, помогали партизанам Старосельского отряда.

Семьи командиров Красной Армии прошли трудный и сложный путь — от первых дней сражений с врагом до плена, унижений. Но никто из них не дрогнул, не усомнился в правоте коммунистических идей, в правом деле советского народа, вставшего единой стеной на защиту социалистических завоеваний.

В БРЕСТСКОМ ГОРОДСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Встретив упорное сопротивление советских воинов у стен Цитадели, военнослужащих и гражданских лиц в здании облвоенкомата и на железнодорожном вокзале, фашисты пришли в ярость. Гестапо, СД, другие карательные органы оккупантов обрушили жестокий террор на жителей Брестчины, особенно военных, «восточников» и железнодорожников.

После сентября 1939 г. для создания административно-политических структур в Западную Белоруссию было командировано из разных районов Советского Союза большое число железнодорожников, высококвалифицированных рабочих, партийных и советских работников с семьями. Именно их оккупационные власти считали врагами номер один и в первые дни войны расстреляли несколько тысяч советских активистов. Выслеживали и семьи командиров Красной Армии.

И с первых дней фашистской оккупации Брестчины активно шла организация вооруженной партизанской борьбы в тылу германских войск. Уже 24 июня 1941 г. в области была организована одна из первых партизанских групп. Произошло это в лесу, возле деревни Старое Село Жабинковского района. В нее вступали жители Старосельского сельсовета, пограничники и оказавшиеся в окружении воины 84-го и 125-го стрелковых полков Брестской крепости. Группу возглавил майор Семен Капитонович Дородных*, лейтенант Сергей Сергеевич Шиканов**, председатель сельского Совета Михаил Никитович Чернак.

Другая группа появилась летом 1941 г. в Березовском районе, недалеко от деревни Пески. Командовал ею старшина В.М. Монахов.

При активном участии советских военнослужащих и жителей деревень Кукличи, Рудня, Новый Двор Порозовского района возник партизанский отряд «Поддубного», руководил которым В.В. Янушко (Поддубный).

Многочисленные партизанские группы действовали в Беловежской Пуще (летом 1941 г. там сражалось более 500 партизан), а также на территории Березовского, Кобринского, Коссовского, Пружанского, Ружанского, Брестского районов.

* С.К.Дородных, командир 84-го стрелкового полка, майор, один из организаторов партизанской борьбы на Брестчине. Погиб весной 1943 г.

** С.С.Шиканов, лейтенант, командир пулеметной роты 125-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии. Участник боев на границе. Оказавшись с ротой в окружении, принял решение перейти к партизанским методам войны. Он один из организаторов партизанской борьбы на Брестчине.

Быстрая оккупация врагом Брестчины не дала возможности партийным и административным органам провести подготовительную работу по созданию антифашистского и партизанского движений.

В первые недели Великой Отечественной войны в г. Бресте возникло антифашистское сопротивление. Его возглавил Петр Георгиевич Жуликов — секретарь парткома железнодорожного узла, член областного и городского комитетов КП (б) Белоруссии.

С первых дней оккупации фашисты в определенные часы сгоняли население города на площадь Свободы для прослушивания радиопередач на русском, белорусском, польском и немецком языках «о победоносном движении на восток доблестных воинов фюрера», которые «несут свободу советскому народу от жидо-большевизма».

Сюда, в большое скопление людей, почти месяц приходил Петр Жуликов, молодой мужчина невысокого роста, неприметный на вид, слегка согбленный из-за болезни позвоночника. Приходил на эти «мероприятия» с одной целью — встретиться со знакомыми коммунистами, комсомольцами, сотрудниками железной дороги, партийными, советскими и хозяйственными работниками. Он понимал и внутренне чувствовал, что не всем удалось уйти из города, что остались активисты, опираясь на которых можно организовать сопротивление врагу.

Его расчет оправдался. Оставшиеся в городе коммунисты, партийные и советские работники приходили на площадь, чтобы хоть каким-то образом узнать о делах на фронте, в надежде встретить знакомых, обменяться мнениями. И случилось то, на что втайне надеялся каждый патриот. Они нашли тот «магнит», который объединил их. Увидев, каждый по отдельности, П.Г. Жуликова, потянулись к партийному руководителю. Насколько возможно конспирируясь, он назначал им встречи. Собирая сведения об ушедших в подполье коммунистах и комсомольцах, других патриотах, узнавал их местонахождение. И вскоре собрал большую группу единомышленников из числа рабочих, служащих станции и депо Брест-Центральный. А в июле связался с патриотами, действовавшими на станции Брест-Полесский, которых возглавляли Михаил Михайлович Жигимонт — бывший начальник 6-й железнодорожной дистанции пути, Батырбек Созыркоевич Дзабиев — его заместитель и секретарь первичной партийной организации станции Брест-Полесский.

Железнодорожники свое первое собрание провели во второй половине июля 1941 г. в подвале одного из домов на площади Свободы, где жил П.Г. Жуликов. Тогда же и была в основном разработана тактика борьбы в тылу врага. Поскольку Петр Георгиевич по партийному статусу на тот момент был выше других, он и взял руководство подпольем на себя.

Но уже в начале июля 1941 г. вокруг бывшего инструктора Брестского ГК КП(б)Б Розы Степановны Радкевич сплотилась группа женщин. В ее состав входили А.И. Хромова, З.И. Южная, А.М. Бабушкина, Н.А. Комолова, а также другие «восточницы».

Женщины тайно организовали прослушивание Московского радио на квартире связиста В. Иванова, где проживала семья Т.Н. Смирновой, помощника секретаря Брестского ГК КП(б)Б. Все сведения поступали на квартиры З.И. Южной, заместителя заведующей по кадрам Брестского ОК КП(б)Б, А.И. Хромовой, Р.С. Радкевич, а от них — через актив знакомым, которые передавали новости из уст в уста. Женщины также внимательно изучали положение дел в городе, расстановку вражеских сил. В группу Р.С. Радкевич входили и беспартийные патриотки.

Необходимо было знать, как обстоят дела с партийными документами, не попали ли они в руки врага. С этой целью Р.С. Радкевич и Т.Н. Смирнова под предлогом устройства на работу несколько раз посетили здания обкома и горкома партии, где фашисты разместили свои госпитали. В конце июля женщины установили, что сейф сектора учета горкома партии вскрыт врагом, документы изъяты. Это их насторожило: фашисты располагали фамилиями и адресами коммунистов города. В период паспортизации населения, которую проводила фашистская администрация, многим коммунистам, советскому активу подпольщики постарались изменить фамилии и адреса.

Одной из крупных акций подполья была деятельность по приобретению новых документов, в том числе и паспортов, для советского и партийного актива, представителей еврейской национальности.

В этих документах изменяли фамилии, род занятий, место жительства до войны.

На каждого получившего документы должны были свидетельствовать по два человека о его лояльности относительно новой власти, что он не коммунист и не комсомолец. При этом необходимо было представлять свои личные документы с указанием местожительства, расписываться в книге учета выдачи паспортов. Свидетели рисковали своей жизнью и жизнью родных.

Большинство подпольщиков поменяли свои фамилии. В их документах указывалось, что прибыли они в Брест после 1940 г., а не в 1939-м, так как всех прибывших вслед за Красной Армией после 17 сентября 1939 г. фашисты расстреливали.

Девичьи фамилии взяли А.М. Бабушкина — Хоненко, Т.Н. Смирнова — Пономарева. Т.С. Радкевич предъявила паспорт своей матери и стала Милькаманович Татьяной. На основании показаний А.М. Бабушкиной и Р.С. Радкевич получила паспорт жена генерал-майора, командира 28-го стрелкового корпуса Мария Давыдовна Попова, изменив отчество на Даниловну, подпольщица А.Ц. Аронина стала полькой Вероникой Францевной Трацевской, а Мария Семеновна Гамбург — белорусской Ольгой Сименковой.

Р.С. Радкевич и Т.Н. Смирнова приняли решение из города не уходить. Они понимали, что нужно собирать силы, создать организацию, которая возглавит борьбу с врагом, что это единственное правильное решение в обстановке оккупационного режима. Выполнив эту задачу, можно было приступить к следующим.

Но для этого нужна была связь с партийным подпольем. Возникло решение добраться до Минска и там связаться с руководящим подпольным центром, который, по их убеждению, должен находиться в столице. Рискуя жизнью, 15 июля 1941 г. туда и отправились Р.С. Радкевич и А.И. Хромова.

Добирались женщины в Минск долго, где пешком, а где на сцеплениях товарных вагонов. Целую неделю пробыли в столице, но попытка связаться с подпольным центром не увенчалась успехом. Вернулись в Брест. Здесь их встретили радостным известием: на руках у отдельных патриотов оказались листовки, призывавшие к сплочению сил советских людей в борьбе с оккупантами. Одну из таких листовок подпольщица Елизавета Васильевна Крашенинникова принесла Т.Н. Смирновой. Татьяна Николаевна поделилась этой новостью с Р.С. Радкевич (листочки из рук в руки распространяли подпольщики П.Г. Жуликова).

Листовки подсказали, что в городе действуют и другие патриоты. Вскоре была налажена связь с группой коммунистов, действовавших на железнодорожном транспорте. На площади во время прослушивания «военных сводок» Т.Н. Смирнова «случайно» встретила с П.Г. Жуликовым. Петр Георгиевич узнал бывшего помощника секретаря горкома партии, но в целях безопасности назначил встречу на завтра. Следующим утром на площадь пошла Р.С. Радкевич.

К коммунистам-железнодорожникам примкнула большая группа женщин, которую возглавляла Р.С. Радкевич. И 15 августа 1941 г. на квартире Р.С. Радкевич и А.М. Бабушкиной по ул. Буденного, д. 12 (ныне 8), было проведено первое общегородское организационное собрание*. Для руководства подпольной городской партийной организацией утвердили бюро в составе П.Г. Жуликова, М.М. Жигимонта, Б.С. Дзэбиева, Р.С. Радкевич, А.Н. Самыченко, С.Н. Аношина, З.И. Южной. Секретарями подпольной городской партийной организации были избраны П.Г. Жуликов и Р.С. Радкевич, инструкторами утверждены Т.Н. Смирнова, А.М. Бабушкина, А.И. Хромова, А.А. Свитцов, пропагандистами — А.Ц. Аронина и Н.А. Комолова.

В августе — сентябре 1941 г. подпольный горком партии направил все усилия на организационно-политическое сплочение патриотов города, вовлекая советско-партийный актив и беспартийных рядовых патриотов в подпольную антифашистскую борьбу.

К ноябрю 1941 г. число уценных коммунистов в городе составило 125 человек. С помощью инструкторов подпольного горкома партии в городе было создано 10 подпольных первичных партийных организаций и партийных центров, которые вели работу по «пятеркам» и «тройкам».

Городская подпольная организация была построена по административно-территориальному принципу, со строгой централизацией и конспирацией. Территория города была разделена на отдельные участки. Каждый

* На доме № 8 по ул. Буденного 29 сентября 2006 г. установлена мемориальная доска в память о начале деятельности Брестского подпольного горкома КП(б)Б.

участок возглавлял член подпольного горкома партии или активист, работавший или проживавший в данном регионе.

Одновременно под руководством П.Г. Жуликова и Р.С. Радкевич и других коммунистов создали городскую подпольную комсомольскую организацию.

Активно включились в антифашистское движение практически все жены командиров Красной Армии, их дети старшего школьного возраста.

А.М. Бабушкиной было поручено систематически принимать сводки Совинформбюро и передавать их членам горкома партии для распространения среди населения города.

С августа 1941 г. под руководством В.Я. Мельникова действовала первичная партийная организация на ул. Белостокской. Инициатором ее создания был подпольный горком партии. На связь с Мельниковым вышла Н.А. Комолова, которая жила недалеко от Василия Яковлевича и знала его как бывшего секретаря первичной партийной организации облпотребсоюза. В октябре в состав первичной партийной организации вошла Мария Степановна Ильичева (Бородич). 22 июня она отправляла ценные документы в Минск, сопровождала автомашину.

Группе, в которую входила Мария Степановна Ильичева (Бородич), было поручено собирать оружие и боеприпасы, которые хранили в подвале квартиры, в тайнике во дворе. Находки передавали Н.А. Комоловой и З.И. Южной, а те — Ф.Г. Тронкиной и жене командира М.И. Прошиной, а те уносили к партизанам.

В деревнях тоже приобретали оружие. Ходила за ним М.С. Ильичева (Бородич) к сапожнику Александру Багнюку, который собирал советские деньги, облигации среди населения.

Н.А. Комолова и М.С. Ильичева (Бородич) получали задания непосредственно от В.Я. Мельникова, который учил подпольщиц соблюдению конспирации, просил замечать все вокруг, в том числе и настроение противника. Всегда их подбадривал: «Не теряйте мечту о свободе, если враг и под Москвой. Это его временный успех». Два месяца по заданию В.Я. Мельникова работала Мария Степановна на немецкой почте по ул. Московской. Там «заработала» справку с места работы, которая спасла ее от угона в Германию.

С добрыми вестями ходила Ильичева к знакомым патриотам города и в деревни Брестского и Жабинковского районов (Малые Задворцы, Бусни, Мотыкалы, Сухаревичи, Федьки, Радваничи) и даже в Пинский район под видом приобретения продуктов. По решению подполья 2 августа 1943 г. она ушла в партизанский отряд имени Чернака. Там воевала до апреля 1944 г.

В партизанском отряде имени Чернака воевали также Галина Попова, жена работника штаба 6-й стрелковой дивизии (муж погиб на границе), Анна Андреевна Бутина, жена полкового комиссара, начальника политпропаганды 6-й стрелковой дивизии (Михаил Николаевич погиб на фронте, а двое ее детей находились в крестьянских семьях), Полина Тимофеевна

Матвеева, жена командира 333-го стрелкового полка. С конца 1942 г. и до освобождения Брестчины от фашистов в отряде медицинской сестрой служила Анна Андреевна Львова (Слукина).

В этом же партизанском отряде с мая 1943 г. была связной бывшая подпольщица города Ефросинья Титовна Ануфриева, жена младшего лейтенанта С.В. Ануфриева. Она прибыла в отряд с тремя детьми: Феликсом, Екатериной и Майей. В октябре 1943 г. ее перевели в партизанский отряд имени Щорса Брестского партизанского соединения, где она также работала связной до февраля 1944 г. В этом отряде с июля 1943 г. воевала и Мария Григорьевна Перевозчикова, жена старшины 44-го стрелкового полка В.И. Перевозчикова.

Первичную партийную организацию в центре города с августа 1941 г. до апреля 1942 г. возглавляла А.И. Хромова. Инициатором ее создания была Р.С. Радкевич. На первом учредительном собрании присутствовало 6 человек, в том числе жены военнослужащих А.И. Хромова, Е.И. Усанова и М.И. Прошина. Оно проходило на явочной квартире по ул. Советской. Перед коммунистами Роза Степановна поставила конкретные задачи: «Будем, товарищи, делать все, что в наших силах. Я знаю, что у большинства из вас есть дети, но долг коммуниста обязывает вести борьбу с врагом. Надо привлекать к работе других коммунистов, проживающих в центре города, создавать антифашистские группы, вести политическую работу среди населения, разоблачать лживость фашистской пропаганды. Мы победим врага, хотя Красная Армия временно отступает, но она набирает силы, обескровливает фашистов, а для ускорения Победы мы должны проводить у врага в тылу подрывную работу. Нам надо приобретать патроны, оружие, медикаменты для создающихся партизанских отрядов, собирать у населения деньги и облигации в фонд обороны страны, помогать нуждающимся женщинам с маленькими детьми. Задачи ясны? А теперь расходитесь по одной». Пока шло собрание, Тамара Андреевна Фурсова с сыном Женей, дошкольником, наблюдала за домом.

Вскоре партийная организация выросла еще на три человека за счет мужчин, бывших советских работников. Несколько позже при партийной организации стала действовать комсомольская организация, а с апреля 1942 г. — антифашистская группа. Подпольщики находили медикаменты, боеприпасы, распространяли сводки Совинформбюро. Но им хотелось выполнять более серьезные поручения. За советом А.И. Хромова обратилась к Р.С. Радкевич, которая предложила вместе пойти к П.Г. Жуликову. Выслушав женщин, Петр Георгиевич сказал: «Не спешите. Нам жертв не надо. Сейчас мы расставляем своих людей на железной дороге, в железнодорожных мастерских, депо. Кое-кого послали работать в немецкие учреждения. Организовали помощь женщинам с детьми. Знаем о событиях на фронте и в советском тылу, рассказываем народу правду. Собираем медикаменты, патроны, оружие, создаем комсомольские группы, спасаем военнопленных. Это уже большая работа. Совершать диверсии мы еще не мо-

жем, нет взрывчатки, оружия. Все это надо приобретать». Его разъяснение удовлетворило А.И. Хромову. И она рассказала П.Г. Жуликову о встрече 25 июля с начальником политотдела 62-го Брестского укрепленного района И.Г. Чепыженко*.

А.И. Хромова вспоминала: «Когда мы с Р.С. Радкевич возвратились в Брест из Минска, я узнала, что в Южном городке находятся советские пленные и среди них имеются военные из 62-го Брестского УРа. Тогда еще разрешалось навещать пленных и передавать им продукты. Я напекла лепешек, раздобыла махорки, жены командиров — Софья Ивановна Фадеева и Софья Александровна Дмитриева наварили картошки. Сделали три пакета и пошли к лагерю военнопленных.

У нас была надежда узнать что-либо о наших мужьях и помочь пленным. По дороге к лагерю шли женщины с детьми и старики, каждый нес узелок с хлебом и картошкой. «Говорят, если кто найдет среди пленных родственника, то немцы разрешат его забрать домой под расписку. Может, и я найду своего мужа», — сказала С. Фадеева. Мы с С. Дмитриевой промолчали, так как думали о том же, точно Фадеева подслушала наши мысли. «Говорят, в лагере комиссар 62-го Брестского укрепрайона. Вот если бы его увидеть», — снова заговорила С. Фадеева. Она нервничала. Нервничали и мы.

Южный городок был обнесен высокой колючей проволокой. На каждом углу часовые с пулеметами. У ворот немцы с автоматами. За проволокой разрушенные казармы. По лагерю, как тени, бродили пленные. Некоторые из них подошли к проволоке и рассматривали собравшихся, среди которых почти все были женщины. Многие приехали из деревень, всем хотелось найти своих близких и забрать их из плена. На площадке перед лагерем стояли два длинных стола, сколоченных из досок. Вскоре вышел переводчик и объявил: «Сейчас командование лагеря вынесет списки пленных, и я их зачитаю. У кого найдется среди пленных родственник, примем передачу».

Женщины столпились вокруг переводчика. Через несколько минут командант лагеря вынес списки. Переводчик начал выкрикивать фамилии.

Мы с С. Фадеевой в это время подошли к проволоке, прижавшись к которой стояло несколько пленных. «Скажите, нет ли среди вас кого-нибудь из 62-го Брестского укрепрайона», — спросила я. «Есть», — ответил один пленный. Мы попросили позвать его.

Пленный пошел к казармам, и вскоре к проволоке подошел начальник политотдела 62-го Брестского укрепленного района И.Г. Чепыженко. Он был выше среднего роста, острижен под машинку, сильно истощен, одет в рваную солдатскую гимнастерку, на ногах — какие-то опорки.

* Полковой комиссар Иван Георгиевич Чепыженко (1898—1941) прибыл в штаб 62-го Брестского укрепрайона за полгода до начала войны. В первый день боя получил 14 ранений, потерял сознание. Кто-то из отступавших бойцов не захотел, чтобы немцы надругались над телом комиссара и снял с него гимнастерку с документами. Очнулся Иван Георгиевич в лагере для военнопленных в Бресте, в Южном городке.

Он молча нас рассматривал. Боясь, что немцы нас прогонят, мы на перебой начали его расспрашивать.

— Как вы попали в плен?

— За несколько часов до начала войны в Минск отправили автомашину с документами, а сами заняли оборону. Силы у нас в укрепрайоне были небольшие. После ожесточенного боя фашисты прорвали нашу оборону. Мы стали отходить. В этом бою я был тяжело ранен. Меня подобрала немцы в бессознательном состоянии и поместили в госпиталь для пленных.

— Что вы знаете о наших мужьях?

— Ничего не знаю. Думаю, что они тоже попали в плен. Но их здесь нет, наверное увезли дальше, в Германию. Туда увозили всех, кто не был ранен.

— Здесь, в лагере, есть еще кто-либо из УРа?

— Нет никого. Я один.

— Вы не боитесь? Ведь немцы могут узнать, что вы комиссар?

— Пока они не знают, но могут узнать, тогда меня расстреляют. Раны поджили, продумываю, как отсюда выбраться.

— Мы вам принесли передачу, завтра еще придем.

— Хорошо. Спасибо. Но если меня не будет у проволоки, не ищите и ни у кого не спрашивайте. Значит, меня не будет в лагере.

Больше говорить не пришлось, так как нас прогнали от проволоки. Открыли ворота лагеря, из них вышли два пленных с плащ-палаткой, на которую клали передачи. Немецкий офицер их просматривал, куски хлеба ломал. Переводчик спрашивал, кому. Называли фамилии, услышанные в списке, и говорили, что это муж или брат, или сын. Плащ-палатку с продуктами пленные уносили в бараки. Что с ними делали и раздавали ли их пленным, мы не знали.

Несколько дней подряд мы приходили с передачей, но Чепыженко у проволоки не было. Лагерь пополнялся новыми пленными, некоторых вывезли из лагеря. Один пленный сказал:

— Вчера несколько человек умерли с голоду, а троих, фамилии не знаю, немцы избили до полусмерти, а потом расстреляли. Вот там в углу, около проволоки, видите холмик, — он показал рукой, — их похоронили.

Из вновь привезенных многие были ранены. Повязки на них грязные и в засохшей крови. Лица серые, обросшие.

Немцы часто в ход пускали дубинки. Пленных практически не кормили. Вся еда — это то, что приносил народ. Но этих передач всем не хватало. Люди умирали от голода и болезней. Вскоре посещение пленных было запрещено.

В лагере многие знали И.Г.Чепыженко, да и он не прятался. Его не выдали. Как только он смог двигаться после ранений, стал готовиться к побегу. Однако нелегко убежать из лагеря, огражденного колючей проволокой, с патрулями и пулеметными вышками на каждом углу. Помогла находчивость.

В конце августа стало известно патриотам, что в июле 1941 г. темным вечером небольшая группа пленных незаметно, один за другим спустились в канализационный люк. Задыхаясь от зловония, сотни метров проползли они по коллектору, выходящему в сторону реки Мухавец.

Через несколько дней партизаны группы лейтенанта Сергея Сергеевича Шиканова задержали в лесу пять человек, бородатых и изможденных. Это были старшие командиры Красной Армии, которых вел И.Г. Чепыженко. Партизаны их приютили, вооружили. Они прожили две недели на хуторе Малые Радваничи у антифашиста Брестского района Трофима Черевко, отдохнули и набрались сил.

И.Г. Чепыженко считал, что им надо быть на фронте. Поэтому решил провести разведку с выяснением обстановки, но в деревне Старое Село его арестовали. Партизаны вместе с Николаем Алексеевичем Асташкевичем бросились на выручку полкового комиссара и освободили»*.

П.Г. Жуликов все более убеждался, что следует активизировать работу по спасению военнопленных, используя различные способы. И он попросил партийную организацию, которую возглавляла А.И. Хромова, заниматься и спасением военнопленных. И почти весь период фашистской оккупации ряд групп подпольщиков различными путями добивались спасения военнопленных из лагерей, выводили их в партизаны. К этой работе А.И. Хромова привлекла жен военнослужащих: С.А. Дмитриеву, А.М. Пименову, П.Т. Матвееву, которые не только подбирали актив из комсомольцев, детей-подростков для сбора продуктов, одежды для военнопленных, но и устанавливали, кого можно извлечь от плена или выкупить.

А.И. Хромова со своими патриотами выполняла еще очень важную задачу: сохранение жизни советских людей, на которых фашисты в первую очередь обрушили террор. Надо было спасать и беззащитных детей, женщин, стариков от холода, голода, поддерживать их морально, помочь обрести уверенность в завтрашнем дне.

«Пятерке» Е.Т. Сименковой**, входившей в партийную организацию Хромовой, поручили устанавливать связи с крестьянами, которые помогали продуктами питания, давали работу женщинам и подросткам. Патриотки спасали еврейские семьи, подыскивали квартиры тем, кого фашисты выбросили на улицу, подсажали к тем семьям, которые уже нашли жилье. В 1941—1942 гг. «восточники» жили по две-три семьи и более в одной квартире.

Коммунисты и антифашисты устраивали людей на работу в магазины, на железную дорогу, в немецкие офицерские и солдатские общежития, столовые, на почту, в автомастерские, на стройку, учили условиям конспирации.

* И.Г. Чепыженко в середине ноября 1941 г. с группой сопровождения направился на Восток. У д. Новая Мышь, что около г. Барановичи, группа нарвалась на засаду и погибла.

** Екатерина Титовна Сименкова, жена работника органов НКВД, расстрелянного фашистами в первый день войны.

Группа коммунистки Елизаветы Ивановны Усановой*, жены военнослужащего, помогла многим женщинам. В декабре 1941 г. она зарегистрировала себя и группу женщин на бирже труда. Елизавета Ивановна устроилась в бригаду разнорабочих частной строительной фирмы Чижевского. Туда же принимали работать по ее совету. Кроме того, Е.И. Усанова по поручению партийной организации обучала детей младшего школьного возраста по довоенной программе советской школы.

В первую военную зиму 1941—1942 гг. часть партизан укрывалась в городе у патриотов. Е.И. Усанова приобрела для них несколько справок через работника частной фирмы на случай облавы или других непредвиденных обстоятельств. Передавала справки А.И. Хромовой либо П.Г. Жуликову.

В новогоднюю ночь 1942 г. члены подпольного горкома партии собрались на квартире Р.С. Радкевич и А.М. Бабушкиной. Они слушали и записывали новогоднюю речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. С целью конспирации приобрели самогон, приготовили скромную закуску — картошку с кислой капустой. Как они ни старались, чтобы передача из Москвы не была слышна соседям с первого этажа, но не получилось. Утром полька Гандя зашла к ним и спросила: «Почему вы сегодня слушали передачу из Москвы и где взяли радиоприемник?» С трудом ее убедили, что играл патефон, а радиоприемника у них нет.

1 января 1942 г. речь М.И. Калинина размножили и разнесли антифашистам по городу как новогоднее поздравление. Читки провели в партийных, комсомольских и антифашистских группах. Лично А.И. Хромова и Е.И. Усанова провели их по ул. Московской, Интернациональной, Дзержинского и др.

Это имело очень важное значение. Все арсеналы геббельсовской пропаганды были направлены на оболванивание населения в оккупированных районах. Гнетуще действовали они на многих, особенно осенью и зимой 1941-го, когда фашисты были под Москвой. В Бресте, за тысячу километров от столицы, изо всех рупоров несло: «Красная Армия разбита», «Советская власть рухнула», «Москва вот-вот будет взята», «Сталин бежал из Москвы». И тут же выплескивались на людей бравурные марши. В этой обстановке подпольщики находили возможность слушать радиопередачи из Москвы, записывать новости и идти с листовками, с живым словом к людям, разоблачая вражескую пропаганду, поднимая настроение людям.

В январе 1942 г. А.М. Бабушкина и Р.С. Радкевич пошли в магистрат за получением хлебных карточек. В одной из комнат, где никого не было, увидели на столе бланки паспортов. Роза Степановна взяла пачку паспортов и быстро вышла из здания. Эти паспорта женщины отдали военнопленным, бежавшим из плена. В феврале 1942 г. жены командиров-пограничников во главе с Зоей Березкиной сумели освободить из плена пять человек. Одно-

* С августа 1941 до января 1944 г. Е.И. Усанова была одной из активных участниц подполья, с января 1944 г. — член бюро Брестского подпольного горкома партии.

му из них на квартире Р.С. Радкевич вручили пять паспортов. Четверо сумели уйти к партизанам, а получавший «документы» был задержан немцами. При допросе он выдал женщин и привел немцев на их квартиру. Когда у него спросили, кто ему дал паспорт, он посмотрел на А.М. Бабушкину, у которой на руках был плачущий ребенок, и показал на Р.С. Радкевич.

Р.С. Радкевич стали избивать и полураздетую увели в тюрьму.

К счастью, обыска в квартире не провели. А ведь на кухне под одеялом, стоял радиоприемник, засыпанный картофелем, на чердаке были медикаменты, в тайнике над дверью лежали подготовленные листовки и кое-какие документы подпольного горкома партии.

Анна Михайловна с подпольщицей А.Ц. Арониной перепрятала радиоприемник, а потом и совсем разобрали по частям и вынесли из дома. Р.С. Радкевич на пять суток выпустили из тюрьмы, так как от нее фашисты ничего не добились: она артистически сыграла роль малограмотной татарки (по национальности она была татарка), да и прямых улик не было.

Передачи из Москвы слушали и у жены командира Зои Березкиной, проживавшей по ул. Московской. Позже радиоприемник на саночках с дровами перевезли на ул. Советскую, где было безопаснее.

В феврале 1942 г. на одном из заседаний бюро горкома партии было принято решение о создании антифашистского комитета. Председателем комитета утвердили З.И. Южную, заместителем — А.М. Бабушкину.

Антифашистский комитет подбирал актив, создавал «тройки» и «пятёрки», направлял деятельность антифашистских групп. А.М. Бабушкина руководила деятельностью почти сорока женщин-подпольщиц. В городе были организованы десятки антифашистских групп (по 3—5 человек) с охватом около 400 человек. Елена Ивановна Литвинова направляла работу почти трех десятков «троек». Перед антифашистами ставились задачи: разваливать работу на предприятиях, выводить из строя оборудование, портить сырье, продукты питания, предназначенные для немцев, распространять среди населения листовки, газеты, сводки Совинформбюро, собирать оружие, боеприпасы, одежду, обувь, подбирать преданных людей в партизанские отряды, организовывать диверсии.

Антифашистские группы были созданы на станциях Брест-Центральный, Брест-Полесский. Их возглавляли П.Г. Голубева, К.А. Кострубенко, М.А. Жигимонт, а в центре города — Я.В. Косинская, Е.Т. Сименкова, М.Д. Попова, С.П. Слоцова, А.М. Сенокосова, И.П. Чиненова, А.К. Короткова.

Коммунисты и антифашисты приобретали медикаменты и перевязочные материалы — бинты, марлю, хлопчатобумажные ткани, одежду. Иногда приносили даже использованные бинты. Их по ночам стирали, кипятили, гладили и через М.И. Прошину и комсомолку Ф.Г. Тронкину передавали партизанам, с которыми у них была налажена связь. Помогала находить перевязочный материал и лекарства коммунист Ольга Катульская, жена советского командира. Она плохо передвигалась из-за обострения радикулита, но организовала актив женщин, который по ее заданию приобретал в аптеках и среди горожан лекарства и перевязочный материал.

В одной из «пятерок» активно работала Елена Федоровна Кузнецова, жена старшего лейтенанта 125-го стрелкового полка Б.В. Кузнецова. Ее дочь, Лата Борисовна, вспоминала: «Когда фашисты обнаружили в крепости склады с оружием, туда гоняли еврейское население под конвоем на работу для разборки стен, завалов, складов с оружием. Моя мать Елена Федоровна ходила вместе с ними в крепость на работу. Она много времени провела в крепости в поисках трупа отца, но все мертвые были уже присыпаны. Заходила она в свою квартиру. Кое-что достала из-под щебня, завалов: пару ложек, алюминиевую чашку, на конюшне — сбрую. Все это пригодилось. Сбрую обменяли в деревне на продукты. Бабушка после ранения поправилась, оставалась с двумя внучками дома, а по вечерам занималась стиркой белья для зажиточных семей. Это было некоторым подспорьем для семьи, а мать ходила в деревни, на хутора, устраивалась на временную работу к крестьянам.

Работая в крепости, мать связалась с подпольем. Женщинам поручалось разыскивать оружие и боеприпасы по казематам (делалось это под видом поиска дров). Складировали их и передавали подпольщикам. Эту работу возглавляла жена командира Людмила Бокерия. Мама была в ее группе».

Продолжала Е.Ф. Кузнецова работать с подпольщиками и в городе: разносила листовки, изучала размещение воинских фашистских подразделений. Смелая, решительная, отчаянная, она часто забывала, что подвергает риску себя, детей и мать. Однажды комнату по ул. Буденного, где они жили, обстреляли. К счастью, никто не погиб. Позже подпольщики переселили семью в партизанскую зону, в деревню Хмелево.

В Брестской крепости работали Татьяна Игнатъевна Аношкина (Багачихина), Анастасия Антоновна Никитина, Мария Ивановна Прошина. За работу женщины получали картофель. По инициативе Надежды Федорук в крепости устроили общественную столовую. Общение в столовой помогало объединению женщин, придавало силы. Женщины разбирали разрушенные здания, помогали грузить на машины кирпич, другой строительный материал. Среди работавших в крепости были шофер Явит Ягофаров, комсомолец Алексей Шихов, Борис Аношкин — сын батальонного комиссара Н.И. Аношкина.

Найденные патроны и другие боеприпасы женщины передавали Ягофарову, который вывозил их вместе с кирпичом, строительным лесом на свалку, тщательно маскируя. Дальше ценные находки М.И. Прошина вместе с другими женщинами уносила в лес.

Жены командиров Е.С. Костякова, Е. Лаврикова, Т.Д. Новикова и А.А. Никитина поселились на ул. Первомайской, Т.Е. Аношкина и Л. Бокерия — в районе ул. Набережной. Их квартиры были явочными. Постепенно А.А. Никитина и Е.С. Костякова вышли на связь с партизанами через А.И. Аршинова.

Прасковья Леонтьевна Ткачева, в прошлом медсестра госпиталя в Брестской крепости, была ранена. Ей помогли выйти из крепости. Ткачеву приютила семья Кравчуков — Ольга Ивановна и ее муж Клементий, жившие по ул. Республиканской. Они пригласили знакомого врача Климовича, который спас девушку от заражения крови. Хозяева, пожилые люди, сочувствовали «советкам» и страстно ненавидели фашистов. Кравчуки делились хлебом, картошкой с пленными, кормили в своем доме тех, кого выводили в город на хозяйственные работы. Одного из военнопленных, сумевшего уйти от врага, снабдили одеждой, вывели за город.

Другим военнопленным был Александр Федорович Милехин, которому подпольщики города помогли уйти в Старосельский партизанский отряд, где он был разведчиком и подрывником 1-й роты, командиром отделения. Он три раза выходил на связь к Ткачевой, расспрашивал о событиях в городе, давал ей поручения: узнать о вербовке молодежи в Германию, о расположении сборных пунктов в городе, кто из прислужников фашистов ведет агитацию среди молодежи. Александр Федорович советовал, как вести себя на сборном пункте, о чем говорить с молодежью, давал деньги на приобретение лекарств в аптеках города. Предупреждал, чтобы закупку лекарств она осуществляла в разных аптеках и не на все деньги одновременно. Он называл фамилии военнопленных, которых надо выкупить из лагеря, куда на первый случай пристроить этих людей. Прасковье Леонтьевне удалось выкупить с помощью стариков еще троих человек. Спасали и тех, кого пытались фашисты отправить в Германию. Милехин просил девушку оставаться в городе и помогать патриотам продуктами и одеждой.

П.Л. Ткачеву включили в списки для отправки в Германию. Выкупила ее семья, в которой она жила. А чтобы не угнали в Германию, девушка устроилась работать в подсобное хозяйство по уходу за свиньями. Находилось оно на ул. Каштановой. Руководили хозяйством чехи, которые с пониманием относились к работницам, разрешали иногда брать мясные отходы, догадываясь, что они брали их не только для себя. Однако открыться перед ними П.Л. Ткачева не могла: не имела на то разрешения антифашистской группы.

Подруга Прасковьи Леонтьевны Галина Глушкова являлась членом городской подполья. По ее поручению Ткачева собирала теплую одежду, продукты питания, медикаменты у людей, адреса которых ей сообщали. Помогала она антифашисткам Марии Литвиновской, Зинаиде Бородинской, Евдокии Пушкаревой. Последняя являлась медсестрой немецкого госпиталя, размещавшегося в железнодорожной больнице. По просьбе Евдокии Ткачева ходила собирать щавель на луг за деревню Волынка, а подпольщица в это время высматривала с помощью бинокля все, что было в поле ее зрения. Позже Прасковья Леонтьевна узнала, что Евдокия брала ее с собой для прикрытия.

С февраля 1942 г. по решению бюро подпольного горкома партии действовала военная «тройка» под руководством Г.Я. Ревы. Она готовила вы-

ход в лес патриотов с целью организации партизанской группы. А.И. Хромову в ней назначили секретарем партийной организации. Все работники горкома партии готовили людей к выходу в партизаны.

Военная «тройка» послала в лес разведку из числа комсомольцев, которые определили место базирования партизанской группы, где закопали имевшееся оружие и боеприпасы.

4 апреля 1942 г. в лес отправились 22 человека, сбор был назначен в 10 часов на опушке Старосельского леса около деревни Красный Двор. Они имели при себе 3 пистолета без патронов, 5 гранат и винтовку без затвора. Ждали группу из 40 человек, но до 12 часов ночи никто не пришел.

Патриоты ушли глубже в лес. Связи с городом не было, разведка с картой местности не явилась. В лесу прожили две недели. Александра Хромова и Федор Артихович были посланы в город, чтобы установить причины неявки группы. Оказалось, что желающих уйти в лес было больше. И среди них были непроверенные лица. Чтобы избежать предательства, выход отменили.

Оставшаяся в лесу группа патриотов была обстреляна немцами. Погиб комсомолец Борис Пикус. Остальные поодиночке вернулись в город.

На бюро подпольного горкома партии было решено свой партизанский отряд не создавать, а пополнять имеющиеся партизанские группы; приобретать оружие, боеприпасы и медикаменты; собираться небольшими группами или поодиночке и уходить в лес, продолжать отбор людей в партизаны, для чего постоянно и держать связь с группой М.Н. Чернака. Руководители подполья, по возможности, поменяли квартиры и явки. Для более эффективной работы во второй половине апреля 1942 г. руководство подполья решило легализовать некоторых коммунистов и комсомольцев, определив их на работу.

Г.Я. Рева получил должность учителя в украинской ремесленной школе. А.И. Хромову представили директору школы как жену Ревы. Комната, в которой поселились подпольщики, находилась в школе, куда каждый день приходили десятки молодых людей из деревни. Это было удобно для конспирации. Там скрывали людей от отправки в Германию. Установили в квартире приемник. Продолжали сбор медикаментов и оружия, одежды для военнопленных. Комсомольцы В. Нестеренко и Г. Меерович передали Реве пять винтовок, несколько пистолетов, гранат, патроны, продолжали вербовать патриотов в партизанские отряды. Рева сделал печать гебитскомиссара и магистрата для выдачи паспортов и справок бежавшим военнопленным. Бланки паспортов отдавали подпольщикам города.

За период с апреля по июнь 1942 г. партийная и комсомольская организации, а также антифашистская группа центра города с участием А.И. Хромовой отправили в лес 20 человек военнопленных, вооружили винтовками 10 человек, пистолетами — 7 и гранатами — 3 человека. Выдали справки и паспорта 11 военнопленным. Всех обеспечили гражданской одеждой.

Г.Я. Реве для служебного пользования в школе предоставили печатную машинку, на которой А.И. Хромова печатала листовки, передовые статьи из газеты «Правда», первомайский приказ И.В. Сталина, принятые по радио, а также другие материалы.

17 июня 1942 г. А.И. Хромова и Г.Я. Рева с двумя освобожденными военнопленными, взяв с собой оружие, боеприпасы и медикаменты, ушли в Беловежскую Пущу.

Секретарем первичной партийной организации центра города с апреля 1942 г. до января 1944 г. стала Екатерина Титовна Сименкова. Она направляла работу нескольких антифашистских групп, которые возглавляли жены командиров Е.И. Усанова, В.И. Кравцова, Е.И. Литвинова, В.Н. Морозова, И.П. Чиненова, М.И. Прошина.

Елена Ивановна Литвинова руководила антифашистской «пятеркой» по ул. Пушкинской. С ней были связаны жены военных Екатерина Николаевна Шалаева (Кравцова) и Зинаида Александровна Богатырева. Е.И. Литвинова организовала сбор оружия, боеприпасов и медикаментов. Связные, а иногда и сама, выносили все это из города и передавали партизанам. Вместе с Е.Н. Шалаевой (Кравцовой) она работала уборщицей в немецком общежитии. Однажды, придя на уборку, она увидела лежащие на тумбочке два пистолета и четыре гранаты. Очень велик был соблазн их забрать, но осторожность взяла верх. На другой день пистолеты и гранаты лежали на том же месте. Тут уж женщины, не раздумывая, положили гранаты в мусорное ведро и вынесли на свалку, прикрыли их мусором, а ведро принесли обратно. Потом отнесли гранаты в деревню Закий и передали подпольщикам.

С Е.И. Усановой активно работала Белла Моисеевна Вагенлейтнер — жена комиссара штаба ПВО Александра Александровича Вагенлейтнера. Елизавета Усанова знала комиссара: состояли на учете в одной партийной организации при горисполкоме, работали на избирательном участке по выборам кандидатов в депутаты в Верховный Совет БССР. А.А. Вагенлейтнер возглавлял коллектив агитаторов. Елизавета Ивановна дружила с его семьей.

В период фашистской оккупации Белла Моисеевна с детьми — сыном Альбертом и дочерью Неллей — остались в г. Бресте. Белла была еврейкой. Люди, проживавшие в одном доме с ними, знали об этом, но никто их не выдал.

Поляк Бруднох, бывший работник горисполкома, жил по соседству с Беллой Моисеевной. Работая квартирмейстером у немцев, он выдал ей справку, в которой значилось, что Белла — русская — Вера Матвеевна Бубнова, жена немца с Поволжья А.А. Вагенлейтнера. Эта справка служила ей «охранной грамотой» до трагического дня 14 февраля 1944 г., когда с дочерью Неллей она была расстреляна фашистами.

Б.М. Вагенлейтнер приобретала перевязочные материалы, медикаменты для партизан и военнопленных, помогала распространять сводки Совинформбюро. С июня 1943 г. от партизан подпольщики города почти регулярно

получали сводки Совинформбюро, иногда газеты, листовки — обращения к немецким солдатам. Эти материалы Б.М. Вагенлейтнер с сыном разбира-сывала в воинской части, которая размещалась недалеко от ее дома.

Из партизанского отряда имени Чернака через Лидию Панкевич Е.И. Уса-нова получила задание заполучить план г. Бреста. Ряд вариантов обдумы-вала подпольщица и решила достать план города в магистрате в отделе водопровода и канализации, где работал инженером поляк Тадеуш Шаф-ранский. Его она знала до войны. Решила рискнуть. Пришла утром к нему и попросила план. Он понимал, с кем имеет дело, и не отказал, вечером при-нес карту. Единственное, о чем он просил, в случае провала — укрыть его жену с маленьким ребенком. «Мне была понятна его тревога — незадолго до этого немцы расстреляли большую группу поляков в Бресте», — вспо-минала Е.И. Усанова. В январе 1944 г. ее отозвали в партизанский отряд имени Чернака. Однако ей приходилось посещать город с целью разведки минных полей. В этой работе ей помогал подпольщик В.С. Шендрук, мест-ный житель, имевший широкие связи с населением города и района. Он собрал ценные разведданные.

Елене Ивановне Литвиновой приходилось весь период оккупации вы-полнять различные задания, активно работать и в составе бюро подполь-ного горкома партии. Вместе с секретарем подпольного горкома партии Т.Н. Смирновой (сентябрь 1943 — февраль 1944 г.) ходила на связь с З.Ф. Поплавским — уполномоченным ЦК КП(б)Б по г. Бресту, выполняла зада-ния штаба Брестского партизанского соединения. В феврале 1944 г. Брест-ский подпольный обком партии утвердил ее уполномоченной по г. Бресту.

Одну из антифашистских групп в центре города с мая 1942 г. и до осво-бождения Брестчины от оккупантов возглавляла жена военврача Вера Ни-кифоровна Морозова. Она прибыла в Брест за 20 дней до начала войны. В первый же день фашистского нашествия ее мужа расстреляли. И хотя она мало кого знала в городе, сумела найти близких по духу людей. В январе 1942 г. ей поручили выходить раненого лейтенанта Красной Армии Василия Ивановича Шевкунова. 1 июля 1942 г. его вместе с другими спасенными во-еннопленными отправили в партизанский отряд. (Шевкунов погиб в бою с карателями.) Вера Никифоровна укрывала военнопленных, выводила в лес, собирала оружие и медикаменты, выходила на связь с партизанами, сель-скими патриотами. Ходила она по деревням с листовками. С помощью связ-ных передавала партизанам оружие.

Весной 1943 г. Вера Морозова ушла к партизанам. Но связь с подпольем города не прервала: 10—12 февраля 1944 г. приходила в город с заданием к В.И. Кравцовой.

Явочные квартиры были у жен военнослужащих Марии Давыдовны По-повой, Софьи Александровны Дмитриевой, Таисии Степановны Макеенко, Анастасии Михайловны Груздевой, Надежды Ивановны Ильиной.

В «пятерку» Софьи Александровны Дмитриевой входили жены совет-ских командиров: А. Пименова, Г. Попова, П. Матвеева, Ф.Рябченко, Е.Кузне-

цова. Они оказывали помощь военнопленным, распространяли сводки Совинформбюро, собирали медикаменты, одежду.

Членом одной из антифашистских групп партийной организации центра города с августа 1941 г. была Мария Давыдовна Попова. Она вела пропагандистскую работу среди знакомых, постоянно расширяя круг антифашистски настроенных граждан; распространяла сводки Совинформбюро, листовки. Приобретала медикаменты по рецептам, выписанным подпольщицей И.П. Чиненовой (по профессии фармацевт), собирала теплую одежду для передачи в Старосельский партизанский отряд.

В марте 1942 г. Мария Давыдовна вошла в состав Брестского городского антифашистского комитета, который возглавляла З.И. Южная. По поручению Т.Н. Смирновой собирала и носила передачи в тюрьму арестованным подпольщикам. Помогала военнопленным. Ее квартира была явочной для подпольщиков и партизанских связных. Там хранились «печати гебитскомиссара», бланки паспортов и различных справок для подпольщиков и спасенных военнопленных. В конце 1942 г. из-за угрозы ареста она с детьми ушла в партизанскую зону Антона Петровича Бринского («Дяди Пети») партизанской бригады Степана Павловича Каплуна. Там она была разведчицей.

В июне 1942 г. по заданию горкома партии А.М. Бабушкина с женой П.Г. Жуликова — Марией Алексеевной Жатьковой — были направлены в деревню Хмелево для передачи партизанам ценных сведений. Но их задержали полицейские и доставили в г.п. Жабинка, а потом в Брест. По пути туда они успели уничтожить написанные на папиросной бумаге разведданные.

В брестской тюрьме М.А. Жуликова и А.М. Бабушкина находились в камере, где были еще 20 женщин. Судьба многих была неизвестной, отдельных по ночам уводили в небытие. Подпольщицам повезло: из тюрьмы была освобождена Ядвига Козловская, которую они попросили связаться с Р.С. Радкевич и сообщить об их местонахождении. Получили их записку и посоветовавшись с П.Г. Жуликовым, Роза Степановна 19 июня 1942 г. пришла к начальству тюрьмы. С ней был сын А.М. Бабушкиной и теща Жуликова с тремя детьми. Роза Степановна сумела доказать «невиновность» подпольщиц. Их освободили после того, как избили и получили от них штраф 200 рублей.

Поскольку подполье становилось массовым, а его участники не владели достаточным опытом нелегальной работы, немцам с помощью агентуры удалось заслать в ряды подпольщиков своих агентов. 18 августа 1942 г. начались массовые аресты патриотов. Был арестован С. Филатов с женой Евдокией и матерью, Захаров с семьей, несколько жен командиров, в том числе Людмила Бокерия. Фашистские палачи учинили над ними зверскую расправу.

19 августа 1942 г. полицаи пришли домой к Р.С. Радкевич, чтобы ее арестовать. К счастью, она в это время отсутствовала. 20 августа к А.М. Бабушкиной пришел ее бывший хозяин Я.Я. Дребязгевич, который предупредил ее о предстоящем аресте и необходимости покинуть город. (он рабо-

тал у немцев инженером по связи). Сына Бабушкиной он предложил оставить с ним. Бабушкина, Аронина и дочь Радкевич — Мария — решали, куда уйти. Вдруг на квартиру ворвался полицейский и спросил, где Радкевич и Бабушкина. Анна Михайловна предъявила паспорт на девичью фамилию А.М. Ханенко и домовую книгу, где фамилии Радкевич и Бабушкиной не значились. Пока немцы наводили справки у соседей, женщины сумели уйти из квартиры, предупредив об этом мать З.И. Южной.

А.М. Бабушкина вспоминала: «Мне хотелось еще раз взглянуть на своего трехлетнего сына, так как отлично понимала, куда и на что иду. Но удержалась от этого непреодолимого материнского желания, ибо зайти в дом Дребязгевичей означало навести на след немцев, которые и без того следили за мной, да и поставить под удар хозяина дома и своего сына. Разве легко было матери оторвать от сердца самое дорогое, родное дитя! Я не думала о себе — мною владела одна мысль: как спасти сына. Тогда же я поняла, что любить свой народ, свой родной край не так-то просто, как это иногда кажется. Любить Родину — это значит быть готовой ко всем испытаниям. Любовь эта дается в жесткой борьбе. И во имя этой любви продолжала сражаться». А.М. Бабушкина и Р.С. Радкевич с дочерью Марией покинули город.

С августа 1941 г. до лета 1943 г. членом, а затем руководителем антифашистской «пятерки» была Ираида Петровна Чиненова (Токалова), жена работника органов НКВД.

Члены группы Чиненовой Мария Марковская и Александра Пыж ходили на розыски боеприпасов и оружия в Брестскую крепость. Женщины под одеждой выносили боеприпасы и передавали Чиненовой. Ираида Петровна распространяла листовки, газеты в деревнях Волынка, Пугачево. Ираида Петровна с декабря 1942 г. и до лета 1943 г. была связной партизанского отряда имени Чернака, а с лета 1943 г. находилась с дочерью в партизанском отряде до освобождения Брестчины от фашистов.

Брестскому подполью оказывала большую помощь Ольга Тихоновна Ковалева, жена военнослужащего. Плакующую Брестскую крепость она покинула с четырьмя детьми на руках. Страшно бедствуя, она никогда не теряла бодрости духа. Устроилась на работу грузчицей на вещевой склад. Вскоре там познакомилась с подпольщицами комсомолками В.Г. Ивановой и Я.А. Чернявской. Рискуя жизнью, помогала им вытаскивать из ящиков на складе медикаменты и бинты. Припрятав лекарства, обмотав тело бинтами или используя другие хитрости, подпольщицы шли через проходную, где в любой момент их мог обыскать вахтер-немец. Ольга Тихонова брала у подпольщиков сводки Совинформбюро, чтобы познакомить с ними людей, с которыми рядом работала и жила.

Более 100 женщин, в том числе и жены военнослужащих, работали на вещевом складе. Там сложилось несколько антифашистских «пятерок» и «троек», члены которых старались выносить со склада бинты, медикаменты и передавали их своему руководителю коммунисту А.М. Сенюковой. Все

они вели разъяснительную работу среди населения, рассказывали о положении на фронте.

Эмма Борисовна Голубева, жена старшего помощника начальника 1-го отделения штаба 17-го Краснознаменного партизанского отряда, возглавляла группу женщин на немецком складе теплых вещей, учила их, как незаметно приводить в негодность немецкое обмундирование: резать шинели, отрезать или надрезать рукава, снимать пуговицы. Эмма Борисовна разобрала по частям пулемет, найденный подпольщиками на месте боев, и в корзине с дровами вынесла из города партизанам.

С большим риском приобрели паспорт для ленинградской учительницы еврейки Сарры Фраймонтовны, жены военнослужащего Т. Чубука.

В инфекционном немецком госпитале по ул. Мицкевича (ныне старый корпус Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина) с января 1942 г. работали жены военнослужащих Екатерина Васильевна Павлишина и Мария Дмитриевна Лейко. Там же начала подпольную деятельность Анна Андреевна Львова.

Женщины мыли полы, разносили еду лежачим больным, были кухонными рабочими. Они добывали йод, спирт, бинты, таблетки невралгина, аспирина и другие лекарства. Женщины в качестве санитарок дежурили по ночам в госпитале, вращались среди медицинских сестер, помогали им, поэтому имели некоторый доступ к медикаментам. Убирали они и склад при госпитале. Все добытое передавали Е.В. Павлишиной, а она — коммунистам Р.А. Ракову или А.И. Нестеровой. Много лекарств проносила через проходную М.Д. Лейко.

В марте 1943 г. Е.В. Павлишина ушла в Старосельский партизанский отряд. Двоих сыновей, старшему из которых было 12 лет, она определила в деревню к патриотам. Воевала в отряде до июля 1944 г. (Вскоре после освобождения Бреста умерла от туберкулеза.)

П.Г. Жуликов через Р.А. Ракова поручил женщинам госпиталя выявлять оставшихся в городе жен командиров Северного городка и передавать им сведения о положении дел на фронтах и на Большой земле, собирать военную форму — фуфайки, ремни, звездочки, кобуру, фуражки, шапки, белье и передавать все Марии Жигимонт — руководителю антифашистской группы женщин на железнодорожном транспорте.

Подпольщицы создали в Северном городке актив из жен командиров, а затем «пятерки» и «тройки».

Антифашистскую группу в Северном городке с 1942 г. по июль 1944 г. возглавляла Раиса Семеновна Лукина, жена командира, служившего в 131-м артиллерийском полку 6-й стрелковой дивизии. Она была связной и разведчицей партизанского отряда имени Чернака. Раисе Семеновне помогала Анна Андреевна Кабанова, мужа которой, командира Красной Армии, расстреляли фашисты в Бяла-Подляске. Р.С. Лукина привлекла к антифашистской борьбе Марию Федоровну Новикову — жену командира 22 танковой дивизии, на руках у которой было четверо детей. Мария Федоровна

по заданию Раисы Семеновны Лукиной ходила по деревням (Пожежин, Высокое, Морозовичи, Огородники, Каменица Жировецкая, Пугачево, Вулька) обменивать вещи на продукты питания. Она относила крестьянам листовки, сводки Совинформбюро. Помогал ей крестьянин Тимофей Карунец. Выезжая в деревни на подводе, брал Марию с собой, знакомил с патриотами. Члены антифашистской группы помогли М.Ф. Новиковой с детьми найти жилье в районе Северного городка по ул. Мостовой. Старшие дети М.Ф. Новиковой были пастухами на хуторе Радваничи. Дочь Тамара Новикова (Безбородова) летом 1944 г. заметила, как фашисты минировали в лесу дороги. Увидев советских воинов, направившихся в сторону леса по опасной дороге, девочка неистово им кричала, махала руками, требуя остановиться, побежала им наперерез. Солдаты заметили светловолосую босоногую девочку, остановились. Возбужденная, запыхавшаяся от быстрого бега, Тамара рассказала советским солдатам, в каких местах заминирована дорога. Военные разминировали ее и сердечно поблагодарили юную патриотку, которая спасла не одну жизнь.

В антифашистскую «пятерку» немецкого госпиталя в центре города с августа 1941 г. до лета 1942 г. входили Зинаида Лафа, Вера Литвинова — жены командиров Красной Армии 22-й танковой дивизии. Обе были схвачены СД и замучены в брестской тюрьме.

Активно действовала антифашистская группа в немецком госпитале, который фашисты организовали в помещении железнодорожной больницы. В числе руководителей группы была Надежда Николаевна Титова, жена капитана. Родилась она в Ленинграде, по профессии учитель, в Брест прибыла с мужем и 7-летней дочерью. А в период оккупации работала в немецком госпитале. Она собрала много медикаментов, теплых вещей, перевязочных материалов для передачи партизанам.

В конце сентября 1943 г. СД провело аресты участников антифашистской группы госпиталя. Была арестована и Надежда Николаевна, подвергалась пыткам. В декабре 1943 г. ее расстреляли в брестской тюрьме. Ее дочь приютила патриотка Мария Трофимовна Яшина. После освобождения г. Бреста от гитлеровцев уехала с девочкой в Ленинград.

В партийной организации «Граевская» действовала антифашистская группа под руководством кандидата в члены ВКП(б), жены военнослужащего Елены Ивановны Соколовой. В ее группу входили Вера Григорьевна Михайлова — жена генерал-майора, Софья Александровна Дмитриева — жена старшего командира. Софья Александровна создала и возглавила «пятерку», куда вошли Александра Васильевна Жемолостнова и Анна Ивановна Редкозубова, жены военнослужащих из Брестской крепости. В годы фашистской оккупации они работали в Северном городке в столовой пересыльного пункта. Подполье им поручило внимательно изучать и запоминать группы фашистских войск, направлявшихся через этот пункт на Восточный фронт или возвращавшихся после боев для переформирования.

Вели они, как и большинство подпольщиков, агитационно–пропагандистскую работу среди населения. По заданию коммунистов–железнодорожников П.Н. Шишкунова и П.Н. Грачева собирали оружие и боеприпасы в Брестской крепости и доставляли их в партизанские отряды. Елена Ивановна Соколова работала в железнодорожном управлении. Там доставали нужные сведения для партизан. Женщины собирали данные о количестве боевых самолетов на немецком аэродроме в районе железнодорожной станции Брест–Северный. Осенью 1943 г. по их разведанным советская авиация бомбила места скопления фашистских войск в районе Брестского железнодорожного узла. Подпольщики неоднократно укрывали от преследований СД Е.И. Соколову. Однажды ее спрятали в немецком госпитале в отдельной палате и написали: «тиф». Фашисты побоялись туда заходить. За смелые вылазки и умение уйти от врага фашисты прозвали ее «подводная лодка». Была она и разведчицей партизанского отряда имени Чернака, а с 20 мая 1943 г. по июль 1944 г. входила в состав спецгруппы НКГБ БССР «Возрождение» партизанского отряда имени Котовского, затем — в партизанском отряде имени Суворова Пинского соединения.

Мария Ильинична Калиновская — жена старшего лейтенанта Н.П. Калиновского, помощника командира по снабжению 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии Н.П. Калиновского (погиб в июне 1941 г.) — в период фашистской оккупации тоже стала подпольщицей. Она устроилась на работу уборщицей к немке Крафт. Там познакомилась с работницей кухни. Через нее передавала винтовочные и другие патроны Борису Шевченко, связному партизанского отряда. Патроны ей приносила Аня Чернышова, которая брала их незаметно у фашистов в санпропускнике железнодорожного вокзала Брест–Центральный в момент прохождения санитарной обработки. Мария Ильинична также передавала продукты питания военнопленным. Она поддерживала связь с женой майора 125-го стрелкового полка А.Э. Дулькейт — Татьяной. Александр Эмильевич Дулькейт сумел прорваться с отрядом бойцов из Брестской крепости, принял неравный бой около Кобрина, был ранен и пленен, но знамя полка успел передать бойцам. А.Э. Дулькейт попал в лагерь для военнопленных в Южный городок. Решил войти в доверие к немцам: знал немецкий язык, предложил услуги переводчика. Фашисты доверились ему и разрешили встречи с женой Татьяной. Через нее А.Э. Дулькейт связался с партизанским отрядом, выполнял их задания, спасая военнопленных из лагеря. Эти люди приходили к его жене, служившей в магистрате, за получением паспортов и уходили в партизаны.

Летом 1942 г. фашисты вышли на эту связь. Жену майора Татьяну Дулькейт вместе с 15-летним сыном Юрой и женами командиров 125-го стрелкового полка Помисской и Рубцовой заключили в брестскую тюрьму.

Мария Ильинична Калиновская носила им передачи. Однажды к решетке подошла только О.Г. Помисская и крикнула: «Сегодня, в 5 часов утра, их вывезли в форты!» Это значило, что ни Татьяны Дулькейт с сыном, ни Руб-

цовой* в живых нет. Майор А.Э. Дулькейт был отправлен в Нюрнбергский концлагерь, где в апреле 1945 г. умер от туберкулеза.

Матрена Прокофьевна Акимочкина, вдова лейтенанта, в ноябре 1942 г. после расстрела ее семьи нацистами устроилась на работу в казарму военнопленных, которая располагалась недалеко от Северных ворот Брестской крепости. Она помогала военнопленным.

Полина Тимофеевна Матвеева, жена командира 333-го стрелкового полка, до января 1943 г. работала уборщицей в немецком общежитии. Сумела там приобрести автомат, диски к нему, пистолет, патроны и с этими трофеями ушла с сыновьями в партизанский отряд имени Чернака.

Вера Васильевна Горбачева, жена начальника химической службы 17-го Краснознаменного пограничного отряда младшего лейтенанта В.М. Горбачева, включилась в антифашистское сопротивление с первых месяцев войны. Она входила в «пятерку» Я.А. Кохановского. Вместе с Павлом Васильевичем Тарасовым работала на сборных пунктах, куда немцы свозили население города для отправки в Германию. Подпольщики изучали механизмы вербовки молодежи фашистами, продумывали способы их освобождения из товарных вагонов в процессе движения поездов, узнавали места остановок, укрывали бежавших в лесах, деревнях, на явочных квартирах. Кроме этого Вера Васильевна доставала справки для отправляемых на неметчину. Эта группа спасла не один десяток людей от угона на каторжные работы в Германию. Веру Васильевну по доносу предателей арестовали в феврале 1944 г. и вывезли с 6-летним сыном Владимиром в Германию, где они были сожжены в крематории концлагеря Ровенсбрюк.

Включились в партийно-комсомольское подполье жены командиров Красной Армии 22-й танковой дивизии О.Н. Ларина (Шурыгина) и Ю.И. Илларионова. Ольгу Николаевну Ларину до середины июля 1941 г. советские патриоты укрывали в городе, а затем нашли надежных людей на хуторе около деревни Заболотье. Это была семья Стельмашуков — Евдокия Касьянова, ее муж Николай и брат Филипп Василюк. Они ей помогли связаться с районным антифашистским подпольем через связного партизан Владимира Стельмашука, которому она призналась, что коммунистка, жена командира и хочет включиться в борьбу с фашистами. От него получила задание: узнать, слушают ли радио из Москвы кто-нибудь из жителей города. Ольга направилась к Елене Карначик, которую знала до войны по совместной работе в военторге, которой доверяла, и рассказала о связных партизан и их просьбе.

Коммунистка, жена военнослужащего Е.П. Карначик уже была членом подпольного горкома партии и помогла выполнить просьбу связного партизан, а также подключила Ольгу Николаевну к деятельности городского подполья. Елена Павловна Карначик дала Ольге Николаевне несколько экземпляров сводок Совинформбюро. Затем последовали более трудные и

* Имя и отчество Рубцовой не установлены.

рискованные поручения Старосельского партизанского отряда (в будущем имени Чернака).

Вместе с Дарьей Ивановной Овсянниковой, женой командира 22-й танковой дивизии, Ольга Николаевна Ларина (Шурыгина) доставляла партизанам оружие и патроны, разносила сводки Совинформбюро, которые брала у Е.П. Карначик, среди доверенных лиц в городе и деревнях, выводила с партизаном Николаем Шаповаловым в леса бежавших из фашистского плена красноармейцев.

Ольга Николаевна Ларина (Шурыгина) и Д.И. Овсянникова ушли в партизанский отряд, так как их в городе увидел и опознал бывший кочегар Южного городка, ставший полицейским.

Юлия Ивановна Илларионова с двумя детьми — 15-летней Валею и 11-летним Володей — некоторое время жила в Каменице Бискупской, затем патриоты отправили семью в г. Брест. Через товарищев по совместной общественной работе в довоенное время Юлия Ивановна вошла в группу Кондратия Георгиевича Сушкова, а через него связалась с Алексеем Георгиевичем Серафимовичем, возглавлявшим подпольный партийный центр в городе. Ю.И. Илларионова собирала среди населения продукты питания, одежду, обувь, приобретала медикаменты, перевязочный материал и передавала через О.Н. Ларину (Шурыгину), Д.И. Овсянникову и К.Г. Сушкова партизанам. У нее на квартире по ул. Интернациональной некоторое время жила Елена Павловна Карначик. В апреле 1943 г. СД дозналось, что Е.П. Карначик еврейка, ее арестовали и расстреляли. После гибели Е.П. Карначик Юлия Ивановна прятала ее шестилетнюю дочь Лизу.

В октябре 1943 г. Юлию Ивановну арестовали. СД решило выпустить ее, чтобы организовать слежку. С большим трудом ей удалось уйти в партизанский отряд имени Щорса с детьми и Лизой Карначик. Там она работала медсестрой, позже ее перевели в отряд имени Суворова бригады «Советская Белоруссия» Брестского партизанского соединения. Лизу Карначик отправили на Большую землю.

В городское подполье с помощью Е.П. Карначик в августе 1941 г. включилась и В.И. Кравцова. До гибели Елены Павловны она работала под ее руководством.

Антифашистская деятельность Варвары Иосифовны Кравцовой, жены военфельдшера 218-го отдельного дивизиона противовоздушной обороны, практически началась на второй день войны и закончилась 28 июля 1944 г.

23 июня в подвал дома по ул. Стахановской, где прятались женщины и дети, настойчиво постучался хирург областной больницы С.Т. Ильин. Он попросил женщин помочь раненым красноармейцам и гражданским лицам, которые попали в больницу, очистить здание от разбитых стекол, убрать завалы и щебень из помещений и палат, обеспечить больных, операционную и перевязочную питьевой водой, собрать гражданскую одежду для военнослужащих, вынести сотни трупов из здания.

Женщины, несмотря на опасность, включились в работу. Все требования врача выполняли беспрекословно. Недалеко от больницы, по ул. Стахановской, соорудили морг. Много людей приходило для опознания родных и близких, но мало кто находил своих. Это были в основном воины Красной Армии. Здесь их и хоронили.

Затем В.И. Кравцову с дочерьми Верой и Надей переселили на ул. Коммунистическую. Там ее и разыскала Е.П. Карначик, с которой Варвара Иосифовна работала до войны в военторге. Она узнала, что мужа Елены Павловны расстреляли. Теперь они с дочерью скрываются, так как еврейки. Елена Павловна рассказала также и о том, что в городе создается подполье. В ее группе уже 7 женщин, и она поддерживает связь с Е.Т. Сименковой и П.Г. Жуликовым.

Позже В.И. Кравцова познакомилась и с другими руководителями подполья, выполняла все их поручения: собирала белье, гражданскую одежду, в том числе и теплые вещи, а также медикаменты и облигации.

Варвара Иосифовна передала в партизанский отряд имени Чернака четыре литра чистого спирта, два шприца, один литр йода, бинты, которые приобретали за собранные деньги у поляка Гречека Лелека, имевшего свою лавку по ул. Ленина. Она по заданию подполья собрала среди женщин-антифашисток 5,5 тысячи рублей, которые передала О.Н. Лариной (Шурыгиной). Эти деньги вошли в общую сумму собранных советских денег и облигаций для передачи в штаб Брестского партизанского соединения. Помогала и старшей дочери Вере в организации вывода спасенных военнопленных из города.

Весной 1944 г. по заданию Е.Т. Сименковой вместе с младшей дочерью Надеждой изучала, записывала или запоминала, какие немецкие штабы и воинские части находились в городе, их расположение.

Членами антифашистской группы Марии Акимовны Жигимонт являлись жены сотрудников Управления Народного Комиссариата внутренних дел (УНКВД): Зинаида Гутарева и Мария Алексеевна Бокова.

Руководителем антифашистской «пятерки» на яйцебазе была жена командира 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД капитана Костицына — Галина Артемьевна. Она участвовала в диверсиях, с конца 1943 г. находилась в штабе Брестского партизанского соединения, курировала Дивинскую партизанскую зону, работала в спецчасти.

Вера Разумова, жена работника органов НКВД, в период фашистской оккупации работала в одной из воинских частей по ул. К. Маркса и состояла в «пятерке» А.П. Ковришко, передавала разведданные, приобретала медикаменты в немецкой фирме «Цугвах». Ей помогала сестра Софья Разумова, тоже входившая в «пятерку» А.П. Ковришко. Сестры Разумовы Вера и Софья были арестованы в феврале 1944 г., расстреляны — Вера с двумя дочерьми, Софья с сыном.

Зинаида Михайловна Сидорова, жена лейтенанта авиации, входила в антифашистскую группу, имевшую связи с партизанами. Она работала в одной из немецких столовых на железнодорожной станции Брест-Цент-

ральный. Эта группа собирала боеприпасы — патроны, гранаты, относила их в деревню Хмелево, в городе имела явочные квартиры, вела разведку на железной дороге. В июне 1944 г. за связь с партизанами З.М. Сидорова была расстреляна фашистами вместе с тремя детьми.

О судьбе жены старшего лейтенанта В.М. Михайлова, Клавдии Семеновны, в послевоенное время рассказала ее подруга Мария Владимировна Зимина, жена капитана С.М. Гриненко.

После захвата гитлеровцами г. Бреста Мария Владимировна с дочерью Аллой и Клавдией Семеновной Михайловой с детьми, пятнадцатилетней Нелли и двенадцатилетним Геннадием, жили в дотах около аэродрома в районе Северного городка. Там находились и другие семьи комсостава Красной Армии. Клавдия Семеновна работала по найму у крестьян. Вскоре установила связь с Брестским городским подпольем. Ей поручили собирать сведения о противнике в городе и приобретать медикаменты.

После того как все семьи военнослужащих были изгнаны из жалкого жилья, К.С. Михайлова с детьми перешла к М.В. Зиминной, которую, в свою очередь, приютила женщина-брестчанка, знавшая мужа Зиминной и работавшая до войны в прокуратуре машинисткой.

Клавдия Семеновна Михайлова устроилась работать уборщицей в Управление железной дороги, где имела возможность собирать необходимые данные для группы разведки станций Брест-Центральный и Брест-Северный.

К.С. Михайлова была непримиримая, бескомпромиссная натура. Ей трудно было сдерживать свою ненависть к врагу. «Однажды, — рассказывала М.В. Зимина, — в Управлении железной дороги она потребовала, чтобы ей выдали ведро, тряпки, швабру. На это ее требование прислужник фашистов ответил: «Пусть тебе Сталин даст!», а она, не задумываясь над своим положением, отчеканила: «Слишком рано хороните нас со Сталиным!»

Женщины, работавшие с ней в подполье, просили, уговаривали: «Умерь, Клава, свой пыл, побереги его для врага. Затаись: ведь нам еще долго вести борьбу с фашистами». Трудно ей было выполнять их наставления, но пришлось.

Активная работа в подполье привлекла внимание полицейских. В квартире участились обыски. Однако уйти из города она не могла, так как имела срочное задание. К.С. Михайлову вызвали в СД, откуда она не вернулась. Смогла только передать записку подпольщице по имени Елена. В ней она писала: «Очень избивали на допросах. Даже допрашивали с собаками и травили ими. Я ничего не сказала».

Мария Владимировна Зимина была членом антифашистской группы жен военнослужащих в городском подполье с августа 1941 г. Весной 1944 г. ее арестовали и отправили с дочерью Аллой в район Познани. Она попала на работу к помощнику-колонисту и находилась под надзором эсэсовки Берты Мориц.

Вместе с Марией была и литовка Алдона Вайнорите. Трудно было женщинам переносить издевательства, унижения Берты. Даже маленькая Алла

запомнила на всю жизнь страдания матери и тети Алдоны. Женщины думали о побеге. Алдона однажды не выдержала надругательства Берты и бросила в нее ведро с горячей водой.

«Теперь нас обеих с тобой, Мария, и Аллочку замучают. Бежим отсюда, Мария, на восток», — заявила Алдона. И женщины сумели сбежать в Литву. Жила долгое время М.В. Зимина с дочерью в Почегай, позже переехали в Шилуте. Работала там машинисткой, вступила в члены Коммунистической партии. И только через 24 года от В.В. Платонова, полковника в отставке, бывшего пограничника, написавшего книгу «Это было на Буге» о героических подвигах бойцов и командиров 17-го Краснознаменного пограничного отряда, Мария Владимировна и Алла узнали о судьбе мужа и отца — С.М. Гриненко.

Много страданий выпало на долю Марии Константиновны Старцевой, жены лейтенанта, служившего на границе около местечка Гайновка. В первый день войны она эвакуировалась с эшелонем раненых бойцов и пограничников с 66 семьями военнослужащих из Белостока в направлении Минска. Недалеко от Слонима эшелон разбомбили. Примерно одна треть семей и раненых погибла. Оставшиеся в живых женщины, дети, раненые бойцы ушли в лес, где скрывались несколько суток. Потом постепенно стали рассредотачиваться среди местного населения. Мария Старцева вернулась в Брест, надеясь встретить знакомых, служивших с мужем. С нею были малолетние сыновья Анатолий и Владимир. Нанималась на работу к крестьянам, стирала белье чужим людям. В феврале 1943 г. устроилась уборщицей к врачу австрийцу Галлю. Он владел русским языком. Жил по ул. Гоголя, хранил в квартире медикаменты и патроны в ящиках, так как его часто вызывали, в том числе и по ночам, для участия в облавах на мирных жителей и партизан. В это же время Мария Константиновна познакомилась с подпольщиком Иваном Герасименко, позже вошла в его группу. Теперь она узнавала от подпольщиков свежие новости о борьбе с врагом. Имея доступ к медикаментам и патронам, она до лета 1944 г. брала их незаметно у Галля и передавала Ивану Герасименко или связным партизан. В подпольной группе работала фармацевт одной из аптек Ольга Павловна Филиппович. Впоследствии за ней стала следить заведующая аптекой, и Ольгу Павловну с помощью Ивана Герасименко отправили в партизанский отряд. Веру и Софью Смирновых (Софья — жена командира), работавших в этой «пятерке», предали провокаторы за передачу патронов в партизанский отряд. Женщин вместе с детьми фашисты расстреляли.

Трагически сложились судьбы подпольщиц Е.И. Коротковой — жены старшего командира — и А.С. Камсюк — жены младшего лейтенанта, работника Комитета государственной безопасности П.А. Камсюка.

Семья Петра Андреевича Камсюка — жена Анна Савельевна и двое детей, Наташа и Глеб — жили по ул. Московской. В этом же доме жил командир Красной Армии (фамилия точно не установлена) с женой Еленой Ивановной, девичья фамилия которой Короткова.

Анна Савельевна утром 22 июня спрятала охотничье ружье и наган мужа, три радиоприемника (свой, брата мужа и Е.И. Коротковой) под полом в квартире. А вечером всех жителей дома фашисты выселили, отправив в другие квартиры. Их дом заняли, поставили охрану около бензохранилища, которое располагалось за двором дома, и туда постоянно подъезжали немецкие машины на заправку. В течение недели враг пользовался бензином, а женщины очень волновались за свой «клад». Когда запасы бензина иссякли, фашисты покинули дом. Семьи вернулись в свои разграбленные квартиры, где прожили до осени 1941 г. А затем, как и другие семьи «восточников», их переселили на ул. Интернациональную в двухэтажный деревянный дом, который стоял внутри квартала улиц Интернациональной и Советской.

Спрятанные ружье, наган и радиоприемники женщины передали руководителям подполья. Е.И. Короткова стала подпольщицей. Она хорошо шила женскую и детскую одежду, продавала ее на рынке, где встречалась со связными партизан и подпольщиками города. Для партизанских групп скупала ножницы, бритвы, ручные машинки для стрижки волос. Е.И. Короткова работала уборщицей в городском магистрате.

Елене в подпольной работе помогала Анна Савельевна Камсюк. Как ни старались взрослые скрыть от детей связи с подпольем, им это не удавалось, так как жили скученно — по две и более семей в одной комнате. Наташа Камсюк, десятилетняя девочка, знала некоторых антифашистов города: дядю Васю, который жил по ул. Московской около Кобринского моста; на ул. Базарной — Зажарских; Новиковых — на углу улиц Интернациональной и Советской; пожилого Шощица — в частном доме за Кобринским мостом; явочную квартиру в частной мастерской по ремонту обуви с двумя выходами: главный — с ул. Интернациональной, запасной — с Советской. К этим людям ходили дети с матерями или по их заданию.

Девочка по поручению тети Лены (Е.И. Коротковой) зимой вывозила радиоприемник на саночках на одну из этих квартир.

Е.И. Короткова и А.С. Камсюк участвовали в ликвидации немецкого агента — Оксаны Бык, работавшей в немецкой комендатуре.

Подпольщики установили, что Оксана Бык — провокатор. Ее решили «убрать». Поручалось провести эту диверсию С.П. Шубину, который попросил Короткову и Камсюк пригласить к себе домой О. Бык якобы для переговоров об оплате услуг их труда (они по очереди убирали ее квартиру). 18 мая 1943 г. по приглашению женщин О. Бык пришла к ним. Трех детей отправили на улицу гулять. Разговаривали с Бык в проходной комнате.

Версия для убийства О. Бык была такой. Мимо проезжает мужчина на велосипеде. Случайно цепью велосипеда рвет брюки. Заходит к женщинам в дом и просит их починить порванные брюки. Женщины его не знают. Он убивает Оксану и тут же скрывается. Произошло почти по плану: мужчина вошел в квартиру, поздоровался и обратился к женщинам: «Женщины, зашейте мне, пожалуйста, брюки». Оксана в это время сидела у окна и курила. Она первая бросила реплику: «Мы не женщины, мы фрау!» «А ты, фрау,

вот и получай!» Выстрелил в упор дважды. Убежал. Когда дети услышали крик, то вбежали в квартиру. Мужчины в доме не было, Бык лежала у окна мертвая. Женщины вызвали полицию, а полицаи — следователя из немецкой комендатуры. Он опрашивал всех присутствовавших в доме. Особенно был придирчив к Елене Ивановне и Анне Савельевне. Они оправдывались, заявляя, что мужчина, видимо, следил за Бык, а она была их приятельницей. Следователь велел Елене Ивановне и Анне Савельевне прийти утром в комендатуру. Они дали согласие. Согласно плану, ночью они должны были уйти из города к партизанам. Дорогу к ним они знали.

Но фашисты, вопреки решению следователя, пришли через несколько часов и забрали Елену Ивановну, Анну Савельевну, детей — Наташу, Глеба и Толика. Ночь продержали в камере предварительного следствия. Ночью к ним подсадили женщину. Патриотки молчали. Молчали и дети. Утром детей забрали от родителей и велели идти домой. Наташа сказала: «У нас нет дома, только мамы». «А мамы ваши нам еще нужны, идите в приют, вот вам записка туда». Так определили судьбу детей фашисты. Когда уводили их из камеры, взрослые все поняли, прощались с детьми. 19 мая 1943 г. дети последний раз видели своих матерей. А.С. Камсюк отдала свои туфли на высоком каблуке дочери, и маленькая девочка почти через весь город шла в больших маминых туфлях. Женщин расстреляли. Через полтора месяца Наташе передали записку от матери, написанную карандашом на обрывке немецкой газеты. Плохо разбирала девочка почерк, но все-таки с помощью других прочла. Мама просила поблагодарить людей, которые принесли передачи в тюрьму, просила беречь брата Глеба, встретиться с «кумом» — завхозом магистрата. Но выполнить последнюю просьбу уже не представлялось возможности: «кум» был тоже арестован.

Трагически завершилось «устранение» Оксаны Бык, которым руководил Сергей Павлович Шубин, хотя на сей раз он остался в живых. В его диверсионную группу, которую направлял Алексей Георгиевич Серафимович, входил и Юрий Владимирович Святенко. Вместе с 6-й стрелковой дивизией прибыл в г. Брест из г. Орла в 1939 г. Семья — жена Елизавета Васильевна, дочь Галина и сын Анатолий — приехала к нему в декабре 1939 г. Жили в однокомнатной квартире по ул. Первого мая, в доме № 26. В этом же доме жил Сергей Павлович Шубин с женой Ларисой Николаевной и маленьким сыном. Перед самой войной к Шубиным приехал брат Ларисы — Николай Алексеевич Ушаков — студент из Ленинграда.

Дом, в котором они жили, принадлежал ранее пани Мулинской, польке, муж у которой был немец. Советских людей они ненавидели. По их доносу в первый день оккупации Юрия и Елизавету Святенко арестовали. Арестованные находились на площади перед тюрьмой. Как и других советских граждан, их распределили по национальностям: украинцев в одну сторону, русских — в другую, евреев — в третью. Юрий с женой встал к группе украинцев. У него случайно оказалось с собой любительское удостоверение шофера. Это и спасло семью.

С первых дней оккупации Ю.В.Святенко работал в одной частной сапожной мастерской (знал сапожное дело с детства). И вскоре с соседями по дому вошел в состав партийно-комсомольского подполья города. Вместе с С.П. Шубиным и Н.А. Ушаковым работал в диверсионной группе, которая совершала акции на железной дороге: засыпала в бунксы вагонов песок, обрезала тормозные рукава, разуккомплектовывала товарные вагоны, приводила в негодность дверные проемы.

У Шубиных на квартире был радиоприемник. Подпольщики по ночам слушали сводки, писали листовки. Их разносила и разбрасывала Елизавета Святенко. Иногда взрослые поручали подбрасывать листовки и детям Галине, дочери Юрия и Елизаветы Святенко, давали по одной листовке и просили отнести конкретному лицу, кого знала девочка, или перебросить через забор, или воткнуть в щель калитки или двери какого-нибудь дома. Выполнив это задание, девочка приходила за другой листовкой, возвращаясь домой другим путем. В случае задержания она должна была сказать, что эту бумажку нашла. Поручали Галине играть в «классики-прыгалки» с другими детьми недалеко от важных немецких объектов и в это время подсматривать и подсчитывать, какие и сколько машин побывало на «объекте».

Елизавету Васильевну устроили поваром и одновременно уборщицей в общежитие наемных рабочих, в основном девушек, трудившихся в подсобных хозяйствах, созданных немцами по ул. Первого мая. Семью выселили с прежней квартиры, и она поселилась в одной из комнат этого же общежития, которое располагалось недалеко от базара. Сюда приезжал связной партизан Тимофей-«хромой», через него Елизавета Васильевна передавала собранные ее группой медикаменты, передавала и листовки. Вместе с девушками, которым разрешалось в выходные дни посещать родных, уходила в деревни и Елизавета Васильевна, передавала листовки и сведения для партизанского отряда имени Чернака. Детей в это время оставляла с Полиной Банниковой, подпольщицей, женой секретаря подпольного горкома комсомола Григория Банникова.

Летом 1942 г., после ухода Н.А.Ушакова в партизанский отряд, Ю.В.Святенко продолжал диверсионную работу с С.П.Шубиным и И.Т. Дубовиком. В июле 1943 г. при проведении очередной диверсии Шубин и Дубовик были схвачены фашистами и расстреляны. После их гибели Юрию Владимировичу поручили выйти на связь с разведгруппой Николая Францева*, артиста Брестского областного театра.

В августе—сентябре 1943 г. фашисты внедрили агента в особый отдел штаба Брестского партизанского соединения. Спустя месяц прошли массовые аресты подпольщиков. Арестован был и Ю.В. Святенко 9 октября 1943 г., когда шел на встречу с П.Г.Жуликовым. Петр Георгиевич был уже арестован, а во дворе дома фашисты устроили засаду. Только Святенко

* Отчество Францева не установлено.

подошел к калитке дома по ул. Советской, как оттуда вышла женщина-полька с ведрами (шла к колонке за водой) и шепотом сказала, что во дворе засада. Юрий Владимирович быстро повернул назад, но был замечен немцами и схвачен. Никаких улик к нему враг предъявить не мог. Он объяснил, что шел к сапожнику. Таким известным сапожником во дворе был П.Г. Жуликов. Ю.В. Святенко держали в тюрьме вместе с другими патриотами. Елизавета Васильевна наладила с ним переписку: в бидоне с плоским дном носили пищу. Дно специально коптили, чтобы можно было написать несколько слов. Он отвечал одной фразой: «Ведите себя со всеми спокойно». Елизавету Васильевну с детьми и Полину Борисовну Банникову с детьми Женей и Инной переправили в партизанский отряд имени Чернака. Юрия Владимировича Святенко вместе с другими подпольщиками в конце декабря 1943 г. вывезли в Германию, а Е.В. Святенко с детьми связные партизан вывели в партизанский отряд, где она была разведчицей, детей определили на хутор к старикам Шеревендам. Хозяйева пекли хлеб, а одиннадцатилетняя Галина носила его партизанам. Хутор находился в партизанской зоне.

После массовых арестов подпольщиков оставшиеся на свободе коммунисты и антифашисты во главе с секретарем подпольного ГК КП(б)Б Т.Н. Смирновой продолжали борьбу с гитлеровцами. В состав вновь созданного подпольного бюро горкома КП(б)Б вошли Т.Н. Смирнова, Б.С. Дзабиев, Н.А. Комолова. А с 9 декабря 1943 г., когда в партизаны ушел Б.С. Дзабиев, в состав бюро вошла Е.И. Литвинова.

С помощью партийного актива учили и восстановили десять антифашистских «троек». В числе их руководителей были жены командиров: Г. Костицына, В. Кравцова, Е. Усанова, Н. Ильина.

В начале февраля 1944 г. С.И. Сикорский, командир Брестского партизанского соединения, секретарь Брестского подпольного обкома КП(б)Б, получил указание из Белорусского штаба партизанского движения об оказании помощи спецгруппе Черного. Ей надо было помочь обосноваться в области, найти надежных связных проводников, выделить нужных людей для работы в Бресте. Спецгруппа Черного действовала на территории Беларуси с августа 1942 г. в районе Брест — Барановичи — Лунинец.

Для работы с этой группой Т.Н. Смирнова и Е.И. Литвинова рекомендовали беспартийную А.Ф. Зажарскую. Антонина Федоровна работала в подполье с осени 1941 г.

Ранней весной 1944 г. А.Ф. Зажарская вовлекла в разведгруппу Н.Н. Серовую, В.И. Кравцову.

Надежда Николаевна Серовая — жена начальника штаба 6-й стрелковой дивизии — вместе с детьми осталась в Бресте. Они жили в одной квартире с семьей антифашистки Анны Коротковой на ул. Краснофлотской.

Н.Н. Серовая в период оккупации поддерживала связь с З.И. Южной, Т.Н. Смирновой, А.Ф. Зажарской, участвовала в приобретении медикаментов. Но активно включилась в подпольно-диверсионную работу в марте 1944 г.

по инициативе А.Ф. Захарской. Однажды ранней весной 1944 г. Антонина Федоровна зашла к Н.Н. Серовой. Посмотрела, как живут женщины, как умудряются в этой сложной обстановке содержать детей. Она давно обратила внимание на мужественное поведение Надежды Николаевны. Эта внешне щупленькая, невысокого роста женщина выглядела как подросток. Но во всем ее облике А.Ф. Захарская увидела недюжинную силу воли, стойкий характер. И она решила привлечь ее к разведывательной работе.

Антонина Федоровна подсела к ней и завела обычный бытовой разговор:

— Слушай, Надя, у тебя есть резиновые сапоги?

— Нет, конечно, откуда они могут быть у меня?

— Надо достать к утру. Походи по знакомым. Одолжи на пару суток.

Скажи, что надо в деревню идти договариваться насчет работы весной у крестьян. Я тебя буду сопровождать, правда, только за город, а там ты пойдешь по моему заданию к партизанам. Согласна?

Надежда Николаевна поняла, о чем идет речь, и дала свое согласие.

Наутро женщины отправились за город. По дороге Антонина разъяснила, как пройти к деревне Шебрин, кто ее встретит, назвала пароль.

Очень трудно было идти первый раз по незнакомой дороге. Так далеко в течение одного дня она не ходила. Но добралась благополучно, пройдя километров 40. Пришла в отряд имени Чапаева. Ее направили к командиру диверсионной группы Виктору Юльевичу Каммереру. (Как потом она узнала, он был немцем по национальности.) Там с нею побеседовали, спросили, согласна ли она стать разведчицей. Ответ был однозначный: согласна. В партизанском отряде приняла присягу. И с 20 марта по июль 1944 г. стала постоянно ходить в район Старосельского леса. Выполняла задания диверсионной группы Садовникова из партизанского отряда «Бати», в которой работала до 17 мая, а затем — в группе Каммерера отряда имени Черного. Из группы Садовникова пронесла в Брест по частям 8 килограммов тола, шесть английских мин, а также документы с данными агентурной разведки. В характеристике на Н.Н. Серовую, написанной командиром группы разведки Каммерером 29 июля 1944 г., отмечено: «Серовая, рискуя жизнью, пронесла по 3—3,5 кг тола за один раз в Брест, проходя через немецкие патрули, обыскивавшие каждого человека. В высшей степени аккуратно и добросовестно выполняла все поручения по связи, никогда не отказывалась от заданий. Не было случая, чтобы Серовая не выполнила задания. Благодаря ее самоотверженной работе в Бресте было проведено три диверсионных акта, из них два крупных».

После выполнения очередного задания Н.Н. Серовая выводила в отряд людей. Связь в городе имела только с А.Ф. Захарской. Иногда Надежда Николаевна попадала в засады, облавы. Каких физических и духовных сил, выдержки стоило их преодолеть! Когда уходила в отряд, детей оставляла у подруги по квартире.

В городе на все стала смотреть глазами разведчицы: где и что строили и перестраивали немцы, какие знаки на машинах, какие воинские части, какие улицы перекрыты, где стояли немецкие посты. Однажды, сопоставляя свои наблюдения, предупредила отряд имени Чернака о планировавшейся облаве.

В начале лета она принесла из отряда тол и мину. Спрятала тол у себя в квартире в печке, а мину у лодочной станции. Утром фашисты организовали облаву: окружили ул. Краснофлотскую с целью вывоза людей в Германию. Н.Н. Серовую с детьми увезли на сборный пункт. Она постоянно думала, как выбраться отсюда, что будет с миной и толом. Вечером старшую дочь Ларису подвела к проволоке, нашла дыру, через которую ребенку можно было пролезть. Отправила ее к А.Ф. Захарской рассказать о случившемся. Девочка нашла тетю Тоню, но та ничем не могла помочь. Только просила передать маме, что в лагере друзей нет, девочке велела в лагерь не возвращаться. Нашла девочке «родителей». На следующий день Лариса отнесла маленькому брату картошку и кофе-суррогат с сахарином. В течение дня ходила девочка около дыры, через которую вышла. Ей казалось, что она вечность прождала маму, а вечером, когда стемнело, мать подошла к ней. Рассказ дочери ее очень расстроил. Надежда Николаевна еще целые сутки изучала возможность побега из лагеря. Попросила дочь прийти снова под вечер следующего дня. Лариса пришла. Мать решила спасти хотя бы детей и сообщить А.Ф. Захарской, где хранятся мина и тол. Когда снова увидела дочь, то объяснила, как можно забрать двоих младших из лагеря. Сама отошла от проволоки, чтобы ее не заметили. Дети через ту же дыру выползли из-под проволоки к старшей сестре. Ниночка зацепилась платьем за проволоку. Мать видела, но не могла подойти. Лариса кое-как справилась с неудачей, взяла детей, их узелки и по совету матери спустилась к канаве, а потом отправилась с детьми к мосту. Мать велела ее там ждать. Она им наказала: «Ждите меня у моста. Я постараюсь выйти отсюда. Если не выйду, то идите в деревню Волки или деревню Подлесье. Там назовите свою фамилию».

Отправив детей из лагеря, искала выход для себя и нашла. Она увидела, что на машину и подводу, которые стояли между бараками, укладывали какие-то вещи. Она стала помогать грузить свертки. Нагруженная подвода направилась к выходу. Вслед за подводой пошла и Надежда Николаевна. В руках у нее ничего не было, поэтому на нее не обратили внимания, решив, что она идет вместе с возницей.

Нашла детей у моста и покинула город. 15 км несла она сына на руках. Далеко за городом передохнули. К вечеру следующего дня пришла с детьми в расположение спецгруппы Черного. Объяснила ситуацию. Детей определили в семью Михальчуков на хутор Пеньки, что в пяти километрах от деревни Подлесье, а Н.Н. Серовая отправилась в город спасать взрывчатку и мины. И снова ходила по маршруту: город — отряд — город.

В группе Черного работала и В.И. Кравцова. В разведывательно-диверсионную работу Варвара Иосифовна включилась осенью 1943 г. После массовых арестов подпольщиков города она временно осталась без связи. Контакты с ней установила связная партизанского спецотряда Соня из деревни Подлесье. Партизаны хорошо знали Варвару Иосифовну как подпольщицу и мать погибшей Веры Кравцовой. Варвара Иосифовна стала членом группы А.Ф. Захарской. Она собирала сведения о передвижении немецких войск по железной и шоссейной дорогах в направлении Москва — Ковель, о расположении немецких воинских частей, следила за строительством фашистами укреплений вокруг города, два раза в неделю ходила к антифашисту-разведчику Александру Калининскому за сводкой по железной дороге. Поручили ей найти две карты города.

Это задание помог выполнить подпольщик Михаил Никитович Карпук (они работали до войны вместе на трикотажной фабрике). М.Н. Карпук добыл карту через знакомого в магистрате. Михаил Никитович познакомил Варвару Иосифовну с местным жителем, который работал на немецком складе, где хранили заготовленные сушеные целебные травы. Когда ее привели на склад, она увидела десятки мешков сушеной крапивы, лопуха и других трав. На складе висела карта республики, которой пользовались для определения флоры и фауны республики. Карту они срезали, а это место заложили большим количеством мешков. Так появилась и вторая карта.

После выполнения этого задания Варвару Иосифовну вызвали в партизанский отряд для инструктажа. Ее научили, как пользоваться миной при осуществлении диверсии. Через некоторое время Кравцова должна была прийти в дом по ул. Московской. Там ее ждала связная из деревни Подлесье, которая принесла четыре мины. Мины Кравцова спрятала на чердаке. Руководитель группы А.Ф. Захарская вскоре определила объекты для осуществления диверсий и нашла исполнителей.

Первый объект — столовая на углу улиц Буденного и Карла Маркса. Там питались немецкие офицеры и солдаты. В столовой с мая 1944 г. работала уборщицей Мария Федоровна Шевчук (Федорук), в прошлом работник органов НКВД. По заданию Захарской М.Ф. Шевчук с готовностью взялась за выполнение операции.

Кравцова и Захарская перенесли на квартиру Шевчук тол и мину, завели мину на квартире Антонины Федоровны. Отнесла ее в столовую в корзине 14-летняя Калерия Захарская. На дне корзины лежала мина, а сверху яйца для продажи начальнику столовой. Женщины условились, что Мария к концу рабочего дня положит мину в печь, а после этого подпольщицу Захарская переправит в спецгруппу Черного.

Обеденный зал столовой был примерно на сто посадочных мест: 20 для офицеров и 80 — для солдат. В зале стояла одна печь, которая топилась из коридора. Мину с часовым механизмом завели 1 июля 1944 г. в 18 часов в

расчете на то, что взрыв произойдет в 21 час (завод поставлен был на три часа), когда бывает в столовой наибольшее число посетителей. Но взрыв произошел в 23 часа. Печь разорвало, других серьезных повреждений не было, жертв тоже. Почему так произошло, ни Захарская, ни Кравцова объяснить не могли. Тайна не разгадана до сих пор. Не пострадали и наши люди. В столовой всех работавших людей арестовали, допрашивали. Когда проверили наличие работников столовой, легко определили отсутствие Шевчук. Фашистам было ясно, кто подготовил взрыв.

Вторым объектом стало немецкое общежитие солдат–связистов. Антонина Федоровна спланировала провести в нем взрыв через неделю после операции в столовой. Она привлекла для проведения диверсии Анастасию Егоровну Паршину. В декабре 1941 г. Паршина была призвана в Красную Армию, служила в военном госпитале старшей хирургической сестрой. В октябре 1942 г. в Артемске (на Украине) попала в плен к фашистам и была направлена в Германию на работу в Эссен на фабрику Круппа. Работала там семь месяцев. Заболела и была вывезена из Германии. Находилась в Бресте в пересыльном лагере для больных. Оттуда сумела уйти и устроиться на работу в общежитие немецких солдат–связистов в качестве уборщицы. В июне познакомилась с А.Ф. Захарской, которая предложила ей совершить террористический акт в здании общежития. А.Е. Паршина охотно согласилась и блестяще выполнила задание.

Она пронесла мимо часового и незаметно положила в печку 17 кг тола и магнитную мину. В коридоре, куда выходили двери от печи, тоже стоял часовой. В общежитии проживали 275 немцев, и, кроме того, в столовой, находившейся в этом здании, собирались офицеры из других воинских частей.

Взрыв Паршина осуществила 8 июля 1944 г. Дом вместе с немцами вечером взлетел на воздух. Погибли 90 немцев, количество раненых не было установлено. В этот же день А.Е. Паршина ушла в группу разведки командира Каммерера.

Указом Верховного Совета СССР от 21 ноября 1944 г. А.Ф. Захарская, Н.Н. Серова были награждены орденом Отечественной войны 2–й степени, А.Е. Паршина — медалью «За отвагу».

Две оставшиеся неиспользованные мины А.Ф. Захарская позже передала в одну из воинских частей в Бресте.

На завершающем этапе борьбы с фашистами в Бресте весной и летом 1944 г. в подполье работало более 30 патриотов, в их числе жены командиров, руководители антифашистских групп: Е.И. Литвинова, Р.С. Лукина, Е.Н. Шалаева (Кравцова), Н.Н. Серова, В.И. Кравцова, М.Ф. Шевчук, А.Е. Паршина.

ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ

Борьбу с фашизмом отдельные комсомольские группы начали вести в первый месяц оккупации. Одна из них возникла в июле 1941 г. В нее входило 18 человек. Возглавлял комсомолец-«восточник» Сергей (фамилия осталась неизвестной).

По случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции комсомольцы провели собрание по ул. Дзержинского, в доме № 2. Об этом узнали фашисты. Они ворвались в дом, схватили несколько комсомольцев. Все арестованные были расстреляны. Немногим удалось скрыться.

Членом этой подпольной группы была дочь заместителя начальника линейного отделения милиции Александра Лобакова — Нина. Ее выследили фашисты и арестовали на базаре. Шестнадцатилетнюю комсомолку долго пытали. Она никого не выдала, а палачам заявила: «Самое большое, что вы сделаете со мной, это расстрел. Я к этому готова». Нина Лобакова погибла в ноябре 1941 г. Позже расстреляли и ее мать — Александру, а двух младших девочек — Любу и Галю — местные жители города отдали в детский приют. Но гитлеровцы и там нашли детей.

Из бывших комсомольских работников в городе остался Н.И. Шоциц — заместитель секретаря Брестского горкома комсомола. Р.С. Радкевич удалось разыскать сначала В.А. Нестеренко, кандидата в члены ВКП(б), работавшего до войны с молодежью. Василий Алексеевич собрал вокруг себя комсомольский актив, с помощью которого разыскал Николая Иосифовича Шоцица, который скрывался в деревнях Жабинковского района. Шоциц нелегально вернулся в Брест.

Коммунистке Елене Павловне Карначик и беспартийной Варваре Иосифовне Кравцовой горком партии поручил разыскать активиста комсомольской организации города Григория Константиновича Банникова. Знали его женщины по совместной довоенной работе. В первых числах августа 1941 г. они навестили Г.К. Банникова на торфозаводе в Брестском районе, где он с женой Полиной и двумя детьми скрывался от новых властей. Женщины рассказали ему о создании партийно-комсомольского подполья и предложили включиться в борьбу с оккупантами. Банников через несколько дней прибыл в Брест. Ему помогли найти жилье и заменили документы.

Большая группа комсомольцев сплотилась вокруг П.Г. Жуликова. Среди них была и Валя Зенкина (Сачковская), дочь старшины музыкального взвода 33-го инженерного полка И.И. Зенкина. Познакомилась она с Петром Георгиевичем через подругу Цию Пикус, которую встретила на улице Голя, на месте гибели ее матери, Софьи Михайловны Пикус.

Девушки поделились бедами и пошли на квартиру, где раньше на площади Свободы жили Пикусы. Квартира их была разграблена. Цили поселилась во дворе дома в одном из флигелей. А в доме размещались семьи Жуликова, Радкевич, Карначик и Боковых.

Здесь Валя Зенкина встретила с П.Г. Жуликовым. Когда он узнал, что Валя находилась в Брестской крепости, подробно расспросил о ее защитниках, попросил побывать у лагерей военнопленных в Южном городке, на Киевке и Граевке с целью поиска знакомых защитников крепости.

В августе 1941 г. жители города имели возможность выходить из города в лес за сбором ягод и грибов. В один из таких походов Валя Зенкина со своими знакомыми в лесу в районе деревни Каменница Жировецкая нашла листовки, сброшенные советскими самолетами и подписанные Вандой Василевской с призывом к жителям западных областей включиться в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Несколько собранных листовок Валя принесла П.Г. Жуликову. Часть из них Петр Георгиевич поручил передать в лагерь военнопленным.

Поручения коммунистов молодежь охотно выполняла. Брат Цили Пикус Борис в августе 1941 г. сплотил вокруг себя группу ребят. До войны он работал в автохозяйстве слесарем. Это был смелый, общительный, энергичный комсомолец. Вскоре он стал одним из помощников П.Г. Жуликова.

Первое собрание комсомольского актива в августе 1941 г. проводил П.Г. Жуликов. На нем присутствовали В. Нестеренко, Н. Шоциц, Г. Банников, Л. Шейман, Б. Пикус, Е. Попова и др. Секретарем городской подпольной комсомольской организации по предложению Жуликова избрали В.А. Нестеренко, заместителем — Н.И. Шоцица, членами бюро — Г. Банникова, Б. Пикуса, Е. Попову, Л. Шеймана. Очередную встречу с комсомольским активом, на которой определили задачи комсомольцев города, проводила Р.С. Радкевич.

Бюро горкома комсомола стало создавать первичные комсомольские организации и группы по территориально-производственному принципу (на предприятиях и в учреждениях): Комсомольские группы включали в свой состав по 3—5 человек, первичные комсомольские организации — по 5—7—10 человек. До марта 1942 г. состоялось несколько заседаний горкома комсомола. На двух из них присутствовал П.Г. Жуликов. Часто с комсомольским активом встречались Р.С. Радкевич, Е.П. Карначик, З.И. Южная и А.Г. Серафимович, помогавшие им не только создавать «пятерки», «тройки», определять текущие задачи, но учили конспирации. Это была одна из главных задач коммунистов.

К концу года в городе насчитывалось более десяти первичных комсомольских организаций, в том числе три на железной дороге, в еврейском гетто, в авторемонтных мастерских станции Брест-Полесский, в трех немецких госпиталях.

Осенью 1941 г. Р.С. Радкевич познакомила Г.К. Банникова с комсомольцами — детьми командиров Красной Армии: Верой Сергеевной Кравцовой, Борисом Николаевичем Аношкиным, Иваном Ивановичем Ивановым. Они стали членами его «пятерки».

Вскоре кроме них в комсомольский актив города вошли жены командиров Красной Армии — Антонина Васильевна Касаткина (Ястребова), Анна Егоровна Чекалина (Складчикова), сестра военнослужащего из Брестской крепости Екатерина Смирнова.

Комсомольский актив по заданию коммунистов помогал приобретать документы, паспорта женам военнослужащих, представителям еврейской национальности, «восточникам», бывшим военнопленным, способствовал организации партизанских групп.

В квартире у Пикусов был вмонтирован в стену радиоприемник. Молодежь слушала и записывала сводки Совинформбюро, а дежурство около дома в это время несли Циля Пикус и Валя Зенкина.

Весной 1942 г. П.Г. Жуликов через биржу труда, где некоторое время работала Елена Попова, помог трудоустроиться на железную дорогу многим девушкам. Они мыли вагоны, приходившие с фронта. Там часто находили много немецких патронов. Их собирали в мусорные ведра и уносили в указанную яму с небольшим количеством мусора. Другие патриоты, не известные девушкам, выгребали оттуда патроны и уносили в лес.

Девушки следили за движением поездов через станции Брест–Центральный, Брест–Полесский и Брест–Восточный. На железной дороге сложились четыре группы, которые помогали подполью и партизанам.

В начале 1942 г. Валя Зенкина познакомилась с сестрами Кравцовыми — Надей и Верой, а также подругой Веры — Валей Бубновой.

Вера Кравцова и Валя Бубнова помогали военнопленным выходить на партизан. Планы их побегов разрабатывали старшие товарищи, часто сам П.Г. Жуликов. На встречу с ним Валя Зенкина ходила с Цилей Пикус. Получив от него указания и план побега военнопленных, девушки передавали Вере Кравцовой.

В апреле 1942 г. погиб Борис Пикус. Цилю перевели на нелегальное положение, позже отправили к партизанам, брата Леву — к подпольщикам в Высоковский район.

Валя Зенкина с подругой Майей Кононовой носили патроны на явку в деревню Вычулки, где старостой был подпольщик Петр Веремчук, имевший связи с П.Г. Жуликовым.

Комсомольцы через знакомых патриотов вовлекли в подпольную работу десятки молодых людей. Так подпольщицей стала жена заместителя начальника особого отдела 28-го стрелкового корпуса Вера Алексеевна Козлова. У Веры было трое детей, но работала она активно. Свой радиоприемник передала комсомольской «тройке». Ребята установили его на чердаке двухэтажного дома № 142 по ул. Советской. Рядом жили патриотки Мария Шевчук (Федорук) и Мария Бородич (Ильичева). Слушали они радиопередачи до начала 1942 г., пока в доме не появился хозяин. Затем радиоприемник комсомольцы перенесли на ул. К. Маркса. Вера Алексеевна устроилась подсобной рабочей на кухню лесопильного завода. В мае 1942 г. в подпольную пропагандистскую работу она вовлекла Антонину Георгиевну

Кузнецову — жену командира внутренних войск. А. Кузнецова и В. Козлова распространяли сводки Совинформбюро, помогали собирать облигации, одежду, медикаменты. Иногда участвовали в передаче по цепочке боеприпасов в партизанские группы. Имели связи с женами военнослужащих, которые работали на складах и помогали передавать партизанам носильные вещи.

Женщины и молодежь охотно шли на «работу» в крепость, имея задание подполья, а фашисты это рассматривали как послушание властям. Работавшим в крепости по вольному найму выдавали рабочий паспорт, разрешали собирать на ее территории щепки, дрова, рубить сухие деревья и выносить их домой. С дровами выносили найденное оружие, патроны, гранаты, часть его передавали Я.Б. Ягофарову (подпольная кличка Николай). До начала Великой Отечественной войны служил шофером инженерно-механизированных войск в укрепрайоне в воинской части № 5340, которая находилась в Брестском районе. Первый бой Явит принял 22 июня. Силы были неравными. Оставшиеся в живых бойцы и командиры ушли в лес. Командир Красной Армии Алексей Зеленин, ушедший в лес с целью организации партизанского отряда, в августе 1941 г. направил Ягофарова в Брест для связи с подпольем города, приобретения оружия и медикаментов. Явит связь с подпольем установил и ему было рекомендовано устроиться на работу шофером в Брестскую крепость.

В подполье он работал с женой Натальей Михайловной, которая помогала прятать оружие в своей квартире и в домах подпольщиков.

«Николай» с Алексеем Шиховым обследовали казематы, завалы. Определили, где имеется наибольшая вероятность найти оружие и боеприпасы, и пути их выноса.

С августа 1941 г. выносили оружие из крепости Фаина Тронкина, Алексей Шихов, Николай Воронов, Федор Беляев, Василий Нестеренко, Григорий Меерович, Борис Аношкин, Ядвига Косинская, Владимир Ковязин.

Туда, где фашисты обнаружили склады оружия, вольнонаемных не пускали. Комсомольцы Нестеренко и Воронов решили поджечь один из таких складов. В конце рабочего дня они зажгли ватные брюки, плотно их свернули с целью длительного тления и подбросили к складу с боеприпасами. Ночью произошел взрыв.

Явит Ягофаров вывез из крепости в группу «политруков»* в Старосельский партизанский отряд двадцать винтовок, шесть автоматов, один пулемет в разобранном виде, 32 ящика гранат, 17,5 тысячи патронов, из них 9 тысяч автоматных, 120 килограммов тола. Все это перевозилось как дрова на квартиры подпольщиков, а из квартир переправлялось в лес. В апреле

* Группа «политруков» была создана в Брестском районе Иваном Васильевичем Солейко в первый год оккупации.

1942 г. Явит Бахтиганеевич Ягофаров был отозван в Старосельский партизанский отряд и назначен командиром взвода.

Работу по поиску оружия и боеприпасов до лета 1943 г. вели группы А. Шихова и Б. Аношкина.

До лета 1942 г. подпольщики Бреста передали партизанским отрядам: пять пулеметов, 70 винтовок, до 57 тысяч патронов, 250 гранат, фотоаппараты, большое количество медикаментов и военного снаряжения. Однажды подпольщики нашли 8 винтовок в сарае во дворе немецкого общежития по ул. Орджоникидзе. Спрятали их на кладбище, а затем переправили партизанской группе.

Преобладающее количество всего этого собрали комсомольцы. По законам оккупантов лица, носившие и прятавшие оружие, подвергались расстрелу. Каким мужеством надо было обладать, чтобы искать, собирать, хранить и выносить из города оружие! Только любовь к Родине толкала их на этот подвиг.

Партийная и комсомольская организации создали группу девушек и женщин, которые уносили найденное оружие и боеприпасы в Краснодворский лес. Одну из групп возглавляла коммунистка Мария Ивановна Прошина. С ней работала Ф.Г. Тронкина. Брала боеприпасы с квартиры В. Нестеренко. Несколько раз Марии и Фене пришлось собирать боеприпасы на свалке, организованной ранее Ягофаровым по ул. Каштановой, недалеко от Северных ворот Брестской крепости. Свалка располагалась под грушами-дичками. Недалеко от нее проходил железнодорожный путь, а вокруг был кустарник. Женщины ходили к свалке, якобы для сбора щепок, дров, одновременно клали в корзины и то, что было заготовлено подпольщиками.

Оружие и боеприпасы они уносили в Краснодворский лес, прятали в условленном месте. Находили оружие и боеприпасы и вокруг города. Однажды они обнаружили авиационный пулемет на свалке подбитых самолетов в районе нынешнего мясокомбината. По частям и деталям перенесли его к партизанам. Летом и осенью 1942 г. по заданию партизанской группы С.С. Шиканова молодежь города вынесла еще 400 гранат, около 7 тысяч патронов, немецкий пулемет, 3 автомата и много медикаментов.

Ядвига Викторовна Косинская возглавляла подпольную антифашистскую группу.

В нее входили Софья Адамович, Елена Войтенко, Лариса Хилькевич. Группа Я.Косинской от руки размножала полученные сводки и распространяла их. Комсомолки имели связи с патриотами, работавшими в аптеках, где приобретали медикаменты для партизан, переправляли их через связанных в деревню Старое Село. На явочных квартирах укрывались подпольщики и партизаны. У Косинской зимой 1942/43 г. жили М. Прошина, Ф.Тронкина, скрывался Л.П. Зеленин.

В период массового вывоза молодежи в Германию Н.С. Косинская вывела к партизанам комсомолок-подпольщиц М.Н. Пономареву и В.А. Илларионову.

В июне 1943 г. Я.В. Косинская с сыном Германом и матерью Н.С. Косинской ушла в партизанский отряд Чернака, а затем она стала оперативным работником штаба Брестского партизанского соединения.

В группу Ядвиги Косинской по добыче оружия и боеприпасов с августа 1941 до начала 1944 г. входила Елена Михайловна Войтенко — жена капитана, начальника артиллерии 125-го стрелкового полка.

Елизавета Сергеевна Костякова с января 1942 г. и до апреля 1943 г. была членом подпольной группы жен военнослужащих. Вместе с А.А. Кудиновой, Н.С. Бобковой помогла вывезти из города на хутора нескольких солдат, бежавших из плена. С А.А. Никитиной Елизавета Сергеевна работала и в Брестской крепости, собирая оружие, боеприпасы. В партизанский отряд имени Чернака ее направили в апреле 1943 г. Поселили в деревне Ямно, находившейся в районе действия отряда.

С помощью партизан Елизавета Сергеевна определила маленького сына Алешу в деревню Франополь к крестьянину Павлу Ласковичу, оставив адрес своих родителей.

В отряде Чернака Е.С. Костякова была медсестрой и бойцом. В первое время раненых прятали на хуторах, в лесу, а тифозных больных содержали в палатках или в землянках на островках среди болот. Ей приходилось делать каждый день большие переходы, чтобы своевременно посещать больных, обеспечивать их питанием, лекарствами, делать перевязки. Отряд часто перемещался. Основная его база находилась в Старосельском лесу, но приходилось уходить и в Борисовские леса, когда враг бросил против партизан 30-тысячную армаду.

Выполняла она и задания спецгруппы «Искра». За смелость и решительность в марте 1944 г. ее включили в большую группу бойцов, которым было поручено идти на соединение с наступавшей Красной Армией. Очень трудным был этот переход. В марте 1944 г. произошла встреча с группой разведки Красной Армии, основные части которой стояли за рекой Припять. В районе деревни Мокраны Кобринского района вместе с разведкой держали бой. Силы были неравные, пришлось отступить за реку Припять, в район Камено-Каширска. Переправлялись на плотках через Припять. Две недели были в обороне. С частями Красной Армии встретились в деревне Большая Груша.

Елизавета Сергеевна беспокоилась о родных. Она использовала первую же возможность отправить им письмо. На клочке газеты, между строк, она написала письмо матери в город Покров, в котором сообщала, что жива, воюет с врагом, муж погиб в Брестской крепости, что у нее есть сын, сообщила его местонахождение и просила в случае ее гибели воспитать Алешу достойным памяти отца. Удивлялась Елизавета Сергеевна, как сложенный треугольником газетный клочок дошел до адресата (родители считали ее погибшей).

В апреле 1944 г. партизанский отряд имени Чернака насчитывал около 600 человек. По приказу Белорусского штаба партизанского движения от-

ряд был расформирован. Основные его силы влились в воинские части 1-го Белорусского фронта. А 70 человек отряда составил истребительный батальон (в него вошла и Е. Костякова), который в апреле 1944 г. под руководством командира Ивана Федоровича Селивоника, начальника штаба Анатолия Сергеевича Ведмедко перешел линию фронта и прибыл в район Старосельского леса, в свою зону. В задачу батальона входило создать на его базе партизанский отряд, организовать боевые действия в тылу врага под Брестом, держать постоянную связь с фронтом, передавать разведданные в Красную Армию. Кроме того, отряд должен был охранять население от угона в Германию и от ограбления. В партизанском отряде Елизавета Сергеевна продолжала борьбу вплоть до 28 июля 1944 г. 29 июля 1944 г. командование партизанского отряда отправило ее в Брест с заданием организовать дом ребенка, собрать в области осиротевших ребятешек. Работа предстояла трудная. Это хорошо понимала Елизавета Сергеевна. И своя боль тревожила: нужно было забрать сына. У Елизаветы Сергеевны не было еще ни кола, ни двора, трудно было с питанием. Она отправилась к Ласковичам. Они помогли ей с продуктами и предложили обосноваться в городе, устроиться с жильем, освоиться с работой, а через два месяца обещали привезти сына.

В конце сентября 1944 г. мальчик был с матерью. Ласковичи привезли Алешу, поделились картофелем, крупой, молочными продуктами, куском сала. Расставание с мальчиком для них было тягостным. Елизавета Сергеевна не знала, как и благодарить этих отважных белорусских крестьян.

Валентине Федоровне Севрук тоже пришлось разлучиться с малютой-сыном, которого она отправила за десятки километров от партизанского отряда имени Чернака в надежные руки. В.Ф. Севрук в отряде работала медсестрой, ходила в разведку, участвовала в партизанских рейдах. Не раз ей приходилось бывать в Бресте, где у подпольщиков получала оружие, необходимые сведения, просто прислушивалась к тому, о чем говорят люди, присматривалась к обстановке. Последним ее поручением в отряде была организация эвакуации раненых в Кобрин, а затем вместе с политруком роты Григорием Пираковским Валентина Федоровна преодолела долгий и опасный путь за сыном.

Комсомольцы Виль Липатов (сын командира Красной Армии), Сергей Трубецкой, Виль Пименов (сын начальника политотдела 6-й стрелковой дивизии), Николай Пелин (сын заместителя председателя Военного трибунала 28-го стрелкового корпуса) в июле—августе 1941 г. нашли в фортах вокруг города четыре ящика гранат, три ящика патронов, пистолет. Эти боеприпасы в начале сентября Надя Бобкова перевезла вместе с ними на подводе в деревню Старое Село, а оттуда — в Старосельский лес к партизанам. Этот груз очень ждали в лесу.

Николай Пелин с первых дней оккупации ни на минуту не прекращал борьбы с врагом. Устроился на работу в ресторан, который содержали поляки Зеленский и Янош, ненавидевшие фашистов. В обязанности Коли вхо-

дило приобретение продуктов в деревнях у крестьян. Для этой цели ему предоставили лошадь и телегу. Повозку комсомольцы часто использовали для вывоза оружия и боеприпасов из города. Перевозили боеприпасы из Брестской крепости на подводе в гробах. Везли на кладбище, там прятали или зарывали, а потом с оказией перевозили в деревни связным. Виль Пименов, хорошо зная радиодело, ремонтировал радиоприемники подпольщикам.

Все больше патриотов вступало в борьбу с врагом. Широлись ряды молодежного антифашистского движения.

Летом 1941 г. в комсомольское подполье вошли жены офицеров А.В. Касаткина и А.Е. Чекалина (Складчикова). Очень трогательной была дружба Антонины Касаткиной с В.А. Нестеренко. Летом 1941 г., проходя по ул. Костюшко (ныне ул. Гоголя), он заметил впереди женщину, пытавшуюся поднять лежавшие на земле деревянные ворота. В ней Василий узнал Антонину Касаткину, которую видел ранее у знакомых. Спросил, чем может ей помочь. Женщина в отчаянии сказала: «Дров нет, не могу даже сварить детям еду. Хотела взять эту часть ворот на дрова, но мне не под силу». Вдвоем они подняли ворота, затащили в сарай. Нестеренко разрубил их топором. Антонина поблагодарила его, доверительно рассказала о тяжелой жизни с детьми, о ненависти к фашистам. Василий стал помогать ей, как и многим другим женам военнослужащих. У Тони было двое детей: двухлетний Боря и годовалая Эллочка. В доме, где жила Антонина Касаткина, была свободная комната. Туда и переселились Нестеренко и его товарищ Поляков. Квартира имела два выхода. Это было удобно для работы подпольщиков. Здесь неоднократно проходили заседания бюро подпольного горкома комсомола. Квартира стала явочной для подпольщиков и партизан. Тоня вошла в состав подпольной комсомольской организации и стала одним из активных ее членов.

В сарае Василий Нестеренко соорудил хранилище для оружия, боеприпасов, медикаментов. С целью конспирации им приходилось трижды менять место жительства.

На последней квартире по ул. Комсомольской Нестеренко в темной захламленной кладовке устроил тайник. Там хранился радиоприемник, с помощью которого принимали сводки Совинформбюро. Здесь хранились также оружие, гранаты, патроны, медикаменты.

Активно участвовала в подполье с весны 1942 г. и комсомолка Анна Егоровна Чекалина (Складчикова), вдова политрука Чекалина, мать двоих малолетних детей. Местные патриоты помогли молодой матери, благополучно вышедшей из осажденной Брестской крепости, устроиться с жильем, преодолеть материальные невзгоды. 13 августа 1941 г. она родила сына, которого назвала в честь погибшего мужа Василием.

В первое время она укрывалась в польской семье Софьи Коханьской и ее 16-летней дочери Адели, позже — на Франопольских хуторах. Документы на девичью фамилию — Складчикову — ей помогли получить Павел

Петрович и Ксения Бенедиктовна Панасюки, у которых она жила до осени 1942 г. с дочерью Нинель и маленьким Василием. Сыну и дочери дали фамилию Складчиковых, сыну отчество — Егорович. Панасюки были внимательны к ней и детям, делились одеждой, обувью, продуктами питания. Одновременно Складчикова часто навещала город, устанавливала связи с патриотами. И в конце 1941 г. уже была среди патриотов города. Работала под руководством В. Нестеренко. Комсомольцы с помощью патриотов деревни Франополь перевезли семью в Брест, чем спасли им жизнь, так как по деревням вскоре прошли массовые расстрелы семей «восточников». Нестеренко подобрал ей жилье, разместил в доме, где жил сам. Определили для нее и формы борьбы с врагом. Два паспорта — городской и сельский — приобрели Анне Егоровне патриоты. Она занималась распространением сводок Совинформбюро среди молодежи города и близлежащих деревень, стала связной партизанской группы И.В. Солейко, оказывала всевозможную помощь партизанам в сборе сведений о враге в городе и деревнях, определяла настроение местного населения, участвовала в сборе медикаментов.

Она устроилась на работу в качестве уборщицы в немецкую амбулаторию, которая находилась в районе Красных казарм, недалеко от Северного городка. Из амбулатории выносила медикаменты и перевязочные материалы. Для этого у нее был нателный пояс, в который она укладывала лекарства и бинты. Особо ценные материалы заплетала в косы, клала под прическу, берет. Добытые медикаменты передавала связному партизан Степану Ивановичу Дукшею. Медикаменты хранила до передачи в отряд на квартире, прятала в поддувале печи или рядом с печью, присыпала золой. В случае провала могла сжечь «доказательство» в печи.

В одной квартире с ней жила Вера Маслова — жена младшего лейтенанта с дочерью Светланой. Ей помогли уйти в партизанский отряд имени Чернака. Вера там работала на кухне.

С помощью Е.Т. Сименковой, И.П. Чиненовой и С.В. Аношина в состав городского подполья вошла вся семья генерала Василия Степановича Попова. Девятиклассница Елена Попова свободно владела немецким языком. Первое задание Елена получила от Р.С. Радкевич: по указанным адресам и фамилиям разыскивать оставшихся в городе коммунистов, комсомольцев, приглашать их на встречи. Ей поручали переводить на немецкий язык обращения к немецким солдатам, приказы И.В. Сталина. Особенно много листовок было заброшено в воинские немецкие подразделения и в лагеря для советских военнопленных после разгрома фашистов под Москвой. Фашисты заигрывали с гражданами украинской национальности и представителями прибалтийских республик. Они освобождали некоторых из лагерей, предлагали им вступать в полицию. Надо было разъяснять этим людям, чтобы они не шли на службу к врагу, а уходили в партизаны.

Елена переводила на русский язык немецкие газеты, отдельные статьи из немецких журналов, пересказывала их содержание руководителям

партийного и комсомольского подполья, что помогало в выработке наиболее верных форм и методов борьбы с врагом. Оказывала помощь в оформлении немецких фиктивных документов для подпольщиков, спасенных военнопленных. Она заполняла бланки немецких документов, подделывала подписи руководителей учреждений оккупантов. Ни один изготовленный ею документ враг не распознал. В городских аптеках закупала медикаменты: йод, вату, бинты, лекарства по «рецептам» И. Чиненовой и Н. Ильиной.

Для подполья требовался материал с немецкой печатной машинки. Р.С. Радкевич поставила перед ней задачу — научиться печатать. Нашли Елене работу в одном из немецких кооперативов. Во дворе этого учреждения жили несколько советских семей. На работу с Е. Поповой ходила Софья Васильевна Аношина. Она убирала за Елену, а та печатала на имевшейся там немецкой печатной машинке.

Е. Попова печатала пропуска на железную дорогу, справки патриотам, уходившим из Бреста, а дома выписывала паспорта, бланки которых хранились на чердаке. У нее же хранились печати и штампы, изготовленные коммунистом Г.Я. Ревой из дерева и резины, а также справки. Очень важны были справки на освобождение военнопленных из лагерей. Патриотки с этими справками ходили к лагерной проволоке, искали своих «родных», «близких», знакомились с военнопленными, чтобы затем помочь их освобождению.

Они не только приносили продукты, в которых находились листовки, записки, но ходили к лагерному начальству и просили освободить их «мужей», «братьев», «родственников». Приносили военнопленным справки о том, что они украинцы или уроженцы западных областей Белоруссии. Иногда такого рода справки брали у старост, связанных с подпольем. Были случаи, когда под видом украинцев освобождали русских, грузин, армян, евреев. Военнопленных снабжали справками и паспортами. Эту работу вели Р.С. Радкевич и Елена Попова (друзья называли ее Лялей). Не один десяток людей вырвали они из лап фашистов. По заданию комсомольцев Елена ходила на связь с партизанами, действовавшими в Беловежской и Ружанской пущах. Доставляла медикаменты, сведения о делах в городе. Один раз при выходе из города ее остановил немецкий патруль. Ляля показала справку, что идет к больному священнику, заговорила по-немецки. Это помогло. Немец проверил документы и отпустил девушку. Если бы тогда ее обыскали, то нашли бы не только медикаменты, но и военные сведения для партизан. Осенью 1942 г. над семьей Поповых нависла угроза ареста. По совету З.И. Южной семье дали маршрут выхода в безопасные деревни, а оттуда она ушла в партизанскую бригаду Каплуна.

Жена капитана Ефима Степановича Скобелева, командира 22-го гаубичного артиллерийского полка (находился под Смоленском), Надежда Петровна обосновалась в деревне Пугачево. Летом 1941 г. связалась с подпольщиками Брестского района М.М. Шибуней, его отцом (оба погибли), С.С. Охримуком, Д.И. Овсянниковой. С их помощью вышла на Старосельский

партизанский отряд (позже имени Чернака). Стала его связной, осуществляла эту связь вместе с В. Нестеренко и Н. Шаповаловым. С лета 1943 г. до июля 1944 г. была агентом спецгруппы «Искра». Много сложных и опасных операций провела молодая женщина, в том числе изучила возможность выноса снарядов с немецкого полигона.

На железнодорожной станции Брест–Центральный действовала комсомольско–молодежная «пятерка», куда входили Иван Иванов, Володя Голубков, сын старшего лейтенанта Голубкова из 60–го железнодорожного полка НКВД, Вадим Воробьев, сын Андрея Яковлевича Воробьева, начальника линейного отдела станции Брест–Центральный, расстрелянного фашистами.

Связь между комсомольским активом города и патриотами железной дороги осуществляли Ваня Иванов и Люся Мальцева (Мещерина). На железнодорожной станции Брест–Центральный действовала антифашистская группа под руководством Зинаиды Никифоровны Рыковой, жены работника особого отдела железнодорожной милиции. У Зины были сын и дочь, через которых она связывалась с молодежными группами, выводила людей из города в партизаны. Собранные сведения для партизан она передавала комсомольцу Николаю Ушакову.

В ее группу входила жена А.Я. Воробьева и мать Вадима — Прасковья Фроловна Воробьева. Женщины с первых месяцев оккупации включились в подпольную работу, были партизанскими связными.

Боевую биографию пионер Вадим Воробьев начал с того, что часто приходил на переходной мост у железнодорожного вокзала, где видел в открытых вагонах, наполненных до отказа, пленных красноармейцев. Они стояли, сидели, лежали в изодранных гимнастерках, перевязанных ссохшимися бинтами или бельем, и даже не шевелились: не было сил. Вместе с другими людьми кидал им куски хлеба, махорку, вареную картошку, яблоки. А сам тяжело переживал смерть отца и вспоминал его последние слова: «Будь героем, сын!»

Первое, что он сделал, спрятал два пистолета отца — маленький короткоствольный браунинг и массивный маузер. А дружба с Володией Голубковым (был старше Вадима на четыре года), рассудительным и неторопливым в принятии решений, помогала продумывать способы борьбы с врагом. Ребята организовали тайник для оружия и боеприпасов. В первые дни оккупации в местах боев вокруг Граевки они нашли патроны, гранаты без запалов. Вскоре в тайнике появились бикфордов шнур и запалы.

Некоторое время Вадим Воробьев работал носильщиком на вокзале. Там в феврале 1942 г. и встретил знакомого отца, в прошлом железнодорожника, И.Б. Степаненко, руководителя первичной партийной организации «Граевская». Иван Борисович поинтересовался, чем занимается подросток, как живет семья. Узнав настроение Вадима, попросил помочь ему: выполнять роль связного между антифашистами железнодорожного

узла. Вадим с радостью согласился. Носил он записки, листовки, сводки Совинфомбюро, передавал устные просьбы по указанным адресам в районе Граевки.

Володя Голубков устроился рабочим в речной порт на пристань, обслуживал кран, который был установлен на барже, с помощью которого очищали дно реки Мухавец возле крепости. Там ему удавалось извлекать оружие со дна реки и прятать. В речном порту он познакомился с партизанским связным. К работе привлек и Вадима. Группу подпольщиков В. Голубкова направлял Анатолий Михайлович Жигимонт, секретарь подпольной комсомольской организации железнодорожного узла. Через него передали первое собранное оружие партизанам.

Вадим часто помогал Володе на барже. А в обеденный перерыв они на лодке подплывали к территории Брестской крепости, где в разрушенных зданиях и казематах находили книги, солдатские ремни, сапоги, солдатские и командирские фуражки с пятиконечными звездами. Попадались и патроны, гранаты, нашли однажды три пистолета и винтовку. Прятать их помогала Татьяна Николаевна Фомичева, работавшая до войны техническим секретарем у А.Я. Воробьева, и ровесница В. Голубкова — Люся Мещерина. Семьи Голубковых и Мещериных дружили до войны (мужья работали в НКВД). В период оккупации семья Мещериных — Анастасия Васильевна и Люся — жили у Голубковых, хотя у Марии Голубковой было четверо детей и работал только старший сын Володя, младшему было два года.

Работа на барже стала у ребят главным источником приобретения оружия и патронов. И с июня 1942 г. свои находки Володя и Вадим относили в партизанский отряд. Они вывели из города трех военнопленных.

В это время Вадиму удалось пристроиться к группе подростков продавать немецкие газеты. Коммунисты Граевки помогли В. Воробьеву получить удостоверение, разрешавшее подростку ходить по железнодорожным путям. Используя это, И.Б. Степаненко поручил Вадиму подсчитывать количество поездов, теплушек, вагонов с немцами, составы военной техники, которые в течение дня шли на восток, а также подбрасывать листовки немецким солдатам. Почти год Вадим подсчитывал, какие эшелоны идут, с чем и куда. Сведения передавал И.Б. Степаненко или его жене Галине Федоровне.

В начале 1943 г. Н.Ушаков переправил Зинаиду Рыкову с детьми в партизанский отряд имени Щорса Брестского партизанского соединения. Весной 1943 г. семья Воробьевых ушла к партизанам. Через две недели Мещерины и Голубковы тоже перебрались в партизанскую зону. Володю Голубкова определили в партизанский отряд имени Котовского, Воробьевых — в партизанский отряд имени Щорса, Прасковью Фроловну — фельдшером, Вадима — в разведгруппу ухаживать за лошадьми. С 10 сентября 1943 г. З.Рыкова и П. Воробьева стали разведчицами в своих отрядах. Зинаида Рыкова погибла 13 февраля 1944 г. в одном из боев у деревни Суббота

Малоритского района. Вадим Воробьев вскоре стал разведчиком. Его направляли в Брест к подпольщикам за сведениями, медикаментами, боеприпасами. Остановливался у Т.Н. Фомичевой, которая снабжала его медикаментами, а однажды вручила увесистый моток бикфордова шнура. Ходил он и в разведку на железную дорогу в Сварынь, на диверсии в Брест. В ноябре 1943 г. в партизанский отряд имени Щорса прибыл И.Б. Степаненко с женой Галиной Федоровной, П.Н. Грачев с сыном Женей.

На партизанском параде в лесу 7 ноября 1943 г. Вадима похвалил за службу лично Сергей Иванович Сикорский. В этом же году он получил от лица командования автомат. Вадим был награжден медалями «Партизану Отечественной войны» и «За отвагу».

С помощью Г.К. Банникова включилась в деятельность городского комсомольского подполья Дарья Ивановна Василюк (Овсянникова), жена старшины 22-й танковой дивизии. На связь с комсомольским подпольем она вышла через коммунистку, жену кадрового командира Ольгу Николаевну Ларину (Шурыгину).

В первые недели оккупации Дарья Ивановна жила в деревне Пугачево, а Ларина (Шурыгина) — в деревне Каменица Жировецкая. Вскоре обе женщины стали жить в деревне Каменица Жировецкая, вести хозяйство у пожилой женщины. Подпольщицы мечтали уйти на восток, перейти линию фронта. А когда убедились, что это невозможно, решили искать единомышленников в Бресте и Брестском районе.

Проявила инициативу О.Н. Ларина (Шурыгина). Она ушла в город, несколько дней жила у знакомых, нащупывала связи. Вернулась в деревню за Диной (так звали подруги Дарью Ивановну). И вместе пошли на торфопредприятие, где жил Григорий Банников, за получением первого задания.

Банников насторожился, так как Оля пришла не одна. Он боялся за жену-еврейку и двоих детей. Ольга Николаевна поняла его тревогу и пояснила: это наша женщина, комсомолка, человек, преданный Родине. Григорий поручил им распространять листовки в деревне Каменица Жировецкая и на Романовских хуторах. Объяснил, как следует работать с людьми. А главное — поднимать моральный дух советских людей, видеть слабости врага, возбуждать ненависть к его действиям. Просил приходиться в город, на ул. Интернациональную, указав дни и время будущих встреч.

Дарья Василюк (Овсянникова) и Ольга Ларина (Шурыгина) осторожно, но настойчиво работали с людьми. К ним потянулись крестьяне, ловившие каждое слово правды. Укреплялись связи с подпольем. Вышли на жену старшего командира Красной Армии Ю.И. Илларионову (Косову). Дину Василюк определили в «пятерку» по сбору оружия, куда входили Ираида Петровна Чиненова, Александра Павловна Ковришко. «Пятерка» имела задание — искать и прятать оружие. Возглавляла эту работу комсомолка А.П. Ковришко. Оружие искали в дотах вокруг города, находили и в городе. Посчастливилось найти оружие в деревне Аркадия в одном из дотов. Найденное

хранили у Ковришко и Чиненовой. Оружие передавали Брестскому районному антифашистскому комитету, которым руководил И.В. Солейко.

Дарья Ивановна была маленького роста, походила на ребенка-подростка, гитлеровцы ее всерьез не принимали, пропускали без предъявления документов и просмотра содержимого в мешке. Она хорошо, без акцента говорила по-украински, по-польски в зависимости от того, с кем приходилось сталкиваться. В разговоре с немцами, полицаями прикидывалась безграмотным, глупым подростком. И это срабатывало.

Дарья Ивановна носила партизанам не только оружие и патроны, но и медикаменты, отнесла партизанам и топографическую карту. Александра Ковришко работала уборщицей на почте. Женщина смелая, отчаянная. У нее были тесные связи с партизанским отрядом Чернака, с Солейко, с Владимиром Василиюком. С поручениями Дарья Овсянникова ходила к этим патриотам. Встречалась с ними в деревнях Каменица Жировецкая и Закий. Много раз виделась с И.В. Солейко. Выполняла она поручения и Кати Рыжей (так звали подпольщицу Екатерину Титовну Сименкову). По заданию Сименковой отнесла в отряд бинокль, фуражки, шерстяные носки, свитер.

Широкие связи были налажены у Дарьи Ивановны Василиюк со многими сельскими патриотами Брестского района и членами Брестского районного антифашистского подполья, в том числе с братьями Максимом и Федором Миленчуками из деревни Красный Двор.

Федор Миленчук, связной партизан, жил в городе, держал свой «продовольственный ларек», который располагался на улице Советской, ближе к Мухавцу. Ларек стал местом встреч подпольщиков и партизан.

Явочной была и мастерская на улице Куйбышева, которую держал связной Неустроев. К нему приходила «шить» пальто Дарья Ивановна. В 1942 г. к нему нагрянула полиция. В это время там была и Василиюк. Неустроев объяснил, что этой девушке и ее подруге он шьет пальто. Подруга только что ушла. Дарью Ивановну отпустили привести подругу. Она ушла из мастерской и не вернулась. Неустроева фашисты расстреляли.

Весь период немецкой оккупации в 1941 и 1942 гг. Дарья Василиюк жила в деревнях Ямно, Закий, Каменица Жировецкая, Каменица Бескупская, Заболотье, Подлесье, на Романовских хуторах, а иногда и в городе. В деревне Закий часто останавливалась у Владимира Стельмашука, в Пугачево — у Слединских, все члены этой семьи были подпольщиками или партизанами: Григорий Михайлович, его жена Вера Захаровна, сестры Вера, Надежда, мать. Трудно было жить, не имея крыши над головой, без постоянного заработка. «Сейчас даже трудно себе представить, как я моталась по району, как принимали меня люди, обогревали, делились нехитрой едой, укрывали от врага. А ведь многие знали о моей подпольной работе», — вспоминала Дарья Ивановна. В январе 1942 г. Дарью Ивановну и Ольгу Николаевну Шурыгину жители деревни Вулька спасли от полицаев, организовав им побег. Раздетые, в одних носках, они укрылись в деревне Заболотье у под-

польщиков Стельмашуков. Прибежали замерзшие, преодолев семикилометровый путь. В подобных ситуациях им приходилось бывать не однажды.

Спасала Д.И. Василюк и врожденная смекалка. В начале апреля 1942 г. вместе с молодежью деревни Каменница Жировецкая ее схватили для отправки в Германию. В бывшую синагогу (теперь кинотеатр «Беларусь») фашисты собрали сотни людей. Василюк обдумывала сложившуюся ситуацию, искала из нее выход и нашла. У нее были на руке хромо-никелевые часы, которые она забинтовывала, чтобы у нее не отобрали. Она обратилась к полицейскому по-польски: «Мне 14 лет, документов у меня никаких нет, я их еще не получала, разрешите мне сходить домой за родителями, а я в задаток оставлю вам часы». Ее отпустили.

Снова попала она в облаву на молодежь в той же деревне в конце апреля этого же года. Дарья Ивановна забежала в церковь и попросила священника об «исповеди». Но батюшка знал ее как патриотку и ответил: «Сегодня ты у меня уже четвертая, кто пришел на «исповедь». Знаю, в чем дело. Вас через алтарь, спустя некоторое время, пропустит матушка, а там вы через речку отправляйтесь в деревню Семисосны. А я помолюсь за вас». Так ей удалось спастись.

Летом 1942 г. Дарья Ивановна несла в сумке партизанам 50 патронов для ТТ и автоматов. В деревне Вулька Подгородская на мосту заметила немцев. Чтобы избежать с ними встречи, спряталась у антифашистов Марии Ивановны и Афанасия Хатаевича Захарчуков. Мария Ивановна была родом из-под Ленинграда, до войны жила в Южном городке, была женой старшины. Муж погиб. Она вышла замуж за А.Х. Захарчука. У супругов часто прятались подпольщики и партизаны, в хате был тайник между стенками, где можно было укрыться. Там и простояла Дарья Ивановна, пока хозяйка «угощала» незваных гостей.

К июню 1942 г. комсомольский актив по цепочке работал более чем со 100 комсомольцами. По связи партийной организации у них были тесные контакты с группами партизан. Связь с ними поддерживали через М.И. Прошину, Я.В. Косинскую, Ф.Г. Тронкину, Н.С. Бобкову, Д.И. Василюк. Комсомольцы организовывали побеги военнопленных из лагерей, укрывали их, отправляли к партизанам.

Под руководством Р.С. Радкевич выводом военнопленных из города занимались комсомольцы, жена командира Лидия Моргатова, командир Красной Армии Сергей Костромин и его жена Мария.

Были спасены из плена и выведены к партизанам капитан Николай Капустин (остался работать в подполье), младший лейтенант Иван Кирейцев (в партизанском отряде имени Чернака возглавлял разведку, погиб в октябре 1943 г.), лейтенанты Виктор Живчиков и Василий Иванченко — защитники Северного военного городка. Василий был тяжело ранен в ногу, лечил его врач-подпольщик Хомер в железнодорожной больнице как гражданского, а после выздоровления был переправлен к партизанам. Вывели

из плена и Василия Жука с братом Анатолием. Оба воевали в партизанском отряде имени Чернака. Василий погиб. Толе в то время было 14 лет.

Летом 1942 г. гитлеровцы нанесли удар подполью. Около 40 человек попали в фашистские застенки. Многие с детьми. В августе 1942 г. были расстреляны Лидия Моргатова, Сергей и Мария Костромины, Екатерина Милица — дочь пограничника, политрук Сергей с женой, лейтенант Семен, девушки, которых знали в подполье по именам, — Мария, Надя, Шура и Ольга, Константин Филимонович Романюк и другие.

Летом 1942 г. в руководстве подпольным горкомом комсомола произошли изменения: погиб Б. Пикус, покинула город Е. Попова, В. Нестеренко с большой группой подпольщиков ушел в партизаны. Требовалась кадровая замена.

В первой половине сентября 1942 г. на квартире Ю.И. Илларионовой (Косовой) и ее дочери-комсомолки Валентины состоялось заседание подпольного горкома комсомола, на котором был определен новый его состав: Г.К. Банников — секретарь, Н.И. Шоциц — заместитель, члены — Г.А. Аржанова, А.М. Жигимонт, Г. Меерович*.

В.А. Нестеренко с июня 1942 и по июнь 1943 г. часто появлялся в Бресте с разведывательными и диверсионными целями. А также для связи с подпольщиками Бреста и вывода в партизанские отряды патриотов, в том числе Веры Козловой, Антонины Кузнецовой.

29 мая 1943 г. В.А. Нестеренко вместе с С.И. Дукшеем пришли в город для выполнения спецзадания отряда имени Чернака. Примерно в 14 часов они подходили к Кобринскому мосту. Впереди шел Степан. Он прошел проверку немецких патрулей, а Василия Нестеренко задержали. Он бросился бежать. Его преследовали два фашиста. Отстреливаясь, он убил одного, второго ранил. Нестеренко укрылся на польском кладбище. Спрятал в кустарнике под забором свои фальшивые документы. Зашел к подпольщику Алексею Васильевичу Быкову, которому сообщил, где выбросил документы, просил их забрать и срочно попросить Антонину Касаткину немедленно покинуть город (по документам он был у нее прописан). Однако предупредить Антонину не удалось. Быков дважды приходил к Касаткиной, но не застал ее. Она вернулась поздно вечером, а под утро гитлеровцы ее арестовали и расстреляли 15 июня 1943 г. Заботу о детях Касаткиной взяли Анна Складчикова и Варвара Лосьякина. Под чужой фамилией их определили в детский приют, а позже забрала их Д.И. Василюк в партизанский отряд имени Щорса. В марте 1944 г. малышей отправили на Большую землю.

В апреле 1943 г. фашисты проводили набор молодежи для отправки в Германию. Желающих ехать добровольно не было. Тогда в городе началась облава. Молодых юношей и девушек забирали прямо на улицах, с квартир и даже с работы. Сначала их везли в городскую больницу. Когда набралось почти 300 человек, всех разместили на участке, окруженном ка-

* Отчество Мееровича не установлено.

нализационными канавами и опутанном несколькими рядами колючей проволоки. Участок располагался недалеко от железной дороги. Охрану несли полицейские и немецкие солдаты.

Подпольщики еще в больнице путем подкупа охранников пытались освободить хоть кого-либо из схваченных. Но не получилось. Тогда было решено организовать побег уже из лагеря. Выбрали 1 мая 1943 г.

Среди схваченных оказались и комсомольцы-подпольщики. В этот день около лагеря скопилось много людей, пришедших попрощаться с отъезжающими. Когда к лагерю пришли родственники и знакомые, несколько человек, воспользовавшись этим, подлезли под «колючку» и смешались с толпой. За беглецами издали наблюдали товарищи по несчастью. И когда увидели, что все сошло благополучно, сами побежали в разные стороны к проволоке. В суматохе охрана не обратила на это внимание: по лагерю шло беспрерывное хождение, так как было разрешено передавать передачи. А когда юноши и девушки полезли через ограждение, очнулись и открыли стрельбу. После этого всех, кто не успел убежать, сразу погрузили в крытые товарные вагоны. Вечером состав отправили по направлению к Белостоку. И еще 20 девушкам подпольщики помогли убежать. Среди них были Мария Пономарева и Валентина Илларионова.

Сначала девушки скрывались у знакомых, потом у родственников. В начале июня 1943 г. с помощью связных их переправили к партизанам. И с 11 июня 1943 г. Валя была в составе партизанского отряда имени Щорса, где работала санитаркой, медсестрой, а с 1944 г. — медсестрой хирургического отделения госпиталя при штабе Брестского партизанского соединения.

В июне 1943 г. В.А. Нестеренко вывез из города Анну Егоровну Складчикову с детьми под видом крестьянской семьи, приезжавшей в город за покупками в базарный день. Отвез их сначала в деревню Новые Задворцы к подпольщику Борису Соколу. Там скрывались почти сутки. Когда связные сообщили, что дорога в деревню Шербин безопасна, отправился с ними туда. И.В. Нестеренко и А.Е. Чекалина (Складчикова) были вооружены пистолетами. Около деревни Василий спрятал женщину с детьми во ржи, а сам пошел к священнику (с ним партизаны держали связь), который на утренней службе обратился к прихожанам с просьбой взять детей погибшего партизана. Их определили к Федору Андреевичу Савоюку.

А.Е. Чекалина (Складчикова) ушла в партизанский отряд, там она воевала до 10 марта 1944 г.

«У меня часто спрашивают, — вспоминала Анна Егоровна, — как это я решилась оставить малолетних детей. Да, мне нелегко было решиться на такой шаг. Я оставила дочь и сына у патриотов, чтобы не погубить их, детей комиссара, и тех, кто за них в ответе. Ушла в партизанский отряд, чтобы продолжить борьбу с ненавистным врагом. Думала, что расстанусь с детьми на месяцы, а оказалось, на долгие годы...»

В марте 1944 г. партизанское соединение А.Ф. Федорова, в котором находилась А.Е. Чекалина, встретилось с частями Красной Армии. Анна Егоровна

ровна сразу же начала поиск своих детей. Ей удалось узнать, что Нэлли и Вася по заданию партизан в январе 1944 г. были перевезены в село Родостово Дивинского района. Перевез их житель деревни Радваничи Макар Филиппович Морозюк. Когда Брестская область была освобождена от немецко-фашистских захватчиков, она написала Макару Филипповичу: «Воспоминания о партизанских днях и ночах, о треске автоматов тревожат душу и искалеченное сердце. Но все это ничто по сравнению с материнским горем. Мои дорогие дети, а ваши подопечные, все еще находятся где-то в пути. А этот путь смочен материнскими слезами, покрыт проклятиями фашистам. Ответьте, пожалуйста, на все поставленные мной в письме вопросы, помогите отыскать детей».

К сожалению, Макар Филиппович не смог ее успокоить. Он лишь знал, что ее дети в марте 1944 г. были переправлены в село Рафаловка Ровенской области. Назвал имена двух женщин-партизанок, приехавших за ними, но не мог назвать их фамилий.

Анна Егоровна поехала в Ровно. Но нигде никаких следов. Письма и телеграммы шли в Президиум Верховного Совета СССР, в Управление детских домов Наркомпроса РСФСР, в Центральный адресно-справочный стол, в Центральное справочное бюро исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца, во многие районные комитеты Коммунистической партии Ровенской и Брестской областей, в отделы народного образования.

Обратилась Анна Егоровна и к писателю Сергею Сергеевичу Смирнову: «Осмелюсь Вас просить оказать мне помощь в розыске детей. Примите во внимание мое измоленное материнское сердце. Надеюсь на Ваше великодушие...»

В мучительных поисках детей прошло 14 лет. И только в 1957 г. появилась надежда найти их. Из Центрального справочного стола Анна Егоровна получила сообщение, что ее дети Складчинский Василий Егорович и Складчинская Анеля Егоровна (фамилии изменены) были направлены в детский дом № 3 Дрогобычской области, а затем в детский дом № 1 Дрогобыча. Но там состоялась встреча только с сыном.

В горно сообщили, что в детский дом дочка не поступала.

И снова поиски, поиски. После вторичного запроса из Центрального адресно-справочного стола Анне Егоровне сообщили: «Складчинская Анеля Егоровна, 1939 г. р., 2 сентября 1944 г. была направлена в детский дом г. Острог Ровенской области. Более поздних данных не имеется». В облоно Ровно Анна Егоровна шлет телеграмму: «Срочно телеграфируйте, находится ли Складчинская Анеля Егоровна в детдоме Острога». Через несколько дней приходит ответ: «Бывшая воспитанница Складчинская Анеля Егоровна удочерена командиром Красной Армии. Адрес его неизвестен». И опять письма, запросы полетели в разные концы Советского Союза. И только в 1958 г. Анна Егоровна установила, что удочеривший Нелли Петр Васильевич Манухин жил в Подмоскowie, а затем уехал в Сибирь. Немало уси-

лий пришлось приложить Анне Егоровне, чтобы найти дочь в Сибири. Долгожданная встреча с дочерью состоялась через 15 лет после их разлуки.

Ольга Григорьевна Помисская (Нарышкина), жена командира минометного взвода 125-го стрелкового полка, из Брестской крепости ушла в деревню Новые Задворцы. Ее приняла в семью Мария Сокол. Боевая, энергичная 20-летняя комсомолка не растерялась в этой экстремальной обстановке. В июле 1941 г. в деревню пришла Екатерина Титовна Сименкова для обмена вещей на продукты питания и для выяснения положения дел в деревне, поиска единомышленников для борьбы с врагом. В городе уже сплывались и объединялись оставшиеся коммунисты. Ольга завела с нею доверительный разговор, намекнула, что делать дальше. Екатерина Титовна просила ее подождать, не спешить, самостоятельно никаких действий не предпринимать. А пока установила связь, договорилась о создании подпольной комсомольской группы. Для этого надо было присмотреться к молодежи деревни Новые Задворцы. И такая группа вскоре была создана. В нее сначала вошли Ольга Помисская, Борис Сокол и Андрей Парфенюк, а потом Саша Савчук и Николай Парфенюк.

Екатерина Титовна Сименкова познакомила группу со связным Старосельской партизанской группы Николаем Ивановичем Дукшеем. В январе 1942 г. Б. Соколу и О. Помисской удалось окончательно наладить связь с партийно-комсомольским подпольем Бреста и Брестского района. Цепочка связи с партизанами проходила через хутор Крушина, деревни Ямно, Волки, Франополь.

База Старосельского партизанского отряда находилась в деревнях Павлополь, Старое Село и Франополь. При экстренной связи выходили напрямую: Шебрин — Мухавец — Франополь.

Первоочередной задачей группа считала поиск оружия. В районе деревень Плоска и Березовка, где стояли до войны войска, они находили зарытые снаряды, боеприпасы, винтовки. Члены группы приобретали также медикаменты для партизанского отряда. Рядом с деревней Новые Задворцы проходила железнодорожная ветка, недалеко находилась станция Брест-Восточный. Здесь молодые подпольщики вели наблюдение за проходящими поездами, особенно за теми, которые шли на фронт. В эшелонах, оставившихся на станции Брест-Восточный, они в ночное время вскрывали вагоны. Старались вскрыть те, в которых можно было найти медикаменты, оружие, боеприпасы или обмундирование. Проводить эти операции было сложно и опасно. Требовались внимание, изучение всей системы и режима работы станции, расстановки охраны, ее действий. Вагоны надо было вскрыть инструментами под стук колес рядом проходящего поезда, а когда охрана находилась далеко, вынуть содержимое, притом столько, чтобы можно было сразу унести, передать товарищу и успеть закрыть вагон. Иногда невдалеке держали подводу. В операции принимало участие 3—4 человека. Все, что им удавалось добыть, передавали в партизанский отряд через Федора Лысюка, Николая Дукшея, Николая Романюка и Николая Соболя. Если добы-

ча была весомая, то ее перевозили на подводе в деревню Франополь в дом партизана Ивана Дукшея.

Ольга Григорьевна Помисская была лично связана с членами городского подполья Е.Т. Сименковой и Т.Н. Смирновой.

Весной 1942 г., когда фашисты забрали у крестьян деревни Черни мясо, яйца, сало, сметану, сушеные грибы и другие продукты, Ольга Помисская и Борис Сокол получили задание от партизан Игнатия и Родиона Антонюков уничтожить продукты, которые были складированы в деревне. С помощью Антонюков сожгли здание, где хранились продукты, не дав фашистам их увезти.

Нередко Ольга Помисская и Борис Сокол ездили на подводе в город на базар, заезжали к Е.Т. Сименковой, проживавшей на ул. Дзержинского. Здесь они получали сводки Совинформбюро, записанные подпольщиками, листовки для распространения в деревнях. Иногда брали оружие и боеприпасы от подпольщиков города, помогали патриотам уйти в партизаны. По установленной цепочке помогли В.А. Нестеренко переправить в лес Анну Егоровну Чекалину (Складчикову) с детьми.

Ольга Григорьевна приходила на связь в город и к Нине Алексеевне Комоловой. Получала от нее важные сведения для И.В. Солейко, председателя антифашистского комитета Брестского района.

В начале февраля 1943 г. фашисты обрушили репрессии на д. Новые Задворцы. Враг организовал две облавы для поимки подпольщиков и «советок». К счастью, Ольга Григорьевна сумела уйти в лес.

В партизанском отряде имени Чернака Ольга Помисская была зачислена в диверсионную группу, в которой были только мужчины. Ольгу прозвали «Ванюшкой». Командиром диверсионной группы был Николай Михайлович Епифанов, бывший подпольщик города. Группа взрывала мосты, железнодорожное полотно, ходила в разведку. Оружием Оля владела хорошо, научилась в стрелковом кружке, который работал при женсовете 125-го стрелкового полка. В Брестской крепости была одним из лучших стрелков среди женщин.

Диверсионная группа оперативно провела операцию в районе Бульковского моста. Там, на шоссе на дороге в направлении г. Кобрина, недалеко от Бульковского моста взорвали две немецкие бронемашины. Осенью 1943 г. было пущено под откос несколько военных эшелонов на Ковельской железной дороге.

Зимой 1944 г. группа возвращалась с задания. Все были уставшие. Хотелось скорее добраться до базы, согреться и отдохнуть. И тут встопятили связного, который сообщил, что в деревне Вычулки остановилась на отдых колонна мадьяр, которые чувствовали себя в безопасности, выставив слабую охрану. А в диверсионной группе было только пятеро: Николай Дукшей, Борис Сокол, Николай Соболев, Николай Романюк и Ольга Помисская. Командир группы сказал: «Я хорошо знаю и понимаю, что мы все чертовски устали. Свое задание выполнили. Но наш долг — бить врага беспощадно».

всюду и везде!» Н. Соболев, житель деревни Вычулки, хорошо знал местность. По глубокому снегу обходным путем пять смельчаков добрались к дому, где разместились мадьяры. Часового сняли без шума. Ворвались в дом и разоружили офицеров. Те посчитали, что на них напал целый батальон. И были поражены, увидев что «батальон» был из пяти человек, среди которых одна молодая женщина. Солдаты по приказу перепуганных офицеров сложили оружие и отобранные у населения продукты питания. Партизаны нагрузили полную повозку оружия, обмундирования и доставили на базу. Отважная пятерка сама удивлялась, откуда у них, смертельно уставших, нашлось столько сил, энергии для этой непростой, рискованной операции. Но удивляться было в общем-то нечему. Ненависть к захватчикам безмерно увеличивала силы каждого из них.

Весной 1944 г. О.Г. Помисской пришлось одной ехать на подводе в деревню Плоска за оружием, которое собрали подпольщики. Переодевшись в одежду крестьянки, проехала она благополучно пост на переезде Брест-Восточный. Подпольщики на дно повозки положили тол, винтовки, а сверху сено, на них уложили грабли, вилы. На случай обыска подготовила гранату. Обратный путь казался бесконечно длинным. Когда подъехала к охране 5-го форта, к повозке направились два немца со словами: «Матка, яйки!» Она молчала. Ее прошибло холодным потом. Но, к счастью, охрану окликнули на немецком языке, и они вернулись на пост. Женщина, не помня себя, погнала лошадь рысью к деревне Вычулки, где ее ждали товарищи по оружию.

В начале лета 1944 г. за линию фронта Ольге Помисской было поручено отвезти раненых Старосельского медпункта и больных из семейных лагерей деревень Поветь и Сварынь в Руфаловку Ровенского партизанского соединения. Обоз состоял из 10 подвод, около 50 раненых и больных. Сопровождала его охрана под руководством Павла Спиридонова. В населенных пунктах их продвижение направляли проводники. Везли людей по лесным тропам, через болота. Добрались благополучно, раненых и больных сохранили, сдали в госпиталь. Там получили 5 автоматов, некоторый запас боеприпасов, медикаменты. Без боев теми же тропами добрались до партизанского отряда имени Чернака Брестского партизанского соединения, которое располагалось около озера Спорово.

Вскоре их диверсионную группу направили на задание под Брест, а партизанский отряд имени Чернака пошел на соединение с частями Красной Армии. Выполнив задание, возвращались в отряд, но его местонахождение изменилось. Пришлось возвращаться в деревню Спорово, но нашли только часть отряда. Вторая его часть оказалась отрезанной. Группа в составе 18 человек решила догонять отряд в направлении Пинска и Калинкович. Немцы прочесывали лес. При переходе линии фронта за городским поселком Ганцевичи пришлось переплывать Припять. Все были на лошадях. О. Помисская плавать не умела, вцепилась в свою лошадь, но на самой середине

реки ослабленная лошадь стала тонуть. Вместе с ней и Ольга. Это заметил партизан Всеволод Следзинский. Он подплыл со своей лошадью к женщине, посадил ее на свою лошадь, а сам, подбадривая выбившуюся из сил лошадь, помогал ей, не выпуская уздечку из рук. С трудом выплыл сам и спас лошадь. Проходя через лес, группа наткнулась на мину. Погиб Всеволод, были ранены Дмитрий Макаревич, Борис Сокол, Ольга Помисская.

Взрыв в лесу услышали разведчики. Вышли на них. Определили раненых в госпиталь, а Ольгу Григорьевну направили в Белорусский штаб партизанского движения. Находясь в 180 км от деревни Поздники Чернуховского района Полтавской области, где жили ее родители, она попросила разрешения съездить к ним. Получила отпуск на десять дней и отправилась к ним. Обмундирование на ней было в основном немецкое: шинель, сапоги, только на круглой шапке-папахе красная ленточка и звезда. Когда Оля вошла в дом и ее увидел отец, он потерял сознание: давно считал дочь погибшей. В семье из куска материи ей сшили платье, которому она была бесконечно рада, так как в партизанах носила только мужскую одежду. Три дня пробыла у родителей и отправилась в Белорусский штаб партизанского движения, который находился в Новобелице около Гомеля. Отряд имени Чернака разделили на два отряда — имени Чернака и имени Фрунзе. Ольгу Помисскую определили в отряд имени Фрунзе.

А тем временем в Брестском городском партийно-комсомольском подполье продолжалась борьба с врагом.

Для успешного проведения в жизнь ответственных заданий с июня 1943 г. П. Жуликов и Г. Банников расширили и конкретизировали деятельность четырех комсомольских оперативных отрядов, которые специализировались на различных направлениях деятельности. Первая группа — сбор медикаментов и переправка их в партизанские отряды. Ответственность возлагалась на Г.А. Аржанову. Вторая группа — работа с советскими военнопленными, создание групп или одиночек, желающих уйти в партизанские отряды, поиск активистов из числа военнопленных, организация их встреч с руководством подполья. Ответственность возлагалась на В.С. Кравцову. Третья группа — приобретение оружия и боеприпасов, а четвертая — диверсионно-разведывательная. Последняя работала непосредственно с коммунистами подполья и партизанскими разведывательными группами, а ответственность за ее работу несли П. Жуликов и И. Иванов. До октября 1943 г. группы выполняли и другие задания.

В начале июня 1943 г. Г. Банников доложил П. Жуликову, что вооружение, боеприпасы и медикаменты вывозились и выносились из Бреста в район деревни Ямно и хранились на хуторе антифашиста Рыля. Группы военнопленных подготовлены к выводу из двух лагерей, найдена грузовая автомашина, которая может вывезти военнопленных за город под видом осуществления работ за городом в районе деревни Ямно. Одна из групп была вывезена. В разработке плана вывоза и передачи военнопленных в партизанский отряд участвовал И. Иванов.

Выводом советских военнопленных занималось несколько комсомольских групп: Татьяна Новиковой, Надежды Бобковой, Веры Кравцовой и Вали Бубновой.

Дочери командиров 17-летние комсомолки В. Кравцова и В. Бубнова начали подпольную работу в ноябре 1941 г. С самого начала девушкам поручали вести политическую работу среди военнопленных, склонять их к уходу в партизанские отряды. Вера была общительной девушкой, прекрасным товарищем, уберегала членов своей группы от опасности.

Поздней осенью 1941 г. Вера Кравцова и Валя Бубнова за передачу махорки военнопленным были арестованы полицией. В течение четырех часов девушек допрашивали. Они утверждали, что не знали о том, что контактировать с советскими военнопленными нельзя, обещали подобного больше не допускать. После ареста они стали осторожнее, соблюдали конспирацию. Устроились работать уборщицами в баню на железнодорожном вокзале станции Брест-Центральный.

Семья подпольщиц Кравцовых — мать Варвара Иосифовна и ее дочери — старшая Вера и младшая Надежда — жили по ул. К. Маркса. Недалеко от них по ул. Буденного жила Валя Бубнова. Несколько раз девушкам удавалось организовывать побеги военнопленных из лагеря. До августа 1942 г. их работой руководила Р.С. Радкевич. С одной из групп военнопленных встречалась Роза Степановна, другую инструктировал Г.К. Банников. Руководители побегов подтверждали готовность уйти в партизанский отряд. Военнопленным называли дату прибытия связного из отряда. Группу, примерно 15 человек, выводил на торфозавод Тельмы Иван Иванов, а дальше по маршруту деревни Закий — Антоново — Черняны уводили другие связные.

Всех военнопленных, готовившихся уйти к партизанам, комсомольцы снабжали оружием, боеприпасами и медикаментами. В начале лета 1943 г. Кравцова и Бубнова вывели из города 35 военнопленных. Вышли они по подземному подкопу из барака за территорию лагеря. Надзирателей из внутренней охраны барака организатор побега напоил водкой, которую ему вручили девушки. Через подземный проход протянули шнур. И когда с внешней стороны здания надзиратель уходил в сторону, один из пленных дергал за веревку. В это время выходил на свободу очередной пленный. После этого небольшими группами связные переправляли спасенных в лес через реку Мухавец, в обход моста.

Последний побег военнопленных Кравцова и Бубнова осуществили в ночь с 5 на 6 июня 1943 г. Военнопленные находились в лагере, который располагался в двух казармах, недалеко от Северных ворот Брестской крепости. Из лагеря военнопленных десятками выводили под охраной в город на строительные работы. Они рыли траншеи, укладывали трубы, устанавливали телеграфные столбы, чинили печи (отопление везде было печное). Работали они во дворах улиц К. Маркса, Стахановской, Буденного. Много военнопленных трудилось на железной дороге.

Девушки изучали условия их работы, охрану. Когда полицейских рядом не было, они подходили к военнопленным, разговаривали, узнавали их настроения, приносили нехитрую еду, табак. Некоторым удавалось иногда заходить в квартиры девушек, чтобы поговорить без свидетелей. На квартире у Кравцовых были Т. Игнатов, Н. Шаповалов, П. Шибаетов.

Девушки подготовили план побега. Им помогали Зоя Прохорова и Валентина Зенкина (Сачковская). Предполагалось переправить в партизанский отряд группу военнопленных из семнадцати человек. План выхода из города передала руководителю группы военнопленных Валя Зенкина в присутствии матери Веры Кравцовой, Варвары Иосифовны, которая также участвовала в обсуждении вопроса выхода военнопленных из города.

Погода была хорошая. Группа из семнадцати военнопленных благополучно вышла из лагеря: убрали часового, перерезали проволочные ограждения. Выходили по одному. Командовал операцией Тимофей Андреевич Игнатов. Немцы не сразу обнаружили побег. Десять человек своевременно переплыли Мухавец. И, выполняя все указания подпольщиков, дошли до партизанских отрядов имени Чернака и имени Фрунзе. В их числе были Н. Шаповалов, С. Возников, В. Сергеев, К. Чернов, И. Анкуров, Т. Костромовский.

Семь человек не успели своевременно переправиться через реку, заблудились во ржи. Начался рассвет. И 6 июня, в воскресенье, они замаскировались в парке (ныне парк имени Иконникова), недалеко от реки Мухавец. Пролежали там весь день. Петр Шибаетов, знавший адрес квартиры подпольщицы Зои Соломоновны Прохоровой, пришел к ней.

Прохорова рано утром пришла к Кравцовым и сообщила, что ночью у нее был один из военнопленных. Она впустила его в сарай, накормила. Он просил пригласить к нему Веру или Валю. Вера Кравцова растерялась: такой исход планом не предусматривался. Посоветовались и решили сообщить об этом Г. Банникову. К Григорию пошла Варвара Иосифовна, но он не знал, чем можно помочь.

Снова дома держали совет. Решили военнопленного переодеть, переправить в безопасное место и вывести из города. Так и сделали, и вечером 7 июня Валя Бубнова, Зоя Соломоновна и Вера проводили спасенного военнопленного. Шли по ул. Ленина до реки Мухавец. Там их ожидала лодка (об этом подпольщики позаботились заранее). Военнопленный танкист и Валя сели в лодку, Вера и Зоя Соломоновна вернулись домой.

Остальные шестеро военнопленных переплыли Мухавец в ночь с 6 на 7 июня. Голодные и уставшие, они решили отдохнуть. Залегли в кустах недалеко от Южного городка. Там их и обнаружили фашисты. Обыскали, нашли план побега и записку Вали Бубновой к партизанам.

Вечером 7 июня к Кравцовым пришла женщина, работавшая в немецкой лагерной столовой, и сообщила, что фашисты схватили шестерых беглецов из лагеря и что при них были план и записка за подписью «Валю».

8 июня в 7 часов утра Вера Кравцова пришла с работы с девочкой-подростком и узнала о случившемся. В 7 часов 30 минут вышла ее прово-

дить. По дороге была арестована и увезена в СД. Вера просила знакомую не говорить матери об аресте, но та не выдержала и в одиннадцатом часу дня пришла к Варваре Иосифовне и рассказала об этом. Мать растерялась, не знала, что предпринять, чтобы спасти дочь.

Вскоре в квартиру ворвались два фашиста из СД. «Вы мать Кравцовой?» — выкрикнули еще с порога. «Да», — ответила Варвара Иосифовна. «Если скажете, где Валя, то отпустим вашу дочь», — услышала она. Волнуясь, запинаясь, пролепетала: «Никакой Вали я не знаю. Кто к нам в эту конуру будет ходить? Сами только подумайте. Посмотрите, как мы живем». Фашисты провели тщательный обыск в квартире и, ничего не обнаружив, ушли.

А вечером 8 июня Варваре Иосифовне сообщили из лагеря военнопленных, что шесть человек были пойманы и их вернули в лагерь. Она знала, где жили Валя и ее семья, а также с кем она отправилась в партизанский отряд. Но молчала во имя всего святого. Варвара Иосифовна безутешно плакала: ведь так просила беглецов план-схему побега с собой не брать, запомнить ее и двигаться по памяти в партизанский отряд.

Она пришла в криминальную полицию узнать, что с Верой. Ей ответили, что ее дочь — политическая заключенная, и из тюрьмы ей не выйти. Потрясенная горем, мать пошла на встречу к подпольщику Михаилу Никитовичу Карпуку. Он ее познакомил с подпольщицей Верой (видимо, это была Устинова), работавшей в тюрьме. В ее обязанности входило выводить из тюрьмы женщин на работу в город для уборки квартир немецких офицеров.

С помощью Веры-подпольщицы Варвара Иосифовна носила дочери передачи, получала от нее записки. Встречи с дочерью ей не разрешали. Более двух недель Вера Кравцова подвергалась пыткам, допросам, издевательствам в тюрьме. В последней записке, которую получила Варвара Иосифовна после состоявшейся очной ставки Веры с военнопленными, дочь написала:

«Мама! Я больше Вас не увижу. Была организована очная ставка с ребятами. Немцы им обещали сохранить жизнь. Пусть они живут, а я умру. Мама, не плачьте! Берегите Надю! Она еще мала! Я не запятнала комсомольское звание. Я умираю за Родину. Пусть моя комсомольская честная кровь обогрит нашу Советскую землю! Мама, я не одинока. Я никого не выдам. Жалко твоих переживаний. Жаль, что не узнаю, что с папой, жив ли он будет после окончания войны. Мама, сохрани мои фотокарточки. Они будут тебе помогать. Нас Родина не забудет, вспомнят и товарищи. Прощайте, мама и сестра Надя.

Если будет живой папа, то передай ему дочерний привет и скажи, пусть не забывает меня. Письма не сохраняй!

И еще одно, не знаю, что с Валею, перебралась ли она с Шibaевым...»

Фашисты в ночь с 22 на 23 июня 1943 г. расстреляли Веру Кравцову. Казнили и шестерых военнопленных.

О случившемся связные рассказали в партизанских отрядах имени Чернака и имени Фрунзе. Подвиг Веры обсуждали в отрядах. Провели митинги. О том, что бойцы–партизаны обещали отомстить за героически погибшую комсомолку, писала подпольная областная газета «Заря» 22 июля 1943 г. Погибла в партизанах и Валя Бубнова.

В конце июня 1943 г., после гибели Веры Кравцовой, Валю Зенкину (Сачковскую) и Майю Кононову отправили в партизанскую зону. Там они находились до апреля 1944 г. Девушки участвовали в строительстве партизанского аэродрома, работали в деревне Сварынь в бригадном госпитале: Валя медсестрой, а Майя санитаркой.

Двое сыновей полковника, командира 333–го стрелкового полка Д.И. Матвеева — Вадим и Анатолий — являлись членами подпольной комсомольско–молодежной организации, действовавшей на железной дороге. В декабре 1943 г. оба были направлены в партизанский отряд имени Чернака: Вадим служил в разведзвезде, а Анатолий — в хоззвезде.

Группу по работе с военнопленными, работавшими на железнодорожной станции Брест–Полесский, возглавляла комсомолка Татьяна Дмитриевна Новикова (Пыхтина), жена командира. Членом этой группы была комсомолка Евдокия Алексеевна Сорокина (Зубенко), жена младшего лейтенанта 98–го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона Владимира Сергеевича Сорокина, погибшего в Брестской крепости.

Женщины включились в подпольную деятельность в октябре 1942 г. С помощью подпольщиков устроились на работу разнорабочими на станцию Брест–Полесский. Сюда, в тупики, приходили разбитые вагоны, в которых женщины наводили порядок, помогали ремонтным рабочим. Через них установили связь с партизанским отрядом имени Чернака.

На железнодорожных путях под конвоем работали военнопленные. Их состав часто менялся. Женщины знакомились с ними, определяли руководителей подпольных групп у военнопленных, передавали им листовки, выявляли их настроение, организовывали их побег. В середине июня 1943 г. готовилась к выходу очередная группа военнопленных. Партизанам при встречах докладывали, кто из военнопленных может прийти в лес, когда за ними придут связные.

Кроме работы с военнопленными подпольщицы почти каждую субботу вечером носили боеприпасы в Шебринский лес. Иногда патроны находили в хламе разбитых вагонов, но в основном их приносили подпольщики для передачи партизанам.

В условленном месте в лесу проходили встречи с партизанами. Принесенные боеприпасы складывали под большой сломанной сосной. Летом укладывали патроны в две гильзы от снарядов и прятали в муравейнике. В гильзах партизаны оставляли листовки, газеты для военнопленных. Патроны хранились на квартирах. Таня Новикова прятала их под матрацем. Это однажды увидела Анна Басте, жена лейтенанта, погибшего в Брестской крепости. Она стала рассказывать женщинам, чем занимаются их подруги.

Об этом узнала 14 июня 1943 г. Анастасия Никитина, которая тут же предупредила Т. Новикову и Е. Сорокину: «Немедленно уходите к партизанам». Женщины решили уйти, взяв с собой добытые патроны. Евдокия Сорокина успела уйти, а Таня, взяв патроны, зашла на работу, чтобы предупредить руководителя подпольной группы военнопленных об уходе к партизанам и о приходе связных за ними.

Дуся Сорокина в установленном месте Таню не дождалась. Не доходя до Кобринского моста, увидела подругу в сопровождении двух фашистов. Спасти Татьяну Новикову не удалось, ее замучили фашисты в брестской тюрьме.

Евдокию Алексеевну Сорокину партизаны определили в отряд имени Фрунзе. Поначалу Дуся выполняла хозяйственные работы: пекла хлеб, готовила пищу. Когда ознакомились с жизнью в отряде, ходила на боевые задания: уничтожала немецкую телефонно-телеграфную связь, участвовала в подрыве железной дороги на отрезках Малорита — Домачево и Брест — Ковель. И при этом, казалось, не было чувства опасности.

Но однажды испытала настоящий страх. Из отряда сбежали два предателя. В связи с этим почти весь отряд ушел в засаду, чтобы в случае наступления фашистов оказать им сопротивление. В отряде осталось 17 раненых, три женщины. Командиры взводов Сергей Лемешев и Павел Добролинский решили поменять место нахождения отряда. Перенесли раненых поближе к болоту, что примерно в 500—700 м от старого расположения. После этого Евдокия с медсестрой Еленой пошли на место стоянки, чтобы забрать кухонную утварь: сковородки, горшки, котелки. Ближе подошли к лагерю и вдруг услышали немецкую речь. Женщины так оторопели от неожиданности, что, не сказав друг другу ни слова, потихоньку пошли к болоту. К счастью, немцы их не заметили.

В кустах на месте стоянки ходила корова, принадлежавшая партизанам. Она увидела «хозяек» и пошла вслед за ними. Корова могла выдать место, где остались раненые. Женщины вернулись к болоту, рассказали обо всем командирам взводов. С. Лемешев приказал занять оборону и раненым, и женщинам. Однако немцы прошли мимо, не заметив их. После этого отряд срочно передислоцировался.

Комсомольским оперативным отрядом, который занимался приобретением оружия, руководил Борис Аношкин. Он организовал «пятерку» из девушек, проживавших на ул. Интернациональной, Краснофлотской и Советской, для выноса оружия из Брестской крепости. С лета 1942 г. в городе они были основными поставщиками оружия для партизан.

Еще одна группа под его руководством занималась диверсионной работой на созданном фашистами оружейном складе, где немецкие мастера-оружейники отбирали лучшее трофейное оружие, смазывали его и отправляли на хранение на склад, чтобы использовать для вооружения полицейских. Молодые подпольщики вместо смазки оружия техническим маслом смазывали его щелочью, приводили в негодность путем разуконплектова-

ния. Иногда удавалось бракованное оружие отправлять на хранение, а годное уничтожать или, при возможности, выносить по частям.

Храбрость Б. Аношкина была безгранична: на немецких автомашинах вывозил боеприпасы с территории крепости, в том числе разобранный пулемет. Все это он отправлял в район торфозавода деревни Тельмы. Бюро подпольного горкома комсомола вынуждено было запретить ему подобные действия во избежание провала.

Эту опасную работу комсомольцы вели до июня 1943 г., когда были арестованы пятеро смельчаков во главе с Б. Аношкиным и его одноклассником Константином Милицей, сыном пограничника. На проходной их обыскали и обнаружили разобранный автомат. Группу передали в СД. После пыток и истязаний перевели в брестскую тюрьму. Мать Бориса Аношкина, Татьяна Игнатьевна, носила ребятам еду. Передачи им поступали и от подпольщиков.

Однажды мать из тюрьмы принесла кастрюльку, на дне которой было нацарапано: «Мама, через несколько дней меня не станет. Об одном жалею, что мало сделал для своей Советской власти, мало уничтожил фашистов. Целую тебя крепко. Прощай, Борис».

Перед казнью ребята содержались в камере № 86. Отказывались выполнять режим, установленный администрацией тюрьмы. За это их посадили на три дня в карцер. На следующий день по возвращении из карцера они подняли бунт: забаррикадировали дверь камеры досками из нар. Целый день немцы не могли войти в камеру. И в ту же ночь их казнили. Другие группы Б. Аношкина продолжали работу в подполье, в том числе и группа Володи Горина.

Еще одну подпольную группу возглавлял Иван Иванов. Члены его группы выполняли задание горкома комсомола: переправляли выведенных из лагеря военнопленных к партизанам, передавали им медикаменты, выносили боеприпасы и оружие, совершали диверсии.

В июне 1943 г. комсомольцы приобрели бутылку горючей смеси. Решили ее использовать в диверсионных целях. Сообщили П.Г. Жуликову. Выбор пал на материальный склад, расположенный за электростанцией около моста через реку Мухавец, недалеко от Брестской крепости. Ваня Иванов участвовал в совершении диверсии вместе с подпольщиком-коммунистом Н.А. Дაცевичем.

В середине октября 1943 г. партизаны Иван Котляров, Антон Торбач и Ваня Иванов сожгли лесопильный завод около деревни Тришин, взорвали мельницу около русского кладбища. После выполнения задания явочная квартира подпольщицы Фокиной, где укрывался Ваня Иванов, по доносу предателя была окружена. Ивану предложили сдаться. Он открыл огонь из пистолета, вырвался из окружения. Враги его преследовали до улицы Минской. Автоматная очередь прервала его жизнь.

Активной комсомолкой была Екатерина Смирнова, учащаяся старших классов, входившая в одну из «пятерок», которые работали на железной

дороге. Катя накануне войны приехала к брату, кадровому командиру, на каникулы. Здесь и застала ее война. Брат погиб в крепости, а его жена и четырехлетняя дочь — в городском поселке Жабинка, там они скрывались от фашистов вместе с другими «восточниками».

Подругами Кати по подполью были сестры Галина и Любовь Васильевы. Особенно близкие отношения сложились у Кати с Галей. Почти 45 лет Галина хранила фото, где Катя снята с женой брата и его дочерью. На обратной стороне рукой Кати написано: «Погибли 27 октября 1942 г. Был холодный и пасмурный день, когда они вышли с мостика. Вечная Слава!»

Деятельность комсомолок направлял секретарь подпольного комитета комсомола железнодорожников Анатолий Михайлович Жигимонт, родители которого были в числе руководителей подполья.

Работали девушки на железной дороге в конторе жандармерии. Они убирали комнаты, стирали белье. Их посылали убирать железнодорожные пути, грузить уголь. Когда подпольщицы находились на полотне железной дороги, им удавалось засыпать песок в буфера вагонов. В конторе выпадала возможность подглядывать в служебные записки, переписку, чтобы передавать сведения руководителям подполья.

Екатерина Смирнова ушла в партизанский отряд имени Щорса летом 1943 г. и стала разведчицей. По заданию партизанского отряда бывала в Бресте.

В начале октября 1943 г. ее отправили в город за планом-схемой расположения всех вражеских объектов и противовоздушных установок на станции Брест-Полесский. В течение недели она находилась на явочной квартире подпольщиков Васильевых. М.М. Жигимонт и Б.С. Дзабиев выполняли задание: готовили карту-схему, наносили требуемые объекты. Но Катя в назначенное время не явилась к Б.С. Дзабиеву, так как через связного из отряда получила срочное задание связаться с П.Г. Жуликовым. Пришла она к Жуликовым и там заночевала. Но в ночь на 8 октября 1943 г. по доносу предателя СД начался массовый арест подпольщиков города по адресам их проживания. Семью Жуликовых арестовали. Схватили и Екатерину Смирнову. Она была расстреляна в числе 36 патриотов (установленных автором) в декабре 1943 г. в брестской тюрьме.

Из 119 членов ВЛКСМ — участников комсомольского подполья Бреста — 46 человек, в том числе четверо подростков, были из семей командиров Красной Армии. Из них 27 человек ушли в партизаны, в неравной схватке с врагом погиб каждый третий — 15 комсомольцев.

В рядах народных мстителей

В первый день войны Прасковья Алексеевна Горелова, помощник начальника аптеки госпиталя Брестской крепости, с племянницей Валею попала в плен. Вырвавшись из него, ушла в деревню Волынка к знакомому

фельдшеру Я.А. Пристутеку. Он помог им с питанием и одеждой, но долго оставаться у гостеприимных хозяев они не могли: семья тоже испытывала материальные затруднения. Прасковья Алексеевна ушла работать по найму к крестьянам на хутор Климовичи, что недалеко от деревни Бердычи в Брестском районе. Осенью 1941 г. вернулась с Валеи в Брест, работала уборщицей в гостинице. А в апреле 1942 г. антифашисты определили ее на работу по специальности в аптеку в местечке Томашевка. В августе 1942 г. за «хорошую» работу добилась перевода в качестве заведующей аптеки в г. п. Жабинка. Там Прасковья Алексеевна вышла на связь с партизанами Старосельского отряда (позже имени Чернака) через Василису Семеновну Селивоник — секретаря антифашистского комитета Жабинковского района. Прасковья Алексеевна систематически снабжала партизанский отряд медикаментами. Связь между отрядом и П.А. Гореловой осуществляла Людмила Антоновна Старчик, которая жила недалеко от Жабинки, в деревне Стеброво. При встречах женщины строго соблюдали правила конспирации: незаметно для других обменивались корзинами, мешочками, используя и другие способы отправки медикаментов в лес через Романа Головенчука.

Фашисты неоднократно на территории Брестской области проводили массовые расстрелы советских людей. В числе 300 человек, согнанных на расстрел 27 октября 1942 г. в Жабинке, находилась и П.А. Горелова. Ее спасли чудом, дав взятку — кусок сала. Организовал спасение врач Константин Терентьевич Зданевич. Остальные были расстреляны.

До самого освобождения Брестской области от фашистской оккупации Прасковья Алексеевна помогала партизанам медикаментами и перевязочными материалами. 15 июля 1944 г. она получила приказ фашистов эвакуировать аптеку. Прасковья Алексеевна ценные медикаменты зарыла, а менее важные передала немцам. Сама скрылась в деревне Малые Курпицы. 20 июля 1944 г. Красная Армия освободила Жабинку, а 22 июля Прасковья Алексеевна вернулась на место работы, откопала медикаменты и открыла аптеку. Первым советским учреждением в освобожденной Жабинке была аптека.

Достойной боевой подругой В.В. Шабловского, капитана, командира батальона 125-го стрелкового полка, была его жена — Галина Корнеевна. Испытаний и горя ей — матери четырех малолетних девочек (младшенькой было восемь месяцев) — пришлось перенести много: страшные дни и ночи в казематах Брестской крепости и в брестской тюрьме, смерть подруг и их детей, побои и голод.

После выхода из брестской тюрьмы Галина Шабловская, чтобы хоть как-то прокормить детей, ходила по деревням, просила о помощи. Однажды ночь ее застала недалеко от Кобрина, в деревне Турна. В избу, где ее приютили, перед рассветом пришли двое местных жителей — Т.М. Кравчук и Д.И. Борисюк. Галина Корнеевна не знала тогда, что они руководители подпольной антифашистской организации, но сердцем почувствовала, что свои, связь с которыми она искала, поэтому решила «раскрыться». Она по-

делилась с ними своими думами, желаниями быть полезной в их борьбе. Подпольщики поселили ее и детей в доме Ольги Васильевны Кравчук, которая по заданию подполья создала в г. Кобрине пять подпольных групп, насчитывавших 30 человек. В одну из них вошла Галина Корнеевна Шабловская.

Она выполняла срочные и сложные задания партизанского отряда имени Суворова бригады имени Чапаева. Ее бесстрашие, ум и выдержку заметили в отряде и поручили создание в Кобрине диверсионной женской группы. В нее вошли местные жительницы, в том числе жена старейшего коммуниста Мария Карпук и жены командиров Красной Армии. Женщины добывали для партизанского отряда оружие, боеприпасы, продукты, медикаменты, уничтожали предателей и агентов СД, распространяли среди жителей городов Кобрина, Бреста и окрестных сел сводки Совинформбюро. Почти два года изо дня в день, зимой и летом, в стужу и дождь уходила Галина Корнеевна на задания. Спасаясь от карателей, прятала своих детей в партизанских семьях то в одном, то в другом селе. Галину Шабловскую и еще двух подпольщиц выдал провокатор. В СД больше двух недель их пытали, но не смогли вырвать правды. Их замучили зимой 1944 г. в брестской тюрьме.

Вместе с Галиной Корнеевной Шабловской боролась с фашистами в этой же партизанской бригаде жена командира Красной Армии, служившего ранее в Северном военном городке в Бресте, Мария Алексеевна Холина. С 1943 г. она была связной партизанского отряда имени Орлова. Часто с Галиной Шабловской она ходила на задания. С особой теплотой вспоминала она о Галине Корнеевне. Помогали группе Шабловской и другие жены командиров Красной Армии : Вера Михайлова, Софья Гольшева.

Жена младшего лейтенанта Крупина Лидия Михайловна вышла на связь с партизанами отряда имени Орлова бригады имени Чапаева. По заданию командования бригады с октября 1942 г. работала на маслозаводе в деревне Тевли. Она снабжала отряд продуктами маслозавода. В 1943 г. работать на маслозаводе стало опасно, и ей приказали оттуда уйти, забрав как можно больше готовой продукции. С помощью партизан это задание было выполнено. Продукцию доставили в отряд Орлова. Там и осталась Лидия Михайловна Крупина бойцом. Участвовала в боевых операциях, в засадах, в «рельсовой войне», в охране отряда, который действовал в Кобринском районе, в населенных пунктах Рошица, Площины, Зосимы, Борщи, Юсимовичи, Стригово, Тевли, Турна, Кустовичи и в Дахловском лесу.

Дарья Дмитриевна Прохоренко со своими детьми и другими женами командиров Марией Яковенко, Тамарой Гугаевой, Натальей Чупахиной, Дарьей Макаренко, Натальей Гридневой, скрываясь от фашистов, ушла в деревню Острово Кобринского района. Она остановилась у подпольщика Григория Андреевича Костычука и его жены Анны Варфоломеевны. Этим людям она обязана своей жизнью и жизнью детей — Алексея и Марии. Мария Яковенко, Дарья Прохоренко ушли в партизаны. Дарья Макаренко и

Наталья Гриднева остались в деревне, поддерживали связь со связными партизан Павлом Ивановичем Лошко и Василисой Куль. Зимой 1944 г. через деревню проходили отряды С.А. Ковпака. Женщины помогали им в пополнении запасов питания, обмундирования, фуража.

Евдокия Ивановна Крестниковская — жена младшего лейтенанта 333-го стрелкового полка А.Н. Крестниковского — находилась в партизанском отряде имени Постовалова бригады имени Чапаева до 23 июля 1944 г. в должности повара. С ней в отряде были Серафима Гавриловна Долженко, жена командира Красной Армии 75-го отдельного разведывательного батальона, и Валентина Рудых, жена командира 333-го стрелкового полка.

Жены командиров Красной Армии 84-го стрелкового полка из Брестской крепости — Мария Дородных, Февронья Горевая, Любовь Зеленкова — с первых недель войны помогали группе партизан, которая располагалась вблизи деревни Антоново Малоритского района Брестской области. Любовь Зеленкова стала бойцом группы, в одном из боев с полициями погибла.

М.И. Дородных и Ф.П. Горевая весь период фашистской оккупации были связными партизан.

Римма Макаровна Ольшевская — жена капитана, командира батальона 84-го стрелкового полка П.С. Ольшевского, являлась членом Антопольской подпольной комсомольской организации, а с 1943 г. — партизанкой отряда имени Кирова Брестского партизанского соединения.

Вместе с И.К. Силуковой, женой младшего лейтенанта М.А. Силукова, партизанскими тропами шагала Татьяна Филипповна Гринь (Чулкова). В мае 1941 г. она приехала в Брест из Баку в свой очередной отпуск, чтобы повидаться с мужем, старшим сержантом Е.И. Чулковым. Он проходил в 75-м отдельном разведбатальоне действительную службу (по профессии был инженер-энергетик).

Приехав в Брест, она поселилась на квартире политрука роты Владимира Дубровского, по ул. Маяковского. Татьяне было 24 года. 22 июня она должна была выехать домой, имела на руках билет, но... началась война.

С Ириной Силуковой она ушла из Бреста в деревню Саки Жабинковского района, затем дальше, в деревню Корочня Антопольского района, а оттуда в партизаны. Ирина Капитоновна о своем первом разговоре с комиссаром отряда Александром Кирилловичем Букраба вспоминала: «Комсомолка?» — спрашивает комиссар. — «Да», — ответила я. — «Стрелять умеешь?» — «Умею, за отличную стрельбу в кружке ОСОАВИАХИМ значок «Ворошиловский стрелок» дали, да еще в школе медсестер при районном Красном Кресте занималась. Экзамены на санитарку сдала». — «Будешь санитаркой», — подытожил комиссар.

«Вот так началась моя партизанская карьера. Сумку мне дали. Медицименты на первый раз: бинты и ножницы. Снабжение ведь какое было, все трофейное, добытое у фашистов. Когда установилась связь с Большой землей, нам все необходимое доставляли. Наш отряд имени Орджоникидзе

вырос в Пинскую партизанскую бригаду. Командовал ею Иван Георгиевич Шубикидзе, начальником штаба был Георгий Аксентьевич Дорош, а комиссаром — Архип Зиновьевич Протасеня.

Сначала, помню, меня все доктором величали. Первую медицинскую помощь оказывала раненым, делала перевязки, уколы, использовала лечебные травы, а когда связь с Большой землей была налажена, прибыли в партизанскую бригаду врачи, привезли медикаменты, автоклав, инструментарий, а меня из «докторов» в рядовые санитары «разжаловали». И все равно было много работы.

На диверсии меня партизаны брали охотно. Роста я маленького была, незаметная, но сильная. В одну сумку тола положат, а рядом санитарная сумка — выдерживала».

Одним из первых заданий была разведка на железнодорожной станции. Пробралась она с Татьяной Гринь на станцию. Одеты девушки были, как нищенки, но «документы–пропуска» немецкие имели, их делали мастера в отряде. Походили они по станции, у машиниста водокачки попросились переночевать. Выяснили: на Пинск идут два эшелона с танками, а патрули проследуют на дрезине через час... Состав патруля — пять автоматчиков и ручной пулемет. Хозяин — антифашист, два сына у него с 1940 г. в Красной Армии. «Если меня, — сказал он, — в партизаны возьмете, то, уходя, мы эту водокачку взорвем».

Вернулись в отряд женщины благополучно. Доложили командиру. Похвалил он их за сведения об эшелонах, за машиниста. «Это, — говорит, — для нас находка».

— А водокачку когда «того»? — спросила Татьяна Гринь и показала большим пальцем в небо.

— «Того» будет, — усмехнулся командир, — но не сейчас. Еще рано.

Очень они тогда огорчились. Уж больно хотелось, чтобы водокачка на воздух взлетела, а фрицы без воды остались. Но командиру было виднее. Взлетела она в 1943 г.

Всякое было в партизанской жизни. «Однажды, — вспоминала Ирина Капитоновна, — после удачной операции — захвата комендатуры и узла связи в одном большом населенном пункте — гитлеровцы зажали нашу группу между двух болот, а у нас всего по несколько обойм. Кончались патроны. Фашисты осмелели, идут, орут: «Рус, сдавайся!» Мы отползаем. Справа болото, слева болото. Трех партизан ранило. Перевязала их, взяла автомат. Отстреливаюсь одиночными. Стрелял и раненый подрывник Пестрых. Нет времени даже перевязать тех, кто ранен. Все, думала, здесь тебе, Ирина, и конец. Одно утешение, что товарищи рядом, не одна. Кто-либо жив останется... И вдруг в тылу наступавших фашистов переполох. Это командир отряда целый взвод конников прислал на выручку. Клинками многих фашистов порубили наши ребята».

В этом же партизанском отряде были жены и матери командиров 75-го отдельного разведбатальона: жена комиссара В.Я. Венедиктова, погибше-

го 25 июня при защите домов комсостава Брестской крепости, Нина Кирилловна и их 13-летняя дочь Алла; Александра, жена Алексея Козлова; Евгения, жена командира роты Павлюшина; Валентина Рашевская, жена командира танкового взвода. Некоторые из них участвовали в освобождении Бреста от немецко-фашистских захватчиков.

Жена и дочь комиссара В.Я. Венедиктова, как и десятки других женщин и детей из Брестской крепости, попали в плен. Их несколько суток продержали в тюрьме. Часто в камеру врывались гитлеровцы, допрашивали женщин, пытаясь узнать, кто из них жены командиров Красной Армии, политруков и комиссаров. Венедиктовых, Козлову и других никто не выдал. И только поддержка и помощь женщин друг другу помогли им вырваться из тюрьмы.

Много горя пришлось еще пережить Нине Кирилловне и Аллочке, принявших решение идти к родителям. Только к зиме 1941 г. они добрались к матери Н.К. Венедиктовой, жившей в Полоцком районе. Нина Кирилловна вместе с младшим братом Петром Кирилловичем Короткевичем ушла в партизаны, взяв с собой Аллу.

Нина Кирилловна Венедиктова в отряде имени Орджоникидзе Пинского соединения помогала готовить пищу, рыть окопы и укрепления, ухаживать за ранеными, стирала белье, добывала продукты питания. Пробыв в отряде почти три года, пережила еще одно безутешное горе — гибель Петра Кирилловича Короткевича.

В одном из ожесточенных боев партизанского отряда с оккупантами группа женщин и детей попала в окружение и была пленена фашистами. В этой группе были Венедиктовы. И снова страдания, унижения, боль и горе. Их отправили в лагерь для пленных, расположенный под Лепелем. Фашисты пытались их вывезти вместе с большой группой советских людей в Германию, но наступление Красной Армии сорвало их планы.

В Пинском партизанском соединении в отряде имени Суворова, а затем — имени Щорса работала медсестрой Зинаида Ивановна Ситникова, жена батальонного комиссара, инструктора политотдела 28-го стрелкового корпуса.

Надежда Николаевна Сырцева, медсестра 95-го медико-санитарного батальона, накануне войны жила в Бресте по бывшей ул. Белостокской, дом № 12. В период массированного обстрела Брестской крепости ранним утром 22 июня пробраться в крепость не смогла, а примкнула к группе командиров и бойцов 6-й стрелковой дивизии, отступавшей в сторону Баранович.

При отступлении по дороге они добывали оружие, отбивались от десанта. Надежда Николаевна помогала раненым, оказывала первую медицинскую помощь. Бинты и перевязочные материалы она приобретала у беженцев и в населенных пунктах.

В Барановичах сформировался полевой госпиталь № 263.

В этом полевом госпитале Н.Н. Сырцева работала старшей операционной сестрой до начала 1942 г. Госпиталь двигался по маршруту Баранови-

чи — Слуцк — Бобруйск — Могилев — хутор Михайловский и далее в направлении городов Орел, Тула. Повсеместно шли тяжелые бои. Персонал госпиталя три раза выходил из окружения. На четвертый раз часть врачей попала в плен. Надежде Николаевне и еще трем врачам удалось выйти из окружения и вернуться в Орел.

Н.Н. Сырцева в Орле работала в подпольном госпитале с 1942 г. и до освобождения города в августе 1943 г. Подпольный госпиталь, именовавшийся «Русской больницей», был создан медперсоналом окружного военного госпиталя и предназначался в основном для лечения раненых бойцов и командиров, оказавшихся на оккупированной территории.

Сотрудники «Русской больницы» вели также огромную патриотическую работу среди населения, укрывали и лечили спасенных советских военнопленных, помогали орловской молодежи избежать отправки на каторжные работы в Германию.

Профессор, заслуженный деятель науки РСФСР С.П. Протопопов писал, что вся работа в больнице в пользу раненых имела успех только благодаря участию в ней ряда ее сотрудников, в том числе и Н.Н. Сырцевой. Она самоотверженно ухаживала за ранеными, помогала им питанием.

Сегодня на здании Орловской областной больницы есть мемориальная доска, на которой, среди других имен советских патриотов, высечена фамилия, имя и отчество Н.Н. Сырцевой.

Варвара Ивановна Кругликова, капитан, военврач 3-го ранга 455-го Краснознаменного корпусного артиллерийского полка, начало Великой Отечественной войны встретила под Брестом в летних лагерях. В составе полка с боями отступала к Кобрину, Барановичам. А затем принимала участие в обороне Орла, в освобождении Ельца. В действующей Красной Армии была до августа 1943 г.

Старшая операционная сестра хирургического отделения госпиталя Брестской крепости Наталья Гавриловна Каулевич-Кулаковская накануне войны вместе с медсестрой Надеждой Григорьевной Миндолевой были заняты эвакуацией транспортабельных больных и раненых госпиталя в Пинск. В начале войны они вынуждены были отступать вместе с Пинским военным госпиталем, а затем работали в военном госпитале № 2392 медицинскими сестрами, были донорами.

Н.Г. Каулевич-Кулаковской* пришлось и самой лечиться в госпитале. В 1943 г. она тяжело заболела — сказалось физическое и нервное перенапряжение. После выздоровления она продолжала воевать на 1-м Прибалтийском фронте старшей операционной сестрой в эвакогоспитале.

Медсестра Матрена Семеновна Кутьрь-Веселовская вместе с группой пограничников 17-го КПО вышла из вражеского окружения и продолжала

* Отец и мать Н.Г. Каулевич-Кулаковской в момент начала войны находились в Брестской крепости. Отец Гавриил Потапович Кулаковский, когда помогал выносить раненых из хирургического отделения, был убит осколком снаряда. Его имя увековечено на плитах мемориала.

воевать в 59-м гвардейском минометном полку 7-й гвардейской минометной дивизии.

Жены командиров Красной Армии были для всего местного населения деревень примером самопожертвования во имя победы над врагом. Они активно помогали воинам, бежавшим из плена, отправляли их в обход комендатур и полицейских участков, бойкотировали немецкие мероприятия, распространяли сведения о положении на фронте, с гордостью рассказывали любую весть о поражении немцев, участвовали в партизанском и антифашистском движениях, воевали в составе Красной Армии.

Жены командного состава пограничников так же, как и другие жены командиров Красной Армии, включились в священную борьбу с оккупантами.

Надежда Ивановна Ильина, жена батальонного комиссара, заместителя по политчасти 17-го КПО Е.И. Ильина, в период фашистской оккупации жила на ул. Интернациональной. Квартира ее была явочной. Работала на немецком складе теплых вещей, занималась мелкой диверсионной работой, а также выполняла задания разведывательного характера. Разведчики партизанского спецотряда Казетова с помощью связной Клавы обучили женщин по меткам, штампам на обмундировании устанавливать номера немецких воинских частей, проходивших через Брест. Клава приносила Ильиной взрывчатку и мины, которые Надежда Ивановна передавала по назначению. Одной из них был взорван немецкий склад около Кобринского моста. Иногда для выполнения задания она брала с собой десятилетнюю дочь Римму. С июля 1943 г. через нее разведчица штаба Брестского партизанского соединения Е.И. Соколова передавала поручения для подпольного горкома партии.

17 марта 1944 г. ее с дочерью арестовали, затем отправили в Германию. Мать и дочь были освобождены Красной Армией в апреле 1945 г. и вернулись в освобожденный Брест.

Наталью Михайловну Контровскую, жену лейтенанта С.А. Чувикова, помощника начальника штаба 3-й комендатуры 17-го КПО, и еще несколько семей летом 1941 г. направили на временное жительство в городской поселок Великорита, примерно в 60 километрах от Бреста. Там в заброшенном административном домике, принадлежавшем до Великой Отечественной войны машинно-тракторной станции, расположились женщины с детьми. Спали на полу, подстилкой служило сено. С питанием помогало местное население, которое постепенно разместило беженцев в белорусских, польских и русских крестьянских семьях.

А в бывшем детском туберкулезном санатории поселка Великорита в сентябре 1941 г. фашисты разместили лагерь для советских военнопленных. В нем содержались в основном тяжело раненные бойцы и командиры. Наталья Михайловна стала работать в лагере в качестве медицинской сестры. Никому из медработников и других служб лагеря оплаты никакой

не полагалось. Они за свою работу получали тарелку похлебки и работали ради спасения раненых людей.

Лагерь был большой, а обслуживало его только три врача — Лев Николаевич Гусарский, Михаил Степанович Барановский и Николай Афанасьевич Корнилов, военнопленные из медико-санитарного батальона 75-й стрелковой дивизии. Кроме Контровской медицинскими сестрами были Мария Николаева, Мария Скитневская, Мария Слободяник и Ольга Степанова, тоже военнопленные, лейтенанты медицинской службы этой же дивизии.

Осенью 1941 г. подполье лагеря связалось с местными патриотами. В морге лагеря организовали печатание листовок. Эту работу выполняли младший лейтенант И.А. Воробьев, учительница Мария Иосифовна Бугаева и Алексей Ищук из городского поселка Малорита. Иван Алексеевич Воробьев внимательно присматривался к людям, узнавал их настроение. От других он узнал, что Контровская — жена командира-пограничника, поэтому повел с ней разговор доверительно. И она с радостью включилась в борьбу с врагом. Помогала держать связь с деревенскими жителями, приглашала к себе активистов по заданию Ивана Алексеевича. Когда она стала работать зубным врачом, встречи с подпольщиками легализовались.

Почти в каждом селе были созданы подпольные группы. Эти группы в 1942 г. наладили связи с партизанским отрядом имени Ворошилова, который действовал в Малоритском и Домачевском районах Брестской области.

Н.М. Контровская стала активным осведомителем и связной отряда имени Ворошилова. Часто приходилось ей распространять сводки Совинформбюро в больнице среди работников и больных, в районном центре, в ближайших деревнях через своих клиентов и доверенных лиц. У нее была возможность встречаться с нужными людьми, которые приходили на «лечение». Это не вызывало подозрений у фашистов. Конечно, приходилось работать очень осторожно, знать, с кем можно вести подпольную работу, а кому не следует доверять. Она приобретала необходимые сведения, договаривалась о явочных домах в деревнях и на хуторах, запоминала, где и когда там могли укрываться партизаны. Кроме того, собирала и переправляла медикаменты в отряд имени Ворошилова. Часто для прикрытия брала дочь Светлану. С этой же целью девочку брал и И.А. Воробьев.

Однажды Иван Алексеевич взял у нее Светлану. Ей тогда было более двух лет.

«Мне она очень нужна. С ней мне легче затеряться среди местных крестьян», — попросил он Н.М. Контровскую. Она одела дочь получше, и он пошел с ней «гулять». Через несколько часов они вернулись. Воробьев был очень взволнован.

«Срочно переоденьте Светочку в другую одежду, не выносите ее сегодня на улицу», — сказал он матери испуганно. — Дело в том, что я распространял сводки Совинформбюро и призывы к населению в гмине, аптеке, на

базаре. В листовках наши призывы — прятать продовольствие, фураж, шерсть, скот и сырье от врага. Зашел в аптеку, разложил там незаметно листовки и сводки в коридоре и прихожей, заглянул в гмин. Там было много людей. Я сунул несколько листовок в карманы посетителям, несколько штук положил на скамейку, а остальные перед выходом бросил на пол. Света заметила, что упали бумажки, и при всех громко, по-детски, не выговаривая отдельные буквы, закричала: «Дядя Ваня, у вас бумажка упала!» Я постарался незаметно уйти, бежал по проселочной дороге, чтобы нас не приметили. И не совсем уверен в том, что кто-то из посетителей гмины не сообразил, кто распространял эти сведения. Одним словом, я вам «помог». Не одевайте ей платице, в котором она была сегодня. Спрячьте его подальше. А вдруг кто из провокаторов ее запомнил. Я до завтра тоже не покажусь на улице».

Но все обошлось благополучно. Возможно, люди заметили, кто вручал им листовки, но большинство из них поддерживало борьбу против фашистов.

6 ноября 1942 г., в момент приема сводки Совинформбюро, И.А. Воробьев был схвачен на квартире радиста Луки Пикусевича. Но подпольщикам повезло, что полиция ничего не смыслили в радиотехнике, и Ивану Алексеевичу удалось уничтожить «хитрый приемник». По этому делу было арестовано четыре человека, в том числе Воробьев. Их увезли в брестскую тюрьму. Арестованные вели себя стойко. Им удалось опровергнуть предъявленные обвинения. Но более полугодом их продержали в тюрьме и все время подвергали пыткам.

После ареста Воробьева весь медперсонал больницы, за исключением С.Т. Ильина и К.А. Ледовских, вывезли в брестский городской лагерь больных рабочих. В нем содержались советские люди, которых насильно увезли в Германию, а потом больных вернули обратно.

Лагерь больных рабочих был обнесен колючей проволокой в три ряда и охранялся полицией. Больные размещались в складских помещениях с цементными полами, спали на двухэтажных деревянных нарах. В бараках было темно и холодно. Помещения не отапливались. Люди спали, не раздеваясь. Медиков и медпункт разместили отдельно от больных, но в таких же условиях.

В лагере для больных рабочих Наталья Михайловна продолжала подпольную работу.

Весной 1943 г. она заболела сыпным тифом. Наталью Михайловну положили в городскую инфекционную больницу по ул. Московской, главным врачом которой был А.С. Путьрский, связной партизанского отряда имени Черняка. Дочь Светлана в период болезни матери продолжала находиться в лагере. Смотрели за ней совершенно чужие люди. После выздоровления Наталья Михайловна продолжала работать в лагере. 4 мая 1943 г. наша авиация бомбила Брест. Одна бомба попала и в лагерь, вызвав панику

среди охранников лагеря. Воспользовавшись этим, многие покинули лагерь, в том числе и Н.М. Контровская. Патриоты города помогли ей с дочерью найти жилье и работу, определив в стоматологическую поликлинику. Для связи с партизанским отрядом к Контровской приезжала Анна Астафьевна Некрашевская. Через нее она передавала необходимые сведения И.А. Воробьеву, который стал комиссаром партизанского отряда имени Ворошилова. Он и сам нелегально приезжал в Брест. Связь с партизанским отрядом имени Ворошилова поддерживала Наталья Михайловна вплоть до освобождения Бреста Красной Армией.

Оккупировав Брестскую область, враг, как известно, установил «новый порядок». Прежде всего репрессии направил на еврейское население.

В местечке Чернавчицы на окраине деревни проживали евреи, примерно 30 семей, около 100 человек. Фашисты их выселили из своих домов, разместили в районе нынешней Чернавчицкой больницы, в запущенном помещении, организовав там гетто. Их дома фашисты разграбили. Забрали все ценное в квартирах, вынули оконные и дверные рамы, переплеты, а также чугунные плиты на кухнях. Дома эти выглядели скелетами. Над еврейским населением издевались, избивали резиновыми палками и взрослых, и детей за малейшее неповиновение. Их водили под конвоем на строительство шоссе на дорогах, нещадно эксплуатировали. А осенью 1942 г. недалеко от местечка Чернавчицы все еврейское население Чернавчиц было расстреляно.

В разграбленные еврейские дома в 1942 г. из Мотыкальского района свезли семьи командиров Красной Армии, учителей, работников милиции, медработников, «восточников». Везли под охраной на подводах в гетто для семей командиров Красной Армии и советского актива, которое было обнесено двухметровой колючей проволокой*. Там находилось около 100 семей, примерно 300 человек. В гетто привезли также семьи военных из деревни Волчин и других комендатур.

С июня 1942 г. здесь содержались граждане нееврейской национальности.

Среди других там были жена милиционера Елена с тремя детьми, жена младшего лейтенанта, пограничника — Липа (фамилия не установлена), жена старшего лейтенанта Вера Никифоровна Рындя (Золотарева) с сыном, жена капитана Мария Никифоровна Коробко с детьми Виталием и

* Гетто — часть города, выделявшаяся в средние века в странах Западной и Центральной Европы для изолированного проживания евреев. Во время Второй мировой войны нацистами гетто создавались в ряде городов Восточной Европы, которые превращались в «лагеря уничтожения». Гетто иногда употребляется для обозначения района города, в котором селятся дискриминированные национальные меньшинства. Германские фашисты на оккупированной территории СССР создавали гетто, подобные этому, по политическим мотивам: ненависти к советским людям, и особенно к ее элите и семьям командиров Красной Армии.

Ларисой, жена старшего ветфельдшера Мария Яковлевна Науменко с детьми Александром и Григорием, жена техника-интенданта 2-го ранга Ксения Захаровна Михалкович с дочерью Эльвирой, жена политрука И.Д. Кадацкого.

Жить в гетто было очень трудно: выходить за пределы трехкилометровой зоны не разрешалось. В случае необходимости нужно было брать справку-разрешение у солтыса. Жыли по семь-восемь семей в одном доме.

Питание было очень скудное. Хлеба (почти на половину с опилками) давали по 100 граммов на человека. Еду в гетто готовили по очереди на семь-восемь семей, которые жили в одном доме. Под охраной водили женщин на строительство дорог, военных укреплений. Многие от непосильного труда умирали.

В гетто ни на один день не прекращалась антифашистская борьба, которую возглавляли Мария Коробко, Мария Науменко, Ксения Михалкович и другие активисты.

Антифашистскую работу вместе с М.Н. Коробко и другими женами командиров в деревне вела и Лилия Адольфовна Янчук. Она с дочерью-подростком Ниной приехала из Ленинграда в 1940 г. на родину родителей мужа. Здесь их застала война. В 1941 г. Мария Коробко с Лилией пошли к леснику в деревню Волчин за разрешением на приобретение дров, получили справку и возвращались в деревню Яцковичи. Навстречу им ехали восемь полицаев на велосипедах. Женщин остановили и стали расспрашивать, кто они, откуда, как оказались на дороге. Лилия отвечала дерзко. Это не понравилось полицаям, и они, избив ее палками, вернули в деревню Волчин. Мария просила полицаев отпустить их, потому что их ждут дети. На это один из полицаев ответил: «Если хоть один ребенок подойдет, все будет меньше одним коммунистом». В деревне Волчин подтвердили, что женщины действительно приходили к леснику по необходимости. Их отпустили. Лилию Адольфовну хотели отправить в Германию. Мария Никифоровна с помощью Варвары Васильевны Бассо приобрела ей справку о том, что она больна туберкулезом. Отстоять Нину Янчук и еще восемь семей жен командиров не удалось: их увезли в Германию. Только смелая, отчаянная, как и мать, Нина бежала из эшелона и скрывалась в деревне у местных крестьян. В послевоенное время Лилия Адольфовна и Нина Янчук переехали жить в Ленинград.

Когда в июле 1944 г. фашисты отступали, по заданию партизан жители деревень на подводах вывезли население гетто к реке Лесная, чтобы не случилось беды, ведь фашисты могли расстрелять женщин и детей. Местные крестьяне и партизаны взяли их под свою защиту.

Так, благодаря совместным усилиям партизан и местного населения в местечке Чернавчицы были спасены жизни около 300 советских людей, загнанных фашистами в гетто.

Подпольщицы Р.С. Радкевич и А.М. Бабушкина, жена командира-пограничника, с большим трудом, скрываясь от СД, покинули в августе 1942 г.

Брест. Роза Степановна предложила идти в Новогрудок к ее родственникам. Много людского горя увидели они, пока добрались туда. В этом городском поселке, на ул. Спортивной, жил двоюродный брат Р.С. Радкевич — К. Щаснович. Жили в семье Щасновича на нелегальном положении. С партизанами здесь им связаться не удалось, поэтому в октябре 1942 г. по рекомендации патриотов ушли в райцентр Городище к Марии Жданович. В ноябре 1942 г. фашисты стали вывозить советских людей в Германию. Возникла опасность, что их могут схватить. Мария Жданович направила женщин в деревню Литаровщина Кореличского района к крестьянину Ивану Захаровичу Сапего. Сестра Ивана Виктория устроила им встречу с начальником разведки партизанского отряда имени 1 Мая Анатолием Крутовым, который помог определиться на работу в полицию в Городище: Роза стала поваром, Анна — уборщицей. Во время пребывания в райцентре они выполняли задания партизанского командования.

Осенью 1943 г. в Городище начались новые аресты. Женщин отозвали в отряд имени 1 Мая. Спустя некоторое время Анну Михайловну перевели в отряд имени Буденного помощником комиссара по комсомолу.

Комиссар отряда Н.В. Лукашевич познакомил Бабушкину с молодежью отряда, отдельными связными, с обстановкой в населенных пунктах. Людей и местность он хорошо знал, так как был уроженцем деревни Кобыльники Кореличского района. Он и помог ей включиться в комсомольскую жизнь отряда.

Партизаны отряда имени Буденного спускали под откос вражеские эшелоны, сжигали склады, взрывали автомашины.

В боевых действиях нередко принимали участие связные и подпольщики. Население делилось с ними последним куском хлеба, всячески поддерживало народных мстителей, срывало мероприятия оккупантов. Связные постоянно следили за действиями противника и информировали командование отряда.

Гитлеровцы не раз проводили карательные экспедиции. Тогда отряд вступал в борьбу совместно с партизанскими отрядами «Грозный», имени Котовского, 1 Мая, имени Суворова. Объединенными силами вели бой в деревнях Головичи, Большая Своротва, Пархимовщина, Новинки.

В конце 1943 г. отряд имени Буденного влился в бригаду «25 лет БССР». В отряд прибыла секретарь Городищенского подпольного райкома ЛКСМБ, жена пограничника, Лидия Ивановна Шумская. Партизаны звали ее «Оксаной». Познакомилась с ней и Анна Бабушкина, убедилась, что Лидия рождена для комсомольской работы: столько в ней энергии, силы и мужества! Она была настоящим вожаком молодежи, умела зажечь сердца молодых и вдохновить их на подвиг. В самые трудные минуты «Оксана» не падала духом, сохраняла спокойствие и выдержку.

В начале января 1944 г. Барановичский подпольный обком комсомола утвердил А.М. Бабушкину секретарем Барановичского подпольного горкома ЛКСМБ.

В городе Барановичи действовало десять антифашистских групп. Через них подпольный горком комсомола вел разъяснительную работу среди горожан. Снабжали подпольщиков материалами о положении дел на фронтах, предупреждали население о готовящихся облавах. Подпольные горком партии и горком комсомола в своих листовках неоднократно обращались к населению с призывом не поддаваться на фашистскую провокацию, спастись любыми путями от угона в Германию, не вступать в «Белорусскую краевую оборону», не являться на их призывные пункты. «Все, как один, поднимайтесь на борьбу против фашистских захватчиков, идите в лес, под защиту партизан!» — так заканчивалось каждое воззвание.

Для срыва вражеской мобилизации подпольщиками практиковалась засылка на призывные пункты своих людей, которые разъясняли, что их отправляют на каторжные работы и что работать будут на фашистскую Германию. После этого многие из «призывников» уходили в партизаны. Активно действовали в городе Барановичи Стефан Стефанович, его сын Георгий, Николай Рутько, Янина Борщевская, Вера Руцкая, Борис Руцкой, Михаил Вашко и др. Они передавали ценные сведения о размещении гитлеровских войск, их объектов, распространяли подпольную литературу. Полученные сведения Анна Михайловна передавала в обком комсомола, командованию отряда и бригады.

А.М. Бабушкиной неоднократно приходилось бывать в группе подрывников, которую возглавлял комсомолец А. Криштофик. Это был смелый партизан. Он пробрался на квартиру заместителя барановичского бургомистра, взял его живым, вывез из города и доставил в штаб Первомайской бригады. Вражеской разведке удалось установить фамилию смельчака. Тогда оккупанты повсеместно объявили: «Кто сумеет поймать и доставить Криштофика живым или мертвым, тот получит пять тысяч марок». К сожалению, нашелся предатель. Жил он на хуторе в восьми километрах от Баранович. У него в доме иногда встречались подпольщики с представителями отрядов, бывал здесь и Анатолий Криштофик.

Однажды подпольщики городского комитета комсомола собрались на хуторе и договорились об очередной встрече с Жуковым, начальником особого отдела бригады. Наметили дату на конец апреля. Хозяин подслушал этот разговор и донес оккупантам. Ему важно было заполучить обещанную сумму (о его провокаторской деятельности стало известно после войны на судебном процессе). 29 апреля 1944 г. у хутора гитлеровцы устроили засаду, рассчитывая, что подпольщики напрямую придут туда. К счастью патриотов, Жукова в назначенном месте не оказалось, и они повернули в сторону.

Каратели, заметив это, открыли пулеметный и автоматный огонь. Лошади были убиты. Анна Бабушкина упала и не могла подняться. На помощь ей подскочил Криштофик. Только благодаря темноте им удалось скрыться. Анна Михайловна с благодарностью вспоминала благородный поступок Анатолия Ивановича Криштофика.

В мае 1944 г. Е.В. Попова, секретарь Барановичского подпольного обкома КП(б)Б, предложила А.М. Бабушкиной переехать в отряд имени Пономаренко бригады имени Рокоссовского, чтобы оттуда руководить подпольной работой в Барановичах. Дислоцировалась бригада в Слонимском районе (от Налибокской пуши более 100 километров). Сопровождали их пять партизан. Все ехали верхом на лошадях. У каждого за спиной, кроме автоматов, было по 16 килограммов тола.

До железной дороги Барановичи — Вильнюс добрались благополучно. А перейти ее оказалось довольно сложно: она тщательно охранялась фашистами. Решили подойти по болоту пешком и проскочить возле станции Молчадь. Лошадей поручили провести Константину Бенько. Едва они перешли железную дорогу, как услышали автоматную очередь. Под огнем оказался Константин. Он погиб.

В Барановичи Анна Михайловна ездила под видом крестьянки со связной из деревни Серебрище Анной Стефанович. Всю подпольную литературу прятали под днище повозки. Как правило, в повозку загружали продукты для продажи на рынке.

В городе Бабушкиной поручили установить месторасположение вражеского аэродрома. В этом помог ей Михаил Ивашкевич. Он отвел ее к своим знакомым, которые жили за городом возле кладбища, где, по мнению подпольщиков, должен был располагаться аэродром. Передали сведения партизанам. Ровно в 23 часа налетели советские самолеты и нанесли удар по «ложному» аэродрому. Позже подпольщики сумели определить координаты настоящего аэродрома, складов с бензином и боеприпасами. А.М. Бабушкина эти сведения передала Е.В. Поповой, которая направила их по назначению. И 29 мая 1944 г. подпольщики стали очевидцами того, как советские самолеты наносили удар по действующему аэродрому и другим военным объектам противника.

После возвращения из Баранович Попова и Бабушкина прибыли в отряд имени Ворошилова, который находился в лесу около деревни Блошня Новомышского района. В это время сильные бои с карателями проходили в лесу «Волчи норы». Часть партизан прорвала блокаду и вышла к отряду имени Ворошилова. Враг продолжал преследовать их. 19 июня фашисты окружили лес, где находился отряд. Партизаны заняли круговую оборону на опушке. Гитлеровцы открыли огонь из всех видов оружия: минометов, пулеметов, автоматов. Снаряды рвались вблизи партизан. Разрывные пули трещали прямо над их головами. Но фашисты в лес не пошли. С наступлением ночи партизаны вырвались из окружения. В этом ночном бою погибло много партизан.

8 июля 1944 г. в 6 часов утра партизаны встретились с воинами Красной Армии. Радость была неописуемой. Люди обнимали друг друга, поздравляли и плакали от счастья и не стеснялись своих слез.

А.М. Бабушкину постоянно волновала мысль: где сын? Что с ним случилось? Жив ли он? С нетерпением ждала она того дня, когда будет осво-

божден Брест. И вот этот час настал. И снова тревога: семья поляков Дребязгевичей, у которой остался ее сын, сменила место жительства.

Разыскать помогли бывшие подпольщики Бреста Т.Н. Смирнова и А.И. Хромова. Оказалось, Дребязгевичи переехали в Вильнюс. А добрые, отзывчивые люди решили, что Бабушкина погибла, и усыновили Игоря. Его стали называть Богусем. Встреча была трогательной. Перед матерью стоял мальчик пяти лет, носящий другое имя и фамилию. Глаза ее наполнились слезами... На прощание она сердечно поблагодарила эту добрую семью за спасение ее сына.

Жена начальника 3-й пограничной заставы 17-го КПО старшего лейтенанта В.М. Михайлова — Анна Викентьевна воевала с немецко-фашистскими захватчиками в партизанской бригаде имени Фрунзе в спецгруппе майора Н.Н. Богатырева с октября 1942 г. по 13 июля 1944 г. Она вспоминала: «Очень трудные годы пережил наш советский народ в годы Великой Отечественной войны. Мне тоже выпала сложная судьба. В период войны я не только потеряла мужа, но и младшенького сына — Толика, которому до войны было год и восемь месяцев. В момент начала войны я была у родных мужа в Смоленске, лежала в больнице, а семья находилась в деревне Новоселки, в 17 километрах от Бреста, в Высоковском районе. Как выяснилось позже, семьи командиров с детьми попытались эвакуировать, отправили женщин и детей на подводах, где находились и мои семилетний Витя и младший Толик. Обоз с детьми и женщинами попал под бомбежку. После полного освобождения Белоруссии в 1944 г. я нашла только старшего сына у чужих людей, которые приютили и сберегли его. Но до счастливого дня освобождения нужно было еще долгое время вести борьбу с фашистами».

Много интересного она рассказала о своей борьбе с врагом на оккупированной территории. Враг занял и Минск, и Смоленск. Не могла смириться с фашистской оккупацией. Очень тяжело было сознавать, что Родина под вражеским сапогом и ничего неизвестно о судьбе детей, мужа. А.В. Михайлова с огромными трудностями добралась из Смоленска в свою родную деревню Жабичи Логойского района Минской области. Твердо была уверена, что здесь среди своих односельчан ей легче будет установить связи с подпольщиками или партизанами. К борьбе с врагом Анна Викентьевна была подготовлена, так как на заставе жен командиров научили ездить на лошадях, ухаживать за ними, стрелять из винтовки, карабина, автомата, пистолета, обучили обращению с пулеметом. Там она приобрела навыки санитарки и медицинской сестры.

В 1942 г. А.В. Михайлова стала бойцом спецгруппы, в которой выполняла сложные задания: была подрывником, разведчицей и агитатором. Отряд действовал в Вилейском, Логойском, Борисовском, Узденском районах Минской области. В районах действия спецгруппы по заданию командования распространяла листовки. С партизаном Сергеем Ермаковым выезжала несколько раз за собранным патриотами оружием в г. Минск, на встречу с Тамарой Федоровной Должицкой. Приезжали на подводе, у которой сни-

зу был устроен тайник. Туда укладывали винтовки, пистолеты, медикаменты, а сверху размещали различную домашнюю утварь: диван, стулья, табуретки, тумбочки и прочее. И под предлогом переезда семьи из города в деревню перевозили оружие для партизан. Особенно часто приходилось это делать в первые месяцы партизанской борьбы, когда испытывали острую потребность в оружии. С отрядом в 20 человек под командованием Александра Александровича Рощина ходила она в район Вилейки — Куранец взрывать мост. Задание было опасным. Пришлось вступить в бой с большим отрядом фашистов. Потеряли убитыми троих товарищей, двоих в этом бою ранило. Задание командования было выполнено. Тяжело переживала гибель Н.Н. Богатырева в одном из боев.

Анна Викентьевна была вторым номером у пулемета, а иногда и первым. Учитывая это, ее часто брали на боевые операции. Участвовала она в разгроме немецкого гарнизона в Вилейском районе. Приходилось ей вместе с другими партизанами под напором фашистов до десятка дней без пищи и огня скрываться в болоте Палик Узденского района. При отступлении враг особенно зверствовал. «Трудно теперь вспомнить даже основные боевые операции, в которых мне пришлось участвовать, — говорила Анна Викентьевна. — Но помню, что страха перед врагом я почти не испытывала, потому что боль утраты семьи, горе моего народа было сильнее. Я очень понимала, что эту боль можно погасить только в борьбе с врагом ради освобождения родной Отчизны».

Жену погибшего пограничника, политрука П.В. Пшеничного — Марию Петровну — в первые дни оккупации приютила Фекла Прадюк, проживавшая в селе Шикели Брестского района. Фекла Наумовна до войны работала прачкой на заставе, знала Марию Петровну, ее мужа. И хотя у нее самой была семья из шести человек, Фекла Наумовна поделила с Марией Петровной и хлеб, и соль, и кров.

Вскоре через предателя враги узнали, что Мария Петровна — жена политрука, «советка», и ее гитлеровцы бросили в концлагерь Бяла-Подляска. Польские друзья организовали ей побег. Но первая попытка оказалась неудачной. От побоев, пыток и издевательств у Марии Петровны Пшеничной начались преждевременные роды. Врач-поляк спас ей жизнь, определил в больницу. Учительница, находившаяся с ней в больнице, принесла одежду, помогла уйти из больницы незамеченной. Крестьяне переправили Марию Петровну на лодке через Буг. Темной, дождливой ночью она снова нашла приют в доме Феклы Наумовны Прадюк. Состояние здоровья Марии Петровны было плохое, поэтому жила у Феклы Наумовны до полного выздоровления, а в декабре 1941 г. ей помогли уехать к матери в деревню Гошошки Слободского сельсовета Минской области.

Летом 1942 г. М.П. Пшеничная связалась с партизанским отрядом имени Жукова бригады «Штурмовая». Отряд действовал на территории Заславльского района Минской области, базировался в Маньильских лесах. «Я как и миллионы других советских людей, — говорила Мария Петровна, — счи-

тала своим священным долгом оказывать посильную помощь тем людям, которые боролись за освобождение Родины, за что отдал жизнь очень дорогой мне человек Павел Владимирович Пшеничный».

За время работы связной Мария Петровна Пшеничная распространяла листовки партизан в Заславле. Там стоял немецкий гарнизон. Она помогала снабжать партизан солью, махоркой, хлебом, бельем, стирала партизанам одежду, подрывникам готовила пищу, шила маскировочные халаты и плащ-палатки, выполняла и другие хозяйственные работы. Из дома ее матери подрывники часто уходили на диверсии на железную дорогу. Иногда отправлялась в ближайшие деревни для сбора разведданных.

Марии Петровне запомнился один трагический эпизод.

Однажды ночью зашли подрывники в дом к ее матери, поели, взяли приготовленные для них маскировочные палатки и ушли к железнодорожному полотну. В этой операции им удалось спустить под откос немецкий эшелон, и по дороге назад они остановились на отдых снова в той же деревне, но в другом доме.

Немцы их обнаружили и с собаками подошли к дому. Окружили партизан. Завязался бой. К фашистам подоспела помощь. Дом, в котором находились партизаны вместе с хозяевами, фашисты сожгли. Погибло много людей. Всю молодежь, которая не ушла к партизанам, фашисты угнали на каторгу в Германию. На этот раз только счастливый случай спас М.П. Пшеничную и ее семью.

Лидия Захаровна Полякова, жена А.Ф. Бородина, начальника 14-й погранзаставы 17-го КПО, младшего лейтенанта, стала партизанкой отряда имени Валькова Брестского партизанского соединения. Занималась печатанием листовок, участвовала в минировании шоссежных дорог.

Подпольщики Бреста А.И. Хромова (жена начальника штаба артиллерии 62-го Укрепленного района) и Г.Я. Рева с двумя солдатами, освобожденными из лагеря военнопленных, в связи с нависшей угрозой ареста в июне 1942 г. ушли к партизанам в Беловежскую Пущу. Там встретили небольшую группу военнослужащих. Обговорили с ними сложившуюся ситуацию и решили идти к линии фронта, чтобы связаться с Москвой. К группе А.И. Хромовой и Г.Я. Ревы присоединились еще 9 человек.

По пути движения они ликвидировали две засады полицейских, двоих ранили. Спустили под откос узкоколейный поезд с бревнами, который сопровождали полицейские. Вели бои с полицейскими в районе Старобина в течение часа. Погиб Василий Зайцев.

В Полесской области около деревни Комаровичи их задержали партизаны-разведчики и доставили в партизанское соединение к В.И. Козлову. Он выслушал их, предложил дальше не двигаться, оставаться с партизанами и написать отчет о состоянии дел в г. Бресте и области. Отчет был написан 19 августа 1942 г. Это было первое сообщение для Центрального и Белорусского штабов партизанского движения о деятельности Брестского подпольного горкома партии и партизанском движении на Брестчине.

А.И. Хромову и Г.Я. Реву отправили в отряд Михайловского. В отряде Александра Ивановна проводила политическую работу с бойцами, ездила на заготовки продуктов, участвовала в засадах, в том числе 4 ноября 1942 г. — во взрыве моста на реке Птичь. 17 ноября 1942 г. А.И. Хромову и Г.Я. Реву перевели в отряд Кравца. Там, до 10 марта 1943 г., Александра Ивановна была секретарем партийной организации отряда. За это время в отряде организовали стенную газету, выпустили 14 номеров, приняли в члены и кандидатами в члены ВКП(б) 10 человек. Проведено 23 собрания с населением. 9 декабря 1942 г. она участвовала во взрыве железнодорожного моста на реке Бобрик, что между станциями Птичь и Старушка; 20 февраля 1943 г. — в бою за деревню Гребово, который длился 7 часов, было убито и ранено более 200 немцев.

В марте 1943 г. на Полесье прибыл С.И. Сикорский. Он направлялся в Брестскую область с оперативной группой как уполномоченный ЦК КП(б) для объединения партизанских формирований на Брестчине и расширения их деятельности. Вместе с ними в Брестскую область вернулись А.И. Хромова и Г.Я. Рева. 1 июня 1943 г. штаб Брестского партизанского соединения направил А.И. Хромову и Г.Я. Реву с группой бойцов в Кобринский, Жабинковский, Дивинский, Домачевский, Малоритский, Брестский районы и Брест для установления связей с имеющимися партизанскими отрядами и штабом Брестского партизанского соединения.

Вскоре установили контакты с партизанскими отрядами в Старосельском и Малоритском лесах, их объединили в бригаду имени И.В. Сталина. В Малоритском лесу создали инициативную группу в составе 8 человек, присвоили отряду имя Г.К. Жукова, а через две недели отряд насчитывал уже более 150 вооруженных бойцов.

По заданию С.И. Сикорского, командира Брестского партизанского соединения, секретаря Брестского подпольного обкома партии, А.И. Хромова дважды в июне 1943 г. посещала Брест с целью налаживания связи с партийно-комсомольским подпольем во главе с П.Г. Жуликовым. Она вышла на руководителей подполья — Жуликова, Серафимовича, Южную, передала задание штаба — приобрести план г. Бреста с немецкими военными объектами, дать список коммунистов, комсомольцев и актива подполья, организовать вывод ряда семей «восточников» из Бреста, в том числе и семью С.И. Сикорского — жену и троих детей. А.Г. Серафимович передал Александре Ивановне 60 тысяч рублей, собранных его подпольным центром на оборону страны, которые она вместе с добытыми сведениями передала в штаб соединения.

В июле 1943 г. А.И. Хромову направили в партизанский отряд имени Щорса секретарем партбюро. Прибыв в отряд, она активно включилась в политико-воспитательную работу: выпуск боевых листовок по ротам, создание групп агитаторов в количестве 15 человек для работы среди населения, обеспечение их сводками Совинформбюро. В члены и кандидатами в члены ВКП(б)

было принято 7 человек, с помощью которых создали антифашистскую группу у кабардинцев, служивших немцам и охранявших Брест–Московскую железную дорогу, 4 человека из них пришли в партизанский отряд.

Вели переговоры с полицаями из деревни Запруды, 20 человек из них помогали отряду. Установили контакты с руководителем польской военной организации паном Литвиновичем, оказали помощь его людям в городе. В деревне Радостово организовали семейный лагерь для женщин и детей, обеспечили их на месяц продуктами питания. Вместе с комиссаром отряда провели в деревне Сварынь демонстрацию, посвященную 7 ноября.

Александра Ивановна передала через связных Кобрина задание — подорвать нефтебазу. Задание было выполнено: взорвали нефтебазу и немецкий госпиталь. А.И. Хромова 15 июля 1943 г. участвовала в засаде на Брест–Московской железной дороге, а 23 августа 1943 г. — в подрыве воинского эшелона. Обе акции прошли успешно.

Брестский подпольный обком партии 8 сентября 1943 г. послал ее в Антопольский район в качестве секретаря подпольного райкома партии, где также проявились ее высокие организаторские способности, деловитость и обостренное чувство долга перед Родиной.

В Антопольском районе, куда прибыла Александра Ивановна Хромова и на территории которого находился партизанский отряд имени С.М. Кирова, не было ни одного коммуниста. Начала она с создания комсомольской организации, в которой состояло 12 человек. И вместе с молодежью включилась в проведение политико–воспитательной работы среди населения.

На общем собрании отряда избрали редколлегию в составе 5 человек, выпускали каждую неделю стенную газету «За Победу», боевые листки, в которых освещали боевые действия отряда и отдельных партизан, проявивших мужество и отвагу в бою.

Создали группу агитаторов в количестве 12 человек из партизан. Агитаторы работали не только в отряде, но и среди мирного населения. Инструктаж агитаторов проводила А.И. Хромова.

В отряде был радиоприемник. Ежедневно принимали сводки Совинформбюро, размножали их на печатной машинке по 100 экземпляров и рассылали во все населенные пункты Антопольского района и в гарнизоны противника, распространяли подпольную областную газету «Заря» и листовки, сброшенные самолетом.

С момента начала работы А.И.Хромовой в Антопольском районе было организовано распространение среди населения 21 тысячи экземпляров сводок Совинформбюро и 5 тысяч экземпляров различных листовок с обращениями к населению и полиции. Проведено около 350 собраний и бесед с общим охватом более 18 тысяч человек.

В каждой деревне с начала Великой Отечественной войны было много людей, не сомневавшихся в победе Советского Союза. Одни уходили в леса, пополняя партизанские отряды, другие оставались в деревнях, чтобы

оказывать помощь партизанам, спасать военнопленных, давать партизанским отрядам продукты. Их тоже нужно было организовывать и направлять.

На собраниях в деревнях райком партии призывал население не сдавать немцам хлеб, молоко, мясо и фураж, не ходить на работы, а при приближении противника уходить в леса, прятать хлеб и имущество в землю. Для выполнения этой задачи организовали антифашистские подпольные группы.

Первые антифашистские группы были созданы в деревнях: Демидовщина — из 4 человек, руководила Вышинская Вера; Таракань, насчитывающая до 300 дворов, — 22 человека, инициаторами ее создания были Степан Соколовский — директор школы (погиб в бою при соединении с Красной Армией), Алексей Соколовский — секретарь сельсовета и Гайчук Федосий; Одырка — 2 человека и Мазуры — 5 человек.

Эти первые антифашистские группы помогли организовать актив и в остальных деревнях Антопольского района. Всего их было 33, в состав которых входило около 200 человек.

Антифашистские организации подготовили резерв из местного населения в количестве 350 человек для вступления в партизанский отряд. В течение двух дней отряд вырос на 150 человек. Остальные 200 человек находились в резерве и, по мере поступления оружия, зачислялись в отряд. Резерв создавался за счет молодежи и мужчин среднего возраста, состоявших в подпольном активе.

Антифашистские организации собрали средства на танковую колонну (70 тысяч рублей), передали их в штаб Брестского партизанского соединения.

Наряду с подпольным активом в районе был организован и открытый актив, который охранял деревни: выставлялись секреты и разведка, осуществлялась связь с соседними деревнями. В случае продвижения противника к деревне дежурный верховой предупреждал население, и люди немедленно уходили в лес, в болота, в деревни, занятые партизанами. Другой дежурный по связи из деревни в деревню сообщал партизанам о продвижении противника. Отряд выдвигался в засаду, заставляя противника уйти обратно в свой гарнизон. Таким образом, благодаря организованному открытому активу партизанскому отряду удалось держать район в своих руках, спасти народ от угона в Германию, уничтожения и грабежа.

В течение 1943 г. и в 1944 г., до прихода Красной Армии, большинство деревень Антопольского района не сдали врагу ни грамма зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

Открытый актив и антифашистские организации деревень совместно с населением производили раскопку тракторных дорог и уничтожали мосты, соединяющие деревни с гарнизонами противника с целью задержать продвижение противника и дать возможность населению уйти в лес.

В начале декабря 1943 г. открытый актив и антифашистские организации помогли собрать теплые вещи в подарок партизанскому отряду имени

Кирова. К каждой вещи был прикреплен лоскуток бумажки с указанием деревни и фамилии тех, кто посылает подарок бойцу–партизану. В некоторых записках было написано: «Просим вас, дорогие братья, бить фашистов повсюду, мстить им за надругательство над нашим народом».

Актив организовал сбор хлеба и картофеля партизанам. Крестьяне сдавали, кто сколько мог. Для охраны и сопровождения обозов отряды выделяли 2—3 вооруженных бойца и назначали пункт приема. Народ сдал партизанским отрядам 210 тонн хлеба и 300 тонн картофеля.

В феврале 1944 г. бюро подпольного райкома партии вынесло решение собрать хлеб в фонд Красной Армии. Провели в деревнях собрания с населением. На другой день после собраний в гарнизон партизанского отряда двигались обозы. Привезли 14 тонн ржи.

Кроме того, в партизанские отряды было доставлено более 300 винтовок, 23 ручных пулемета, 2 станковых пулемета и много боеприпасов.

Включились в помощь антифашистам жены капитанов 62-го Укрепленного района Анна Ивановна Калгашкина и Мария Даниловна Кузнецова, поселившиеся в окрестностях Дрогичина. У А.И. Калгашкиной на руках было двое маленьких сыновей — Сережа и Саша. Муж находился в отъезде, когда запылала граница. Эвакуироваться она не смогла и жила на хуторе недалеко от местечка Семятиче. Муж М.Д. Кузнецовой работал на сооружении дотов и в начале войны ушел с войсками, а она с четырьмя сыновьями — Витей, Колей, Толей и Сашей — вынуждена была оставить квартиру в Дрогичине и поселиться в Семятиче.

Недалеко от Дрогичина оказавшихся в плену советских воинов фашисты держали в большом лагере, который жители называли «Сухозебры». Осенью 1941 г. военнопленные подняли восстание. Его руководители в назначенный час вместе с безоружными и голодными бросились на охрану, забрали оружие, прорвали проволочные заграждения. И хотя многие погибли, но тысячи людей вырвались на свободу. Целый месяц с наступлением темноты глухими проселочными дорогами пробирались они на восток. У жителей близлежащих деревень не хватало гражданской одежды, чтобы одеть беглецов.

Помогали местным жителям и жены командиров Красной Армии. А когда фашисты организовали табачные плантации недалеко от Дрогичина, куда местное население должно было ходить на работы, Кузнецова и Калгашкина разъясняли крестьянам назначение плантации. И это приносило свои результаты: никто добровольно не желал работать на немцев.

Гитлеровцам стало известно об их агитационной работе. В июне 1943 г. в дом Ваврентюков, где на хуторе жила семья М.Д. Кузнецовой, ворвались фашисты. Марию Даниловну с детьми арестовали. А вскоре схватили и А.И. Калгашкину с детьми. Прошли аресты и других антифашистов по всей округе. Всех арестованных вывезли и расстреляли. Старший сын Кузнецовой — Виктор — избежал ареста. Он был пастушком и, когда забирали мать, находился в 16 километрах от хутора. Это был необыкновенно сме-

лый и любящий Родину тринадцатилетний мальчик: осенью 1941 г. и зимой 1942 г. он дважды пытался попасть на фронт. После неудач Витя разыскал партизан. Три припрятанные винтовки с патронами он принес с собой. Погиб подросток в 1944 г. от рук бандитов, маскировавшихся под партизан.

* * *

В разные жизненные ситуации попадали наши героини, в том числе и с детьми, но везде находили они свое место в борьбе с врагом. История человечества еще не знала такого массового и активного участия женщин и детей–старшкласников в освобождении своей Родины от нашествия иноземных захватчиков, не видела такого беспримерного героизма и мужества, который проявили советские патриотки, жены и матери командиров Красной Армии в Великой Отечественной войне.

ЖИВАЯ БОЛЬ

На временно оккупированной территории фашистские насильники чинили дикие злодеяния. Многие семьи командиров, расселившиеся в первые недели в деревнях под Брестом, были выявлены гитлеровцами и расстреляны.

Особенно зверствовали фашисты в 1942 г., мстя за свое поражение под Москвой и на других фронтах, преднамеренно выискивая и истребляя семьи командиров Красной Армии, стремясь уничтожить и запугать патриотов. Война принесла горе в каждую семью.

Память людская хранит один из многочисленных трагических эпизодов войны: уничтожение детей Домачевского детского дома. 23 сентября 1942 г. во двор детского дома прибыла 5-тонная автомашина с шестью вооруженными немцами. Они заявили, что повезут детей в Брест, и приказали сажать их в кузов машины. 54 ребенка в возрасте от 5 до 13 лет, вместе с воспитательницей Полиной Александровной Грохольской, женой политрука 22-й танковой дивизии А.С. Казаченко, были расстреляны недалеко от станции Дубица, в полутора километрах от деревни Леплевка, на пограничной огневой точке. В числе погибших были дети младшего лейтенанта 17-й погранзаставы 17-го КПО Зуйкова — Галина и Лида.

Сложной и трагической оказалась судьба Матрены Прокофьевны Акимочкиной, жены И.Ф. Акимочкина, начальника штаба 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, лейтенанта, погибшего в Брестской крепости. После долгих скитаний с двумя детьми и матерью вместе с беременной подругой Полиной Никитичной Герасиной и ее маленькой дочерью в августе 1941 г. они поселились у крестьян деревни Франополь: Акимочкина — у Василия Щикоты, Герасина — в другой семье. В этой же деревне нашли приют десятки других семей командиров Красной Армии. Все они включились в повседневные хозяйственные заботы.

Семьи командиров Красной Армии фашистские власти взяли на учет. Без их согласия женщины не имели права отлучаться из деревни. Весной 1942 г. войт* выявлял желающих идти работать в Брест в распоряжение биржи труда. Акимочкина решила временно оставить мать с детьми в деревне и найти в городе жилье и работу. У П. Герасиной родилась вторая дочь, поэтому она осталась у своих хозяев.

Всех записавшихся на биржу труда привели в город, в одно из зданий по ул. Пушкинской, где их распределили на разные работы. М.П. Акимочкину отпра-

* Войт — руководитель волости.

вили на лесопильный завод, находившийся на территории нынешнего автовокзала, рядом с церковью и казармой для военнопленных. Но вскоре на предприятии сократилось количество рабочих мест, и ее уволили.

Матрена Прокофьевна встретила в городе Эльвиру Застелло, жену П.И. Застелло — старшины 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, которая посоветовала ей устроиться уборщицей в одну из немецких казарм в районе Северных ворот Брестской крепости. Там размещались два двухэтажных здания, в одном из них — немецкое общежитие, во втором — за колючей проволокой с усиленной охраной советские военнопленные, которых выводили под охраной в город на хозяйственные работы.

Чтобы устроиться на работу, необходимо было выписать семью из деревни Франополь. В начале 1942 г. немецкая администрация располагалась в деревне Большие Радваничи, но там уже активно действовали первые группы партизан. Боясь их, солтыс с гминой переехали в деревню Каменница Жировецкая, что в 12 километрах от Бреста. Туда и отправилась Матрена Прокофьевна, чтобы выписать семью из деревни Франополь в Брест. Секретарь гмины и солтыс долго совещались за закрытой дверью, обдумывая, как поступить с женщиной, так как знали, что в деревне у нее семьи уже нет. Но все-таки подписали «документы». Не заходя в деревню Франополь, она отправилась в г. Брест, зашла в магистрат по ул. Советской, оформила прописку семьи в городе. Когда вышла из магистрата, встретила хозяина квартиры Полины Герасиной с лошадью и подводой. Женщина обрадовалась, что увидела знакомого человека и что может с ним уехать в деревню к семье. Подошла к нему. Он поинтересовался, что она здесь делает и куда собирается идти.

Матрена Прокофьевна рассказала, что уже окончательно решила вопрос о прописке семьи в городе и хочет ехать за ними, и если он не возражает, то поедет вместе с ним. И тут он сказал: «Женщина, крепитесь! Забирать из деревни Вам некого — семью фашисты расстреляли вместе с другими семьями командиров Красной Армии». «А что с Полиной?» — почти выкрикнула М.П. Акимочкина. «Полину с дочками тоже расстреляли». И он рассказал, как немцы под дулом пистолета заставили его отвезти несчастную семью на своей подводе к месту гибели. М.П. Акимочкина потеряла сознание. Долго мужчина приводил ее в чувство и, усадив на подводу, повез в деревню. Она всю дорогу безутешно рыдала. Он ей подробно рассказывал о страшной трагедии, приключившейся с семьями военнослужащих. Фашисты с полицаями и собаками согнали 43 человека (женщин и детей) из деревни Франополь, вывели их в конец деревни на небольшую поляну. Там протекал ручей. Рядом был густой кустарник. Могилу заставили рыть местных жителей. А потом тут же расстреляли безвинных. Семилетний Вова Акимочкин три раза пытался убежать от места расстрела и даже от края могилы, но его возвращали с собаками. Это случилось 8 октября 1942 г.

Мужчина поехал в центр деревни, а Матрена Прокофьевна пошла к большой братской могиле, там и заночевала. Было совсем не страшно. О жизни

на Земле напоминал только ручей. Утром от могилы ее с трудом увели женщины деревни.

Не могла Матрена Прокофьевна забыть это горе. Все время страдала о родных и близких, хотя вышла замуж, имела дочь и двоих внуков. Во время беседы с автором в ноябре 1987 г. не переставала плакать. Муж Иван Гаврилович Смородин заметил: «Вот так со слезами и живем почти 40 лет». Останки 43 человек из безлюдного места перевезли в деревню Большие Радваничи, в общую братскую могилу, в которой покоятся 240 человек. Есть там памятник, ограда, шефствуют над общей могилкой школьники. «Но очень бы хотелось, — говорила Матрена Прокофьевна, — чтобы памятник был не безымянный. Надо написать фамилии похороненных там людей. Пусть люди знают, кто там покоится».

Трагическая судьба постигла и семью лейтенанта, начальника 9-й заставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда А.М. Кижеватова — мать, жену и троих детей.

Осенью 1942 г. гитлеровцы, под предлогом вывоза из деревни Великориты и других деревень в Брест семей командиров Красной Армии, собрали всех вместе и на 26-м километре от Бреста, на Ковельском шоссе, расстреляли их, в том числе всю семью (пять человек) лейтенанта А.М. Кижеватова, семью Пилипенко — жену Евдокию и двоих сыновей, семью В.А. Шульженко — трехлетнего Диму, сестру Антонины Шульженко — Марию Воробей и многих других.

В деревнях Литвинки, Волки, Закий, Подлесье каратели провели несколько рейдов в поисках жен и детей командиров Красной Армии. Схватили 48 человек и расстреляли в Шебринском лесу, недалеко от деревни Подлесье 27 октября 1942 г. В их числе были семьи лейтенанта Головинского — жена Мария и сын; капитана Касаткина — жена Мария Николаевна и дети — Владислав и Зоя; старшины Левичева — жена Варвара с ребенком; младшего лейтенанта Ш.Я. Левита — жена и двое детей; младшего лейтенанта Мильшина — жена Варвара и сын Валентин; старшины Поцелуева — жена и двое сыновей; лейтенанта Чеснокова — жена Варвара Яковлевна и дочь Алла; лейтенанта Смирнова — жена Анастасия и дочь Валентина; лейтенанта Сорокина — жена с ребенком; жена лейтенанта Михельсона — Дора.

Варвара Левичева оказалась раненной в гортань. Она с большим трудом с ребенком выбралась из-под трупов. Обезумевшая мать с мертвым младенцем на руках шла ночью более 25 километров, направляясь в Брест к Евдокии Сорокиной и Елизавете Костяковой. Ранение у Варвары было сложное, дышала тяжело, отхаркивалась кровью. Молодая женщина стала совершенно седая. Подруги с трудом отобрали у нее мертвого ребенка и в эту же ночь похоронили. Рану Варваре промыли, продезинфицировали травяным раствором, забинтовали. От перенесенного ужаса В. Левичева находилась в состоянии нервного шока. Ей бы оказать квалифицированную помощь в больнице, но сделать это было невозможно. У подруг же не было ни

лечебных, ни успокоительных средств. Раненая в полузабытии без конца повторяла: «Наши паспорта в гмине, надо туда идти...» Женщины ее удерживали как могли, не выпускали на улицу, но все-таки, под предлогом выйти в туалет, она убежала и пришла в деревню Каменца Жировецкая в гмину. Там ее сразу же схватили и вывезли на расстрел второй раз.

В течение месяца с 27 сентября по 27 октября 1942 г. вместе с местным населением только в Жабинковском районе в деревнях Большие Радваничи, Стеброво, Рачки, Новосады, Королин, Стреганец, Подлесье, Саки, Бусни, Волки, Зваричи, Шелухи, Федьковичи, урочище Плянта и Романовские хутора, имение Соколово, Шебринский лес фашисты расстреляли около 900 человек. Среди них семьи командиров: жена лейтенанта И.М. Борисова Екатерина с детьми Валентиной и Владимиром; жена лейтенанта И.А. Гордеева Клавдия Петровна с сыном Анатолием; жена лейтенанта Гранова с ребенком; жена лейтенанта П.Я. Автушко — Вера Артемовна; жена старшины В. Мулина Анна с дочерью Валентиной; жена старшего лейтенанта И.Д. Панарина Пелагея Ивановна с сыновьями Борисом и Владимиром; двое дочерей старшины И.Н.Фурсова; жена лейтенанта Ф.А. Писарева Анна Ивановна с сыном Иваном*; жена лейтенанта С.В. Паньшина Мария Григорьевна с сыновьями Владиславом и Виктором; жена младшего политрука И.Ф. Чубука Софья с дочерью Светланой, сыном Ромуальдом; жена старшины А. Чистякова Людмила с двумя сыновьями; жена младшего лейтенанта А.Н. Ра-статуева с двумя детьми и матерью; жена лейтенанта Соломонова Анна Андреевна, дочери Тамара и Алла.

Валентина Писарева, дочь погибшего в Брестской крепости лейтенанта Ф.А. Писарева, находилась в это время в деревне Сеньковичи в семье приютивших ее Данилюков. Она узнала только через несколько дней о гибели матери и братика.

В 1944 г. фашисты нашли жену лейтенанта Демашкевича Екатерину с дочерью Тамарой и тогда же расстреляли.

Десятки семей военнослужащих Красной Армии погибли в Бресте и Брестском районе: жена капитана В.В. Шабловского Галина Корнеевна, погибла в брестской тюрьме; жена лейтенанта Ананишвили Нино и дочь Елена; жена старшего лейтенанта А.Е. Гелашвили Маро, дети Лиана и Мелси; жена лейтенанта В.П. Глухова Валентина; мать лейтенанта Э.А.Инашвили Мариам Исааковна; жена майора А.Э. Дулькейта Татьяна Федоровна и сын Юрий; жена политрука И.И. Елистратова Нина и двухмесячный ребенок; жена лейтенанта М.А. Кагановича Роза Матусовна, сын Эдуард, отец жены Шуль-

* 26 ноября 1942 г. жителей Жабинки собрали в центре поселка якобы для регистрации. В основном это были жены командиров Красной Армии с малолетними детьми, среди них — и Анна Писарева с четырехлетним сыном Ваней. После «регистрации» женщин и детей (около 300 человек) построили в колонну и повели в сопровождении большого числа вооруженных фашистов и полицейав на окраину Жабинки, в небольшую березовую рощу, где к тому времени была вырыта яма. И всех расстреляли.

ман Матус Шлемович; жена старшего лейтенанта Михайлова Клавдия Семеновна; жена лейтенанта У.С. Новикова Татьяна Дмитриевна; жена и отец лейтенанта Пешкова; жена младшего лейтенанта Падучина Пелагея Дмитриевна, дочь Алевтина; жена лейтенанта Рубцова; жена старшего лейтенанта Хайдукова; жена лейтенанта Шейнина-Эренфрунта Нина и сын; жена лейтенанта П.Н. Цеголева Клавдия Ивановна, дети Владимир и Елизавета; жена политрука Юрова Серафима Андреевна и дочь Елена; жена лейтенанта Кувшинова Анна Марковна и дети — Люба, Тамара, Виктор; жена лейтенанта Евдокимова Раиса Евгеньевна и трое детей; жена командира Красной Армии Белова Раиса Ивановна и трое детей; жена начальника штаба 218-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 4-й бригады ПВО лейтенанта В.А. Порохорова Зоя Соломоновна с дочерьми Светой и Нелли.

В Кобринском районе расстреляна семья младшего лейтенанта И.Д. Журбенко — Клавдия Ивановна и двое детей. В деревне Дубно расстреляна семья лейтенанта К.С. Вахрушева — жена Курочкина Нина Ивановна и сын Иван. Семья младшего лейтенанта Г. Миланина — жена Софья Шебеко, дочери Людмила и Нонна расстреляны в 1943 г. на полигоне станции Каменная Брестского района. В деревне Рогозно Брестского района расстреляны семьи: техника-интенданта 1-го ранга С.М. Шевченко — жена Анна Филипповна и сын Виктор; капитана П.С. Яценко — жена Вера Алексеевна и двое детей. Жена лейтенанта С.С. Одинцова Екатерина Андреевна расстреляна в городском поселке Береза-Картузская.

Места гибели некоторых семей не установлены, в том числе: комиссара А.Ф. Мурашко — жены Раисы, ее матери и сына, лейтенанта Ткачева и младшего лейтенанта М.А. Хруща. Ряд семей командиров Красной Армии были расстреляны в деревне Дорошевичи Дивинского района, деревне Лешанка Каменецкого района, деревнях Пожежин, Лешница, Масевичи Малоритского района.

По последним, далеко не полным данным, на Брестчине расстреляно 253 семьи, 571 человек, большая часть из них — дети.

Земля Брестчины, как и всей Беларуси, священная: каждый ее клочок полит кровью безвинных жертв. В Брестской области расстреляно: 158 048 человек, из них женщин — 69 202, детей — 44 953; повешено 23 человека, из них 3 женщины; сожжено 999 человек, из них женщин — 328, детей — 305; убито и замучено военнопленных — 38 858 человек; угнано в немецкое рабство — 30 008 человек, погибло во время воздушных бомбардировок 455 человек.

Чувства каждого, кто пережил войну, в словах Матрены Прокофьевны Акимочкиной (Смородиной): «Мое личное горе — это лишь капля в общем горе, страданиях, невероятных муках всего советского народа. Нет прощения фашизму!»

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Судьбы членов семей командиров Красной Армии Брестского гарнизона и других воинских подразделений, боровшихся с фашистами в тылу врага, еще раз подтверждают, что война Советского Союза против Германии в 1941—1945 гг. по праву названа Отечественной.

В Брестской крепости под вражеским огнем плавился металл, горела земля, но врагам не удалось сломить волю ее защитников. Более 50 жен, матерей и детей-подростков командиров Красной Армии Брестского гарнизона помогли им в неравной схватке с фашистами, 25 женщин участвовали в боях непосредственно на пограничных заставах.

Многие из них стали подпольщиками, партизанами. В партизаны из города было выведено 38 семей командиров Красной Армии. Они входили в партизанские отряды имени Чернака, Ворошилова, Чапаева, Фрунзе, Кирова, Суворова, Щорса Брестского партизанского соединения, имени Дзержинского Пинского партизанского соединения и др. А.И. Хромова и А.М. Бабушкина возглавляли в партизанских отрядах партийный и комсомольский комитет.

Жены и дети командиров участвовали также в антифашистском движении в Брестском, Кобринском, Малоритском, Жабинковском и Антопольском районах Брестской области, на Минщине, в г. Орле.

Их героическая судьба не может не найти отклика в сердце каждого читателя, каждого оставшегося в живых свидетеля трагических событий первых дней и месяцев Великой Отечественной войны.

Жены командиров Красной Армии и военнослужащих помогли работникам мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» и его музея воссоздать яркую героическую страницу начала бессмертного подвига советских людей. Варвара Ивановна Кругликова, капитан, военврач 3-го ранга 455-го Краснознаменного корпусного артиллерийского полка, помогла найти и опознать по фотографиям многих бойцов своего полка.

Нештатными экскурсоводами в музее Брестской крепости были А.А. Никитина (Аршинова), П.Л. Ткачева, Е.С. Костякова, Н.М. Контровская. Они выступали перед военнослужащими, школьниками, студентами, вели переписку с многочисленными пионерскими дружинами и отрядами, в том числе, киеватоками всего Советского Союза.

Бывая в Брестской крепости, встречаясь с ее посетителями, Н.М. Контровская говорила: «И хотя много времени прошло с 1941 г., но я живо помню лужи крови, трупы воинов, женщин и детей... И чем лучше я живу, тем отчетливее встают в моей памяти образы замечательных воинов, которые

обороняли Брестскую крепость и нашу Родину. Они были замечательны тем, что интересы страны, народа ставили прежде всего. И в опасные для них минуты забыли обо всем, кроме одной необходимости — отстоять независимость Отчизны».

До сих пор судьбы людей, прошедших сквозь ад первых дней войны, болью отзываются в наших сердцах. Люди до сих пор ищут потерявшихся в войну родных. Жительница Баранович Алла Патеюк (урожденная Сотникова) до сих пор ищет своего дядю, поиски которого начал после Великой Отечественной войны ее отец Анатолий Васильевич Сотников. Их мать, Клавдия Петровна Сотникова, поселилась в Брестском гарнизоне в 1939 г. Ее муж погиб в советско-финляндскую войну, и она работала машинисткой 333-го стрелкового полка, расквартированного в Брестской крепости. Анатолию было в это время четыре года, а младший Виктор только родился. Клавдия Петровна погибла 22 июня 1941 г. Дети остались одни, но их выходили жены командиров. Виктора удалось отправить к бабушке в Орловскую область, а Анатолий остался в крепости, а потом попал в Брестский детский приют, откуда его забрала польская семья, давшая ему другое имя — Рица Анатолий Францевич. Всю жизнь он пытался найти младшего брата. Он помнил, что родители были родом из Орловской области. Умер Анатолий Васильевич в 1972 г. Виктор в свою очередь искал брата Анатолия. Его связь с музеем в Брестской крепости поддерживалась до середины 1990-х гг., а затем оборвалась... Теперь уже дочь Анатолия Васильевича продолжает поиски своего родственника (см.: Митюков, А. Долгие поиски Сотниковых //Сов. Бел. /Союз Беларусь—Россия. 2008. 23 февр.).

* * *

Идут годы, но не меркнет в памяти людской подвиг тех, кто мужественно встал в суровом 1941 г. на защиту рубежей Родины. Память сердца и сегодня зовет тысячи людей на священную Землю Брестской крепости. Здесь торжественно провожают юношей, уходящих на службу в армию и принимающих присягу на верность Беларуси; сюда приносят цветы молодожены, брестские школьники встают в почетный караул у Вечного огня, проводят уроки мужества.

У нашего будущего есть великое героическое прошлое. Нам есть чем гордиться и по-прежнему есть что защищать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брестская крепость. На ветрах истории. Минск, 2004.
2. Брестская крепость. Страницы истории. Минск, 2000.
3. Брестская крепость. Факты, свидетельства, открытия. Брест, 2000.
4. Буг в огне. Минск, 1977.
5. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков: в 3 т. Т. 1. Минск, 1983.
6. Герои Бреста. Минск, 1991.
7. Героическая оборона. Минск, 1963.
8. *Гребенкина, А.А.* Брест непокоренный /А.А. Гребенкина. Минск, 2005.
9. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1960.
10. *Кожин, В.В.* Россия: век XX /В.В. Кожин. М., 2001.
11. *Платонов, В.В.* Это было на Буге /В.В. Платонов. М., 1966.
12. *Смирнов, С.С.* Брестская крепость /С.С. Смирнов. Минск, 1965.
13. *Смирнова, Т.Н.* Подполье непокоренного города /Т.Н. Смирнова, З.П. Смирнова. Урень, 2004.
14. Стояли насмерть. Минск, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
ЖИВАЯ БЫЛЬ.....	5
И ГРЯНУЛА ВОЙНА... ..	12
Бои на Тереспольском укреплении	14
Защита Южного острова	15
Оборона Цитадели	31
Сражения на Кобринском укреплении	40
Трагические события в Южном городке	59
НА ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ.....	61
НАЧАЛО ОККУПАЦИИ	71
В БРЕСТСКОМ ГОРОДСКОМ ПОДПОЛЬЕ.....	80
ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ	114
В РЯДАХ НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЕЙ	142
ЖИВАЯ БОЛЬ	165
ПАМЯТЬ СЕРДЦА	170
ЛИТЕРАТУРА	172

Гребенкина, А.А.

Г 79 Живая боль. Женщины и дети Брестского гарнизона (1941—1944) / А.А. Гребенкина. — Минск: Беларусь, 2008. — 174 с.: ил.

ISBN 978-985-01-0771-8.

О героизме защитников Брестской крепости известно очень много. Но есть еще судьбы людей, прошедших сквозь ад первых дней войны, — судьбы жен и детей, помогавших своим мужьям и отцам в неравной схватке с фашистами. Автор собрала огромный документальный материал, записала воспоминания оставшихся в живых женщин и детей Брестского гарнизона, которые и легли в основу предлагаемого издания. В книге использованы фотоснимки из фондов мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», отдела культуры Брестского горисполкома, а также десятки фотографий, подаренных автору участниками этих трагических событий, их родными и близкими.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(476.7)*1941/1944*
ББК 63.3(4Бви)

Научно-популярное издание

Гребенкина Анна Афанасьевна

ЖИВАЯ БОЛЬ.

**Женщины и дети БРЕСТСКОГО ГАРНИЗОНА
(1941—1944)**

В оформлении переплета использованы фото *Г.А. Лихтаровича*

Редактор *С.И. Михайлова*
Художественный редактор *А.Г. Звонарев*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Ж.М. Голиковой*
Корректоры *Л.А. Адамович, Л.Г. Кузьмина, Л.К. Семенова*

Подписано в печать 20.05.2008. Формат 60×90^{1/8}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Helvetica». Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,0+2,0 вкл.
Уч.-изд. л. 12,59+1,8 вкл. Тираж 1500 экз. Зак. 1346.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь» Министерства информации Республики Беларусь. ЛИ № 02330/0056828 от 02.03.2004. 220004, Минск, проспект Победителей, 11.

Республиканское унитарное предприятие «Типография «Победа».
222310, Молодечно, В. Тавлая, 11.

ISBN 978-985-01-0771-8

9 789850 107718

*Здесь каждый ров и каждый камень,
Осколок, взятый у стены,
Когда-то был согрет телами
Познавших первый день войны...*

А. Давыдов

